

ПИОНЕР 4

АПРЕЛЬ • 1973 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Давид КУГУЛЬТИНОВ

У памятника Ленину

Утро. Двадцать второе апреля.
Пионерам на площадь пора.
На просторах цветы запестрели,
Их нарвали ребята вчера.

Пионеры клянутся, что вечно
Делу Ленина будут верны.
И детьми, улыбаясь сердечно,
Мы любимся со стороны.

Вспоминаем, как жарко и строго
Приносили мы клятву свою.
С нею мы выходили в дорогу,
Не сдавались в трудах и в бою.

С ней шагали к намеченной цели,
Хоть бывало трудненько подчас...
А все то, чего мы не успели,
Довершите, ребята, за нас!

О Ленине мне рассказывал дедушка. Мне тогда было еще мало лет, но я любил эти рассказы.

Потом мама читала мне книги про Ленина. А скоро я сам научился читать и сам читал о Владимире Ильиче Ленине.

Мы, все ребята, узнаем о Ленине по рассказам старших, по книгам, по кино. Мы знаем об уме и характере Ленина, о его большой и важной работе для всех трудовых людей.

Однажды я был на выставке в Манеже. Я подошел к скульптуре Ленина. Я увидел лицо вождя и как-то сразу и сам понял все, о чем раньше слышал или читал. Я понял, что значат слова «сила ума», я понял, что такое мудрость.

Я стал думать о Ленине своими мыслями, и мне захотелось узнавать о Ленине еще и еще.
Михаил Лебедев, Москва, 12 лет.

Вот пришла новая весна, новый апрель.

**Мы всей страной празднуем
день рождения**

Владимира Ильича ЛЕНИНА.

Вместе с нами —

миллионы людей на планете.

Дело Ленина —

мечта всего человечества.

Дело Ленина — дело

нашей партии и нашего народа.

Где бы ты ни жил —

выйди из дома, прислушайся.

Ты услышишь ритмы работы.

Все они сливаются в общий

мощный трудовой ритм третьего года пятилетки.

Каждый наш год — новый шаг по ленинскому пути.

Все дальше вперед шагает советский народ.

Впереди — коммунисты.

Сейчас членам КПСС вручаются

новые партийные билеты.

На них изображение Владимира Ильича Ленина

и его проникновенные слова:

партия — ум, честь и совесть нашей эпохи.

Быть членом великой Ленинской партии —

значит верой и правдой служить своему народу,

все свои силы и знания отдавать борьбе за его интересы,

за торжество коммунизма.

1 марта 1973 года

партийный билет

за номером 00000001

был выписан в

Центральном Комитете КПСС

на имя Владимира Ильича

Ленина — основателя и вождя

Коммунистической партии

Советского Союза.

Подписал

ленинский партийный билет

Генеральный секретарь

ЦК КПСС

Леонид Ильич Брежнев.

ЛЕНИН всегда в сердце каждого

советского человека.

ЛЕНИН ВСЕГДА С НАМИ!

★

Ты открываешь

новый номер журнала.

Он расскажет о тебе

и твоих друзьях —

юных помощниках

пятилетки.

Юных друзей космонавтов.

О делах на Марше

«Всегда готов!»

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

АПРЕЛЬ 4

Издательство «Правда»

Москва 1973 г.

Санчо и желтый змея

Окончание

Воздушный змей был готов! Он занимал полкомнаты и сильно потеснил своего хозяина. А когда в комнате открывали форточку, змей едва заметно шевелился, шуршал. Он оживал от ветра. Ветер был его родной стихией.

Санчо покрасил своего летучего друга в желтый цвет. Нарисовал ему большие зеленые глаза и огнедышащую алую пасть. Крылья сделал перепончатыми, а все тело покрыл чешуей. Санчо не жалел красок.

Юрий ЯКОВЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

За этим занятием его застал отец.

— Что собираешься делать с этим чудовищем? — спросил Па.

— Я запущу его в небо, и он повезет меня, как собака Дега.

Па посмотрел на зеленоглазого змея, потом на сына и покачал головой.

— Давно ли ты принимал снег за белый песок. А теперь ты уже собираешься обуздать воздушного змея и помчаться на лыжах. Кстати, наступает рождество. У меня есть два билета во дворец. Можешь пригласить свою сеньориту, которая любит сок манго.

— Во дворец к президенту? — удивился Санчо.

— В этой стране дворцы не только у президента. У детей тоже есть свои дворцы.

— А что делают дети в своих дворцах?

— Справляют рождество. А когда рожде-

ство проходит... Я не знаю, что они делают во дворцах. Спроси у своих товарищей.

Санчо опустил голову, задумался. Потом он сказал:

— У моего друга... Шурика отец погиб, спасая шведских рыбаков.

— Это очень печально,— сказал Па.— Когда погиб мой отец, я был таким же, как твой... Шурик. «У пальмы зеленые крылья, но пальма не может взлететь...»

Елка! Елка! Елка! Она всюду: в витринах магазинов, на площадях, в окнах домов. Елка украшена игрушками, осыпана серебром и золотом. Елка пахнет лесом и праздником. Самым любимым праздником детей. Но взрослые тоже охотно вдыхают аромат елки: для взрослых — это память о самых дорогих днях жизни — о детстве.

Горячими потоками стекаются дети на праздник во Дворец пионеров. Все спешат, все боятся опоздать, все прижимают к груди билеты — как бы не потерять. И нет на свете такой плотины, которая могла бы сдержать этот праздничный ребячий поток.

— Змей готов? — спрашивала Рита своего друга.

— Готов... Он должен... сохнуть.

— Сохнуть? — удивилась девочка. — Ты мыл его?

— Нет... я красил змея... Я нарисовал ему глаза... зеленые, крылья — желтые.

— Желтый змей с зелеными глазами? — Рита засмеялась.

— Это смешно, когда желтый змей?

— Нет! — Рита продолжала смеяться. — Это весело! А вот и дворец, смотри!

Воображение Санчо рисовало Дворец совсем не таким. На детском Дворце не было статуй и гербов, не было старинных фонарей, не было гвардейцев с обнаженными саблями, не было... Словом, все было иным. Большие стеклянные окна, и толпа ребят у входа, и пар, вырывающийся из дверей, и по краям две елочки, ровные и нарядные, как близнецы.

Санчо разглядывал этот необычный Дворец, а Рита тянула его за руку.

— Идем, а то опоздаем!

Потом они поднялись по большой мраморной лестнице и очутились в огромном хороваде. Надо было крепко держаться за руку, чтобы не потерять друг друга в этом круговороте музыки и веселья. А запах елки, горьковатый, смолистый запах, волновал воображение и настраивал на сказочный лад. И вдруг Санчо, забыв, что вокруг множество народу, закричал:

— Папанозель! Смотри, Папанозель!

— Нет,— сказала Рита.

— Ты думаешь, это Балтазар или Гаспар? — Глаза Санчо горели, а его смуглое лицо от возбуждения стало еще смуглее. — Нет, Рита! Я узнаю его. Это Папанозель!

— Какой Папанозель? — удивилась девочка.

— Разве ты не знаешь? Это самый добрый из трех рождественских королей. Только у него должна быть корона...

Все это произошло в тот момент, когда в кругу появился Дед Мороз. Белобородый, густо нарумяненный, в шапке, в шубе и в больших рукавицах.

— Это Дед Мороз,— сказала Рита. — Он раздает подарки.

— Я и говорю: Папанозель! Он приносит ночью подарки. Надо только не забыть приготовить ботинок.

— Зачем ботинок?

— Для подарка,— сказал Санчо. И тут круговорот ребят стал относить его и Риту в сторону. И они очутились рядом с оркестром. В этом карнавальном оркестре все музыканты были одеты в пестрые клоунские костюмы. У всех были красные носы, а глаза обведены белыми кругами, похожими на очки.

— Вот... Рита... смотри! — Они подошли ближе к оркестру, и Санчо показал на одного из музыкантов. — Это банджо. На таком играл мой дедушка Хуан-Мария.

Банджо было похоже на маленький барабан с грифом и струнами. Музыкант играл на нем, как на гитаре.

— Я вижу,— тихо отозвалась Рита и посмотрела на смешного человека в белых очках, с красным носом. «Неужели дедушка Санчо, Хуан-Мария, был похож на него? — подумала девочка. — А может быть, если отмыть музыканту нос и белые круги, он будет мужественным и красивым, похожим на солдата?»

Санчо наклонился к Рите и сказал:

— Значит, завтра. Ты думаешь, мой змей не подведет?

— Он полетит как надо!

— И сеньорита Мария поедет с нами?

— Она обещала... Она обещала повезти нас на большое заснеженное озеро. Оно ровное, и там дуют сильные ветры.

— А Шурик поедет с Дегой. Кто быстрее — змей или Дега?

И тут оркестр заиграл галоп и заглушил голоса двух друзей.

По ровному замерзшему озеру, растянувшись цепочкой, медленно двигалась группа ребят. За ними по снегу сверкал ровный след, словно кто-то проложил здесь два рельса. Ребята двигались медленно, а идущий впереди нес какой-то непонятный издалека желтый предмет. От порывов ветра этот предмет вздрагивал и пытался вырваться из рук. Он был похож на парус, вернее, на сложное парусное оснащение корабля. Маленькие лыжники шли под этими странными желтыми парусами. Рядом бежала собака.

*Плывет по голубому океану
необыкновенная крылатая рыба.
Звонко звенит капроновая струна.*

Так это выглядело издалека. А вблизи это был Санчо и его друзья. И с ними была сеньорита Мария. Сегодня предстояло испытать змея.

— Осторожно, осторожно, — беспокоился Шурик. — Не проткните бумагу!

— Сперва надо запустить змея на высоту, — сказал Абрикос.

— Надо бежать, а потом он потянет сам, — сказала учительница, которая, в спортивном костюме, на лыжах, мало чем отличалась от своих питомцев.

— Я сниму лыжи и побегу, — предложил Шурик. — Ты, Санчо, будь готов!

Ребята расступились. Шурик снял лыжи. Санчо приготовился.

Сперва змей не захотел разлучаться со своей компанией. Шурик бежал, а змей нехотя следовал за ним. Раз даже проехался животом по снегу.

— Не тянет! — крикнул Абрикос. — Я так и думал.

— Должен! Он должен! — отозвался Санчо.

— Неужели полетит? — вздохнула тихая Алиса.

Шурик бежал. Овчарка огромными прыжками бежала рядом, а ребята на лыжах поспедали за ними.

И вдруг воздушный поток подхватил змея и поднял его на следующий этаж. Теперь до змея нельзя было уже достать рукой. Змей набирал высоту. Капроновая жила напрягалась все сильнее. И вот уже не мальчик тянул змея, а змей, очутившись в своей стихии, потянул его.

— Тянет! — крикнул Шурик.

— Тянет! Тянет! — закричали остальные.

— Держи, Санчо!

— Осторожно! — крикнула учительница.

Санчо едва успел перехватить капроновую

жилу, как почувствовал мощную упругую силу, которая повлекла его вперед.

— Пошел! Пошел!

Санчо заскользил по ровному снегу. «Только бы устоять на ногах! Только бы сохранить равновесие!» Теперь змей казался ему каким-то одушевленным существом, которое парит высоко над землей. С этим существом его связывала не просто безжизненная капроновая жила, а нечто большее. Они как бы стали одним целым — мальчик и змей. Ребята остались далеко сзади, и Санчо чувствовал, как змей то замедляет свой полет, то тянет с новой силой. Мальчик мчался по снегу, и казалось, нет такой силы, которая могла бы его удержать, остановить. Теперь змей соперничал с ним: кто сильнее. А что, если змей перетянет и оторвет Санчо от земли?!

Санчо поднял голову и посмотрел ввысь на змея. Змей показался ему желтой рыбой, плывущей в голубом море. Санчо поймал ее, а рыба вырывается. Но Санчо не отпустит. У него хватит сил.

В это время он почувствовал сильный рывок. Змей, видимо, поднялся еще на один этаж — там скорость воздушного потока была сильнее. Санчо крепко держался за капроновую жилу и вдруг потерял равновесие, упал. Он упал, а змей не видел, что его земной друг упал! Змей продолжал тянуть. Он волок Санчо по снегу, и у мальчика не было возможности удержать его хотя бы на минуту, чтобы встать на ноги. Лыжа за что-то зацепилась, резкая боль пронзила ногу. Санчо

вскрикнул. Никто не услышал его голоса. Ветер отнес крик в сторону.

Потом мальчик проехал щекой по шершавому, заледеневшему снегу, и щека вспыхнула.

«Надо отпустить бечевку», — подумал Санчо. Но другая мысль удержала его: «Нет, нельзя, нельзя! Тогда змей улетит».

Он крепче сжал руку. Теперь он был уже не другом этой созданной им огромной птицы, а якорем, который изо всех сил хочет удержать змея, остановить его движение. Он боролся со змеем.

А ребята видели, что происходит, и кричали:

— Санчо! Отпускай змея! Отпускай!

Надо было скорее помочь ему! Но до Санчо было далеко. И тогда Шурик крикнул:

— Дега, ко мне!

Собака тут же очутилась рядом. Шурик прикрепил длинный поводок к упряжке и скомандовал:

— Вперед! Дега, вперед!

Сухой снег поднялся легким облачком, Шурик крепко держался за поводок. Дега неслась туда, где Санчо боролся с желтым змеем.

Остальные, налегая на палки, спешили за Шуриком. Впереди скользила сеньорита Мария.

Скорее! Скорее! Скорее!

Вот уже Шурик приближается к Санчо... Поравнялся с ним... Ухватился рукой за тугую капроновую нить... Санчо разжал руку, теперь со змеем боролся Шурик. И, лежа на снегу, Санчо вдруг подумал: «Отец Шурика спас шведских рыбаков, а его самого смыло море... Может быть, Шурик спас меня, а сам...» Мальчик попробовал привстать, но его, словно током, ударила боль в ногу. Санчо опустил на снег и закрыл глаза. И тут он почувствовал над собой горячее дыхание, теплый язык лизнул его ободранную щеку. Санчо открыл глаза — Дега, верный друг Шурика.

— Дега! — прошептал мальчик.

Собака виляла хвостом.

— Вот мы и познакомились... — Эти слова он произнес на родном языке, но Дега, видимо, поняла, что он сказал, и снова лизнула его, теперь уже в другую щеку.

Шурик тем временем одолел змея. Тот перестал рваться ввысь, послушно опускался и наконец лег на снег желтыми крыльями. Тем временем подоспели остальные лыжники.

— Ты ранен? — тревожно спросила сеньорита Мария, останавливаясь рядом с Санчо.

— Нога, — сказал Санчо, — болит...

— Ты сломал ногу? — испуганно спросила Рита.

— Не знаю.

Санчо все еще находился во власти этого стремительного, безрассудного движения. В ушах стоял шум, а сердце билось учащенно.

— Я не отпустил его, — сказал мальчик.

— Давай сниму с тебя лыжи, — предложила Мария Павловна.

— Сам! Не может сеньорита...

— Я твой друг, а не сеньорита, — сказала Рита и опустилась на колени.

— Спасибо... друг, — прошептал Санчо и дотронулся до ободранной щеки.

Змей выбился из сил. Однако он довольно далеко увел ребят, и теперь Шурик, Абрикос и Алиса возвращались к Санчо, лежащему на снегу, ведя виновника происшествия под уздцы, как скакуна.

— Я ранен в бою, — вдруг шепнул Санчо Рите, — а ты сестра милосердия, ты спасаешь меня.

— Ты смелый парень, — сказала Рита. — И никаких ветряных мельниц! Тебе очень больно?

— Мужчина должен терпеть!

Подошли ребята со змеем.

— Здорово у тебя получилось, — сказал Абрикос. — А я думал, ничего не выйдет.

Кое-как ребята соорудили из лыж сани и повезли на них раненого товарища. Рита шла рядом.

*

— Что случилось, Санчо? — Ма стояла в дверях, а перед ней на лестничной площадке толпились ребята, которые помогли Санчо добраться до дома. Одна нога его была разута и забинтована. На щеке — пятно...

— Бог мой! Ты попал в катастрофу?

— Я катался на лыжах... со змеем, — сказал Санчо, виновато оглядываясь на товарищей.

И тут к Ма подошла учительница сеньорита Мария:

— Здравствуйте. Я учительница Санчо.

— И вы тоже... со змеем? — удивилась Ма.

— И я тоже... Я поехала с детьми кататься на лыжах... И вот случилось...

— Боже мой! — воскликнула Ма.

— Ничего страшного, — сказал Санчо, — со всеми случается.

— Доктор сказал, скоро пройдет, — вступила в разговор Рита. — Санчо вел себя бесстрашно.

— Бесстрашно, — вздохнула Ма. — У нас в роду все ведут себя бесстрашно и... погибают в бою...

— Я знаю, ваш отец был банджистом.

— Даже банджисты в нашей семье погибают в бою... Я так боюсь за Санчо.

И тут Ма спохватилась, что не пригласила всех войти в дом, что вот уже несколько минут они стоят на лестничной площадке — и друзья Санчо и сеньорита Мария.

— Что же мы стоим! Заходите, пожалуйста! И... надо вызвать врача.

— Мы уже были у врача, — сказала Рита.

— Санчо! У тебя хватило денег на врача? — заволновалась Ма. — Может быть, вы заплатили, сеньорита Мария?

— Зачем платить? — сказал Шурик.

Ма быстро взглянула на Шурика, на ребят и растерянно покачала головой, словно что-то вспомнила.

Ребята толпились на лестничной площадке. А главный виновник происшествия — воздушный змей — виновато поглядывал своими зелеными глазами. Его огнедышащая пасть остыла и была уже не такой страшной.

— Нам пора, — сказала Мария Павловна.

— Поправляйся, Санчо, — сказала Рита.

— Я скоро поправлюсь.

— Жаль, что вы не располагаете временем, — сказала Ма. — Заходите в другой раз. Мы будем рады.

— Спасибо! — за всех сказала Рита.

— Ма, это Рита, — шепнул маме Санчо.

— Которая любит манго? — спросила Ма.

— Да!

Ребята стали спускаться по лестнице, откуда-то снизу донеслось:

— Поправляйся!

На площадке остались трое: Ма, Санчо и желтый змей.

— Выбрось его! — сказала мама.

— Нет! Он еще покатает меня на водных лыжах. Это очень хороший змей.

— Идем, инвалид! — сказала Ма и подставила Санчо плечо.

*

Прошло немало времени. Зима закончила свои снежно-ледяные дела и уступила место весне. Санчо был очень удивлен, когда почувствовал на щеке прикосновение теплого ветра и увидел, как разворачиваются свернутые в трубочку зеленые листья. Он думал, что здесь всегда белый цвет, а зеленый только за океаном, у него на родине.

Санчо давно освоился с русской школой и

писал диктанты вместе со всем классом. Конечно, он делал ошибки, но не так много, как в первое время. Нога его зажала. А желтый змей в ожидании лета был водворен на шкаф. Он поглядывал оттуда зелеными глазами, а когда открывали форточку, вздрагивал и шуршал.

В ту пору в доме Родригесов снова появился гость с родины. На этот раз сеньор Крэдо остановился на несколько дней. Его поместили в кабинете Па. Теперь, когда он переступал порог дома, его срывающийся голос звучал на всю квартиру:

— Санчо! Какие новости?

— Наши выиграли со счетом четыре — один.

— Наши? — Два буравчика впивались в Санчо. — Разве вчера в Союзе играл «Эриган»?

— Нет! Наши — «Спартак»!

— Наши... «Спартак»... — переспрашивал сеньор Крэдо. — Уже «Спартак» — наши? Надеюсь, тебя еще не приняли в пионеры?

*

Па брился перед зеркалом. Его лицо было густо намылено, и он чем-то был похож на новогоднего Деда Мороза. Сверкающее лезвие бритвы с легким потрескиванием вместе с пеной соскребало щетину. Отец оттягивал кожу и еще раз начисто проводил бритвой. Глаза его были сосредоточены, как будто он занимался чрезвычайно важным делом.

И тут в зеркале появился Санчо.

— Па, здравствуй!

— Салют, — отозвался Па и в знак приветствия слегка приподнял бритву. — Как успехи в школе?

— Вчера в диктанте я сделал всего пятнадцать ошибок.

— И получил кол?

— Нет... Мария Павловна ничего мне не поставила... Она говорит, это естественно.

— Это естественно, — механически повторил Па и с ожесточением намылил небритую щеку.

— Зато по физо я получил пять!

— Что такое «физо»?

Санчо засмеялся: ему показалось странным, как это человек не знает, что такое «физо».

— Гимнастика, — ответил он.

— А-а! — протянул Па и надул щеку, чтобы легче было брить.

Санчо взял в руки кисточку и намылил себе щеки и подбородок. У него как бы выросла белая борода, и он на мгновение превратился в Деда Мороза, Деда Мороза — мальчика.

— Не балуйся, — сказал Па и улыбнулся. — Еще успеешь намучиться с бородой. У тебя тоже будет такая же борода, как проводочная. Жесткая и быстрорастущая. Электробритвы тут бессильны.

— Я буду бриться, как ты — опасной бритвой, — сказал Санчо и принялся смывать мыльную пену.

Потом он вытер лицо и сказал:

— Па, через три дня у Риты день рождения.

— Вот как! — воскликнул Па, внимательно разглядывая свое лицо. — Надо бы приготовить ей подарок.

— Очень прошу тебя, Па! Только не покупай, пожалуйста, куклу. Советские девочки не играют в куклы!

— Во что же они играют? — Па повернулся к Санчо.

Санчо задумался, потом сказал:

— Они играют в те же игры, что и мальчишки.

— Вот как! — Па густо намылил щеку. — Ты поставил передо мной сложную задачу. Насколько проще, когда девочки играют в куклы.

В это время в дверях ванной появился сеньор Крэдо.

— Куда проще, когда девочки играют в куклы, — повторил он слова Па. — Однако, дорогой Родригес, мы не должны ударить лицом в грязь. Мы вместе подумаем о подарке.

— Спасибо, — сказал гостю Санчо. — Спасибо, сеньор Крэдо.

Он был уверен, что двое взрослых что-нибудь да придумают. Тем более, когда они не хотят ударить в грязь лицом.

Накануне Ритинога дня рождения сеньор Крэдо принес подарок. Да, гость с родины воистину не ударил лицом в грязь. В большой картонной коробке стоял сверкающий никелем космический корабль. Сеньор Крэдо своими пухлыми короткими пальцами извлек игрушку из коробки, поднял ее над головой.

— Смотрите! Смотрите!

Па и Ма пришли на его зов, чтобы взглянуть на подарок.

— Какой красивый! — воскликнула Ма.

— Красивый?! Вы еще не видите всей красоты, — воскликнул сеньор Крэдо и поставил ракету на стол. — Откуда будем производить запуск? С мыса Кеннеди или из Караганды? Ха-ха!

Он звучно засмеялся своей шутке.

— Итак: пять, четыре, три, два, один!

Он нажал на кнопку, и в то же мгновение внутри ракеты послышался нарастающий рокот, под соплами замелькали отблески пламени, ракета задрожала, готовая оторваться от земли и устремиться ввысь, даже если бы для этого ей пришлось пробить потолок и крышу.

Сеньор Крэдо снова нажал кнопку: огни погасли, ракета затихла.

— Каков корабль?

— Прекрасный, — сказал Па, — я с удовольствием сам бы поиграл с такой штукой.

— За такую игрушку, — сказала Ма, — я,

пожалуй, отдала бы свою самую любимую куклу.

— Только ни слова Санчо,— предупредил сеньор Крэдо,— пусть это будет сюрпризом и для него.

Когда Санчо пришел из школы, Па позвал его и сказал:

— Вот подарок!

Подарок был упакован и перевязан бечевкой.

— Что это? — спросил Санчо.

— Завтра узнаешь. Пусть это будет сюрпризом не только для Риты, но и для тебя.

— Спасибо, Па! Ты слышал, что в Анголе наши снова надавали португальским захватчикам?

— Какие наши? — с недоумением спросил Па. — С каких пор они стали нашими?

— Мы сегодня мастерили подарки для политзаключенных в Португалии,— сказал Санчо. — Разве нельзя?

— Раз все собирали... — растерянно сказал Па. — А подарок возьмешь завтра. И не распаковывай его!.. Так просил сеньор Крэдо.

На другой день Ма собирала сына на день рождения. Она достала из шкафа белую рубашку с жабо, которое напоминало взбитые сливки, вылитые на грудь.

— Это очень элегантно,— сказала она.

На что сын ответил:

— Не надену!

— Но почему же, Санчо?

— Я не пижон! — был ответ. И для убедительности добавил: — Это только пижоны носят жабо. А наши ребята не носят.

— Что же носят «наши» ребята?

— Красные галстуки.

— Хорошо,— терпеливо сказала Ма. — Я поищу у отца красный галстук.

— Отец не пионер. Его галстуки не годятся. Дай мне простую рубашку.

Потом Санчо отказался от золотых запонок, которые, оказывается, носят только капиталисты; и от лакированных туфель, которые носят девочки; и от одеколona; и от пробора. Он окончательно расстроил Ма, которая искренне хотела, чтобы ее сын был самым элегантным.

— Я не опоздаю? — поминутно спрашивал Санчо. — Сколько времени? У нас верные часы?

— Кто будет на празднике? — спросила мама.

— Свои ребята,— ответил Санчо, подхватил сверток с подарком — чуть не забыл его! — и помчался так, словно опаздывал на поезд.

*

Дверь Санчо открыла сама хозяйка дома — Рита.

— Санчо!

Санчо переступил порог и шаркнул ногой,

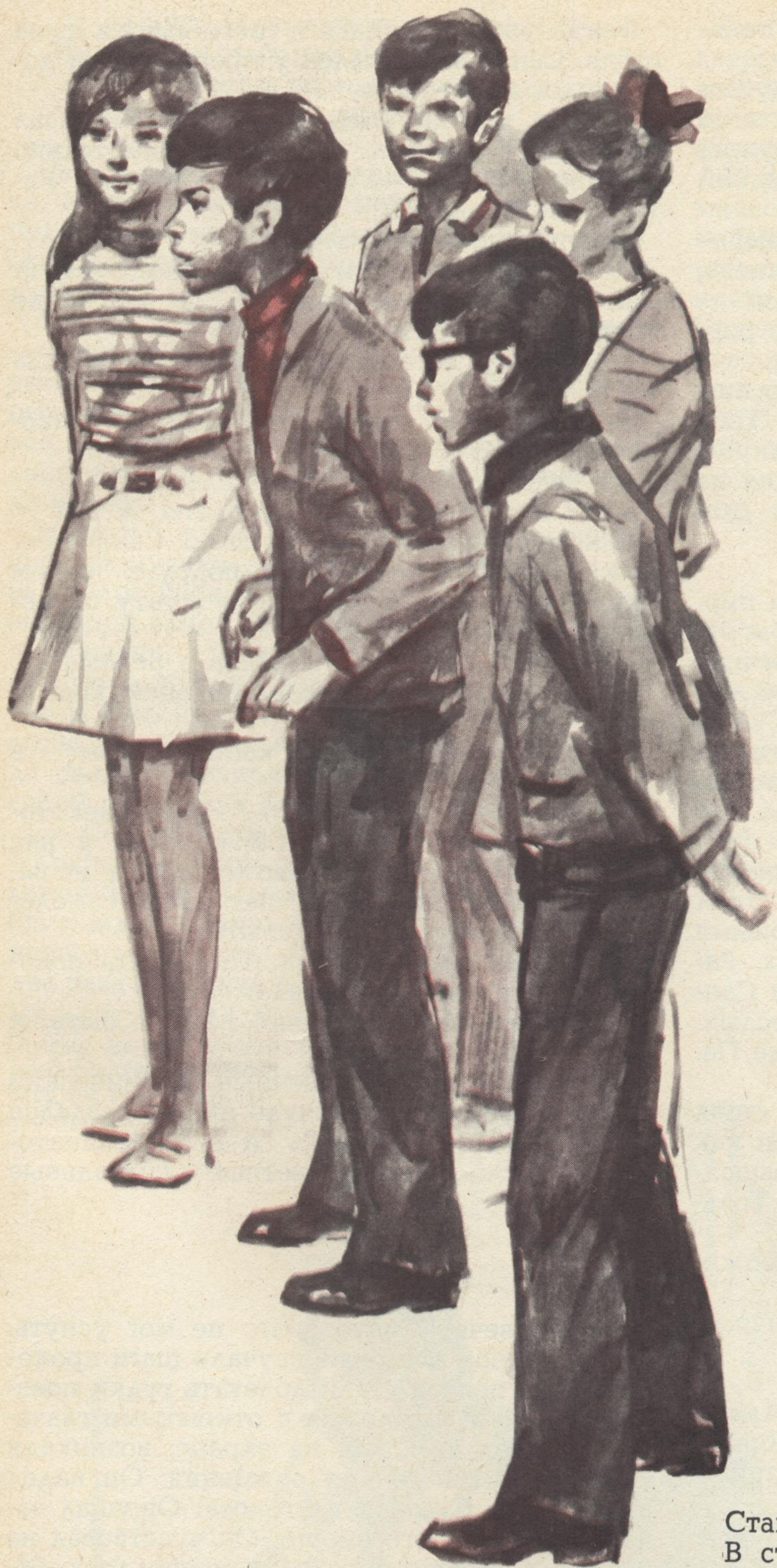
при этом он очень элегантно наклонил голову.

— Рита, поздравляю тебя... Вот, пожалуйста, прими.

Он протянул девочке сверток с подарком. В прихожую выбежали Ира и Алиса. Они были такими нарядными, что Санчо даже растерялся. Он снова шаркнул ногой, наклонил голову. Девочкам это очень понравилось. Они зарделись от удовольствия, а Рита заторопила друзей:

— Идемте! Идемте!

В столовой был накрыт стол. Он напоминал праздничную витрину, где все сверкает и влечет, но ни до чего нельзя дотронуться. На каждой тарелке белым парусом возвышалась крахмальная салфетка — целая флотилия маленьких парусов... Долговязый Абрикос и Шурик в очках со сломанной дужкой

— Ух ты! Смотри! Как настоящий!

сидели на стульях. Вид у них был унылый, оба чувствовали себя в гостях скованно. Казалось, что они приглашены за какие-то проделки к директору и сидят в приемной, ожидая, когда их позовут.

Санчо поздоровался с ребятами за руку и, присаживаясь рядом, сказал:

— Вы танцуете мамбо?

Ребята переглянулись и не ответили.

— А у нас в колледже все танцуют мамбо. Даже малыши! — сказал Санчо.

Ира, накручивая на палец кончик косы, сказала:

— Научи нас, Санчо!

— Это очень просто. Нужна музыка.

И он стал напевать мелодию мамбы, при этом отбивая ритм ногой.

— Сразу видно, что твой дед был музыкантом! — сказал Шурик.

— Молчи, — сказала Ира.

— Покажи, что он тебе подарил, — громко шепнула на ухо хозяйке Алиса.

— Потом, — сказала Рита.

— Я и сам не знаю, — признался Санчо, который слышал разговор подружек. — Па сказал, пусть это будет сюрпризом и для меня.

— Давайте посмотрим! — предложил Абрикос.

— Давайте! Давайте!

Ребята отправились в Ритину комнату, где на столе лежал большой сверток.

Когда сверток был распакован и в руках у виновницы торжества оказался космический корабль, все ахнули. Все стали трогать подарок, вертеть, заглядывать в круглые иллюминаторы.

— Должен заводиться, — со знанием дела сказал Абрикос.

— Должна быть кнопка, — смекнул Шурик.

И действительно, кнопка нашлась. Рита нажала ее — и космический корабль ожил. Он задрожал, загудел, замигал сигнальными огоньками, а в его соплах появился алый отблеск пламени.

— Вот это штука!

— Заграничная!

— А взлететь он может?

Вопросы лавиной обрушились на Санчо, а он сам видел диковинную игрушку в первый раз и не мог ответить ни на один из них.

В это время из соседней комнаты прозвучал голос Ритиной мамы:

— Дорогие гости, прошу к столу!

Стайка ребят снялась с места.

В столовой Санчо увидел старика в черном костюме, с палочкой, с которой он, видимо, никогда не расставался. Часть лица у него была когда-то обожжена. И лиловый след ожога придавал лицу старика странное выражение.

— Дедушка, дедушка! — закричала Рита. — Познакомься, это мой друг Санчо! Его дедушка был на войне. Он был... Санчо, кем был твой дедушка на войне?

— Здравствуйте! — сказал Санчо. — Вы были на войне? Мой дедушка... Его звали Хозе-Мария... Вы не встречали его?

Ритин дедушка покачал головой.

— Ну да,— как бы смекнул Санчо,— только мой дедушка был банджистом...

— Понимаешь, милый,— Ритин дедушка вдруг стал задумчивым,— кто погиб в этой войне,— был героем. Даже если он служил в обозе или доставлял почту на передний край...

— Значит, мой дедушка был героем? — спросил Санчо. И, не дождавшись ответа, сказал: — Но ведь не все герои погибли?

В комнату вошел высокий военный с ровными седыми волосами.

— Познакомь меня со своим заморским другом,— сказал он Рите.— Санчо? Тебя звать Санчо? — Он подошел к мальчику и положил ему руку на плечо.— Неплохая из нас получается пара: Санчо Панса и Дон Кихот. Правда, похожи?!

Все вдруг повеселели, засмеялись.

Потом гости сели к столу. И начался пир. Ребята заняли одну часть стола и как бы отделились от взрослых. У них были свои разговоры, свои шутки и смешки. Взрослые жили своей взрослой жизнью.

Санчо все было в диковинку. Он почти ничего не ел и брался за вилку только тогда, когда Рита командовала:

— Ешь!

Время от времени Санчо поглядывал в угол комнаты, где, прислонясь к стене, стоял пропеллер погибшего самолета с черными следами огня на серебристых лопастях. Рядом висел портрет военного летчика, и Санчо все старался найти его среди взрослых. Спросить же у Риты, который из них ее Па, он не решался.

Рядом с пропеллером на серванте стоял подарок Санчо, и от этого соседства он как бы переставал быть игрушкой, а превращался в настоящий космический корабль. Только маленький.

— Как поживает желтый змей? — неожиданно спросил Шурик.

— О! Он ждет лета,— отозвался Санчо.— Где взять водные лыжи?

— Раздобудем,— сказал Абрикос.

— Как интересно! — воскликнула Алиса.

Ребята ели и шушукались как заговорщики. Они не хотели доверять свои тайны взрослым.

Потом в руках у высокого военного появилась гитара. И он запел песню о летчике, который не вернулся на базу.

Горячий след остыл под облаками,
Осталось небо где-то высоко.
И летчик обгоревшими руками
Родную землю обнял широко.
Над ним восходит огненная трасса,
Он на крови лежит, как на заре,
И, кажется, он возвращался с Марса
И в атмосфере, как звезда, сгорел...

Санчо слушал, и ему казалось, что это поют про его дедушку, хотя он не был летчиком, а просто играл в оркестре...

Когда ужин кончился и гости вышли из-за стола, Санчо задержался у пропеллера и дотронулся до него рукой.

— Как хорошо быть... летчиком,— сказал он и вдруг заметил, что Рита внимательно смотрит на него.— А ты кем... хочешь, Рита? Манекенщицей?

Девочка покачала головой.

— Тогда... диктором в телевизион?— гадал Санчо.— У нас все девочки... в колледже мечтают о телевизион...

— Я хочу летать! — неожиданно сказала Рита.

— Ты хочешь стать... стюардесса? — Наконец-то Санчо угадал.

Но Рита недовольно повела плечами.

— Я хочу испытывать самолеты. А ты?

В комнате уже никого не было. Санчо тревожно посмотрел в глаза подруге, потом прижался щекой к холодному винту погибшего самолета и сказал:

— Па говорит, надо мечтать о реальном... Может быть, я стану совладельцем компании.

— Ты хочешь стать капиталистом? — в упор спросила Рита.

— Я тоже... хотел летать,— после некоторого раздумья сказал Санчо.— Но у нас стать летчиком почти невозможно, а испытывать самолеты... У нас нет своих самолетов... Мы покупаем уже испытанные...

Санчо совсем загрустил. Тогда Рита подошла к нему и весело сказала:

— Не вешай нос, Санчо! Может быть, и ты станешь летчиком!

Она включила игрушечный космический корабль. И сразу вспыхнуло пламя, раздался рокот, ракета затряслась, и в иллюминаторах зажглись разноцветные сигнальные огни.

*

В этот вечер Санчо долго не мог уснуть. Уже за окном все реже звучали шаги прохожих и до центра стали долетать гудки поездов. А Санчо все лежал с открытыми глазами, и перед ним, как на экране, возникали картины Ритиногo дня рождения. Он видел лица ребят. Слышал их голоса. Ощущал запахи праздничного пирога. Он чувствовал на щеке таинственный холодок пропеллера, обгоревшего и надломленного, словно только что побывавшего в бою.

Санчо показалось, что он слышит тихие звуки гитары и голос высокого военного, «Дон Кихота», который поет грустную песню о летчике, не вернувшемся на базу. Он слышал песню так ясно, словно она звучала где-то рядом. Санчо открыл глаза и сел. Песня продолжала звучать. Она доносилась из соседней комнаты. Мальчик на цыпочках подошел к двери, ведущей в кабинет Па, и легонько приоткрыл ее. Песня зазвучала громче:

Друзья шинелью летчика накрыли,
И с громом, набирая высоту,
Умчалась ввысь родная эскадрилья,
Чтоб заменить погасшую звезду.

Санчо стоял перед дверью в одной рубашке, а знакомая песня звучала так близко, будто дверь из его комнаты вела не в отцовский кабинет, а в столовую, где сидели Ритины гости.

Санчо заглянул внутрь. Он увидел круглую спину сеньора Крэдо, крест-накрест перечеркнутую тонкими подтяжками. В черных вьющихся волосах поблескивала розовая лысина. Перед гостем с родины стоял радиоприемник. Может быть, песню передают по радио?

Но в это время песня кончилась, и в приемнике зазвучали знакомые голоса. Санчо узнал голос Ритиною дедушки, и высокого военного, и самой Риты. И ему стало нестерпимо стыдно, словно он стоит перед чужой дверью и тайком подслушивает чужой разговор. Нет, не он подслушивает, а гость с родины. Он проник в Ритин дом, запустил туда свои буравчики. Как он смеет?! Санчо с силой распахнул дверь отцовского кабинета:
— Сеньор Крэдо!

Гость вздрогнул, пригнулся, словно в ожидании удара, и медленно повернул голову. Он увидел Санчо, и лицо его побелело. Он ничего не сказал, только захлопнул дверь и два раза повернул в замке ключ.

*Почему же так вздрогнул
представитель банановой компании?..
Чего он так испугался?*

Санчо продолжал стоять перед закрытой дверью, не зная, что ему делать. Его мысль работала трудно и напряженно. Надо что-то делать. Надо предупредить Риту. Надо заставить замолчать приемник сеньора Крэдо!

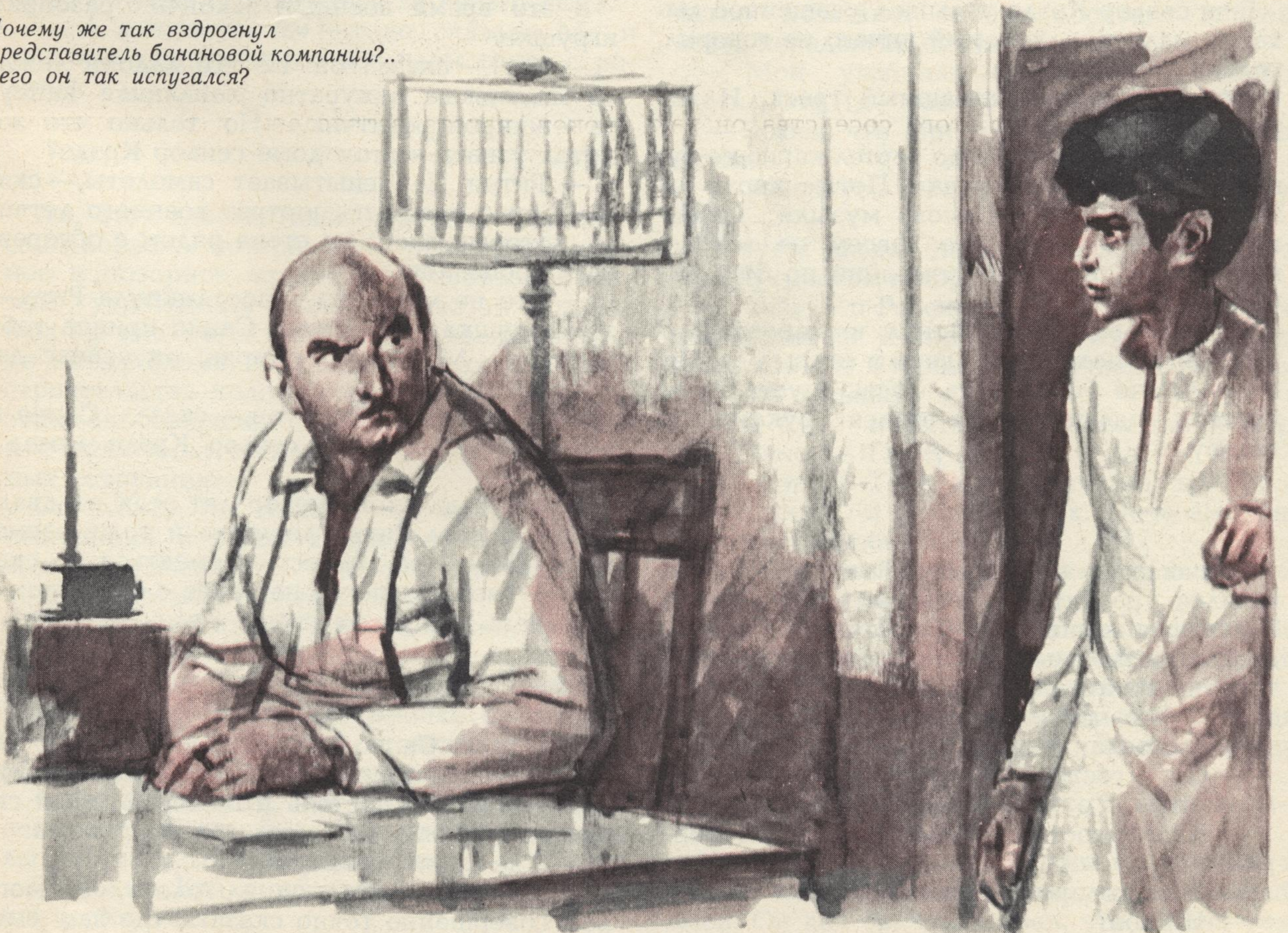
И вдруг Санчо вспомнил о маленьком космическом корабле, который он подарил. О корабле, который стоял рядом с пропеллером самолета, погибшего в трудных испытаниях. Этот корабль принес сеньор Крэдо... Круглая спина, розовая лысина, приемник, повторяющий все, что происходило в Ритином доме...

Нет! Это не гордый космический кораблик, а корабль-шпион, корабль-предатель!..

Санчо бросился в свою комнату, быстро стал одеваться.

Он выбежал из дому и помчался по улице, забыв застегнуть куртку. Он бежал мимо знакомых домов и перекрестков, мимо погасших витрин и уснувших светофоров. Под его ногами расплескивались мелкие весенние лужи. А откуда-то из-за города ветер доносил крепкий настой земли, похожий на запах теплого хлеба. А от деревьев, погруженных во тьму, пахло молодой смо-

листой листвой. Но Санчо не чувствовал близости весны. Он бежал, а в ушах звучала гитара, и голос военного пел песню о летчике, не вернувшемся на базу. Сейчас Санчо сам шел в бой. И, может быть, он тоже не вернется, погибнет в скрытом бою, который ведет сеньор Крэдо: он знает от Санчо, что Ритин папа испытывает самолеты, и он послал в Ритин дом своего помощника-невидимку. Надо спешить! Скорей! Скорей!

Санчо вспомнил Дегу. Большую, сильную овчарку, которая теплым языком лизала ему щеку, когда он лежал на снегу с вывихнутой ногой. Ему захотелось крикнуть, как Шурик: «Дега, ко мне!» Ведь Дега умеет не только лизать щеку, но и брать след врага. Пусть она прибежит и возьмет след сеньора Крэдо! Пусть!

Санчо, не останавливаясь, бежал до тех пор, пока перед ним не возникли каменные бородачи, поддерживающие балкон.

Сеньор Крэдо услышал в приемнике звонок.

— Кто это? — спросил один голос.

— Не знаю, — отозвался другой.

— Поздравительная телеграмма!

И вдруг тревожный женский голос спросил:

— Санчо? Что случилось? На тебе нет лица! Тебя кто-нибудь обидел?

Еще сеньор Крэдо услышал учащенное дыхание мальчика, который ничего не говорил, только громко дышал.

Потом раздался страшный треск. И все умолкло.

Напрасно сеньор Крэдо вертел какие-то ручки. Приемник молчал. Потом вновь зазвучали обрывки голосов, музыки, позывные. Но это было уже совсем не то, что нужно представителю компании по продаже бананов...

Сеньор Крэдо вдруг понял, что произошло. Он быстро подошел к двери и открыл ее. Постель Санчо была пуста. Гость опустился на постель мальчика и взялся руками за голову.

Санчо стоял посреди комнаты, а у его ног валялся разбитый космический корабль. Блестящая обшивка была смята. Цветные стекла сигнальных огней разбиты. Из сопла торчал какой-то провод...

— Санчо, что это значит?

Рита стояла рядом со своим другом.

— Он... гость... слушает... — пробормотал мальчик.

— Какой гость? Почему ты разбил подарок?

— Этот подарок... шпион!

— Шпион?

Рита непонимающе смотрела на Санчо. Военный поднял с пола потерпевший аварию космический корабль и достал из кармана нож.

— Вот оно что! — сказал он и стал разбирать злосчастную игрушку.

— Он приехал... он дал мне этот... подарок... Он все слушает! — От волнения фразы разбивались на осколки, но все, кто был в комнате, понимали Санчо.

— Бой продолжается, — тихо сказал Ритин дедушка.

— Теперь меня, нет, моего Па прогонят из компании.

Санчо встретился глазами с Ритой. Девочка стояла рядом и внимательно смотрела на него. Санчо думал прочесть в ее глазах упрек, но прочел в них совсем иное. Сероголубые глаза Риты горели какой-то странной тревогой. Точно так же они горели там, на заснеженной железнодорожной насыпи, когда Санчо, чтобы доказать, что он не трус, выхватил банку манго из-под колес мчащегося локомотива.

— Ты настоящий друг, — тихо сказала Рита.

— Правда?

— Правда.

Санчо с благодарностью посмотрел на Риту. Она поверила ему в эту трудную минуту, как поверила, что он не трус. А это очень важно, чтобы друзья верили тебе! Тогда не страшно!

В это время военный закончил разборку игрушки.

— Вот! — сказал он. На его ладони лежала маленькая, аккуратно запаянная капсула — микропередатчик. — Но только что же хотел узнать в этом доме сеньор Крэдо?

— Ритин Па испытывает самолеты, — сказал Санчо, глядя на портрет военного летчика, который висел на стене рядом с обгоревшим пропеллером.

— Это не мой папа, — воскликнула Рита, — это дедушка... Дедушка, Санчо принял тебя за папу... Мой папа — моряк, он сейчас далеко отсюда.

— А я думал, это он, — сказал Санчо и вдруг засмеялся. — И сеньор Крэдо думал... это он.

— Опоздал твой сеньор лет этак на двадцать, — сказал Ритин дедушка и тоже засмеялся. Потом он перестал смеяться и сказал: — Твой дед погиб на войне с фашистами. Ты очень похож на своего деда, мальчик!

А в доме Санчо все были в смятении. Па и Ма стояли в дверях комнаты Санчо. Они видели пустую постель и гостя, который сидел на постели, подперев голову руками.

— Где Санчо, сеньор Крэдо?

— Санчо? — гость поднял голову. — Я могу вам совершенно точно сказать, где ваш сын.

Он пошел предавать своего гостя... и хозяйка.

— Как предавать? Разве вас можно предать? — спросил Па.

— Можно! Можно! И это делает ваш сын, Родригес! Садитесь, будем ждать!

— Возвращения Санчо? — спросил Па, послушно опускаясь на кровать.

— Нет. Сейчас позвонят в дверь. Войдут три строгих господина и предъявят мне ордер на арест.

— За что... арест?

— За сбор разведывательных данных...

— Вы?... Отец поднялся с постели. — Вы... сбор разведывательных данных?

— Какая гадость! — вздохнула Ма.

Сеньор Крэдо, как ужаленный, подскочил на постели и уставился на маму своими холодными, сверлящими глазами.

— Вы есть хотите? Иметь квартиру? Покупать меха?

— Не надо мехов! — прошептала Ма. — Ничего нам не надо!

— А интересы родины, — вдруг патетически воскликнул гость, — разве не важно знать результаты испытаний новых сверхзвуковых машин?

— Зачем нашей родине секреты сверхзвуковых аэропланов, — тихо сказал Па, — если у нас не строят даже обыкновенных почтовых самолетов?

— Родригес! Не забываетесь! Вы еще мой служащий. Меньше рассуждайте. Меньше рассуждайте! И стыдитесь за своего сына.

— А я горжусь им, — тихо сказала Ма и умолкла под тяжелым взглядом гостя с родины.

Ах, этот злосчастный подарок! Космический корабль, потерпевший такое неожиданное и позорное крушение. Разбитый, смятый, утративший былой блеск, он должен был бы закончить свой путь на свалке, в груди металлолома, собранного пионерами для строительства колонны тракторов. Но перед этим он совершил свой последний перелет и очутился на столе одного из ответственных сотрудников.

Он лежал на стекле, безжизненный и поблекший, а рядом с ним поблескивал навсегда умолкший микропередатчик — маленькая металлическая капсула.

Этот игрушечный корабль-шпион сейчас стал свидетелем обвинения.

— Вам знакома эта игрушка, господин Крэдо? — спросил ответственный сотрудник.

— Знакома, — коротко ответил один из владельцев банановой компании.

— Вы понимаете, что статут коммерсанта несовместим с той деятельностью, которой вы занимались в Советском Союзе?

Господин Крэдо посмотрел на «игрушку» и коротко сказал:

— Понимаю!

— Я уполномочен официально поставить вас в известность, что вы выдворяетесь за пределы нашей страны... Ваше представительство закрывается. Пожалуйста, распишитесь в этом документе.

Сеньор Крэдо достал из кармана ручку и склонился над столом, чтобы подписать документ. Его взгляд упал на капсулу. И ему показалось, что маленький передатчик включен, что он ведет передачу на весь мир и весь мир узнает о его позоре.

— Я могу быть свободен?

— Да. Поторопитесь с отъездом. В России любят бананы, но только без этого принудительного ассортимента.

Сотрудник кивнул на капсулу.

Сеньор Крэдо поклонился и пошел к выходу.

Когда люди уезжают навсегда, их дом становится похожим на вокзал: появляются тюки, чемоданы, свертки. Обычный, заведенный порядок сметают торопливостью и суетой. Становится тесно и неудобно. Все мешают друг другу, сердятся друг на друга. Все кричат:

— Скорей, скорей, а то опоздаем!

— Куда девались мои туфли? Они только что стояли здесь!

Нет туфель! В момент отъезда вещи поминутно исчезают, словно обретают способность передвигаться и прятаться.

— Мои учебники только что лежали здесь... Ма, где мои русские учебники?

— Боюсь, что они тебе больше не понадобятся!

— Я вернусь в Россию! У меня здесь друзья!

И тут в дверях появляется мрачный Па и чужим голосом говорит:

— Забудь о России и о своих друзьях, сынок! Готовься к серьезному изучению бухгалтерии! Ты будешь приказчиком в компании... не больше!

— Я буду испытывать самолеты! — ответил Санчо. — Я хочу летать!

— Летать? Тебе теперь нужно думать о куске хлеба, а не о полетах. По-моему, мы лишились куска хлеба!

— Разве хлеб зарабатывают только обманом? — спросил Санчо.

— Каждый зарабатывает как умеет. По крайней мере мы будем зарабатывать его честно, — сказал Па и вышел из комнаты.

Ма молча укладывала в большой чемодан свои платья. На ней был черный платок, как во время траура.

— Собирайся, Санчо, — тихо сказала она. — Через час придет машина...

Уже все вещи были собраны и уложены, и только на шкафу сиротливо лежал желтый змей. Он как бы чувствовал, что хозяин уез-

жает и не собирается брать его с собой. Зеленые глаза змея смотрели печально. Санчо увидел змея. Он подставил к шкафу стул и снял его оттуда. Змей был очень большой и очень легкий, словно, лежа в бездействии, высох.

Санчо взял змея и пошел к двери.

— Ты куда? — спросила Ма.

— Я сейчас вернусь.

Он шел по городу с желтым змеем, и все прохожие обращали на него внимание, а встречные ребята обязательно хотели потрогать змея. Легкий встречный ветерок касался бумажных крыльев, и они вздрагивали, словно змей хотел взлететь, да не хватало сил.

В последний раз Санчо остановился у дома с каменными бородачами, в последний раз вдохнул в себя вкусный запах русского теплого хлеба.

Позвонил. Дверь ему открыла Рита.

— Санчо? Ты один?

— Я со змеем — ответил мальчик и кивнул на своего желтого спутника.

— Заходите... оба.

Санчо вошел и внес змея.

— Он тебя бил? — спросила Рита. — Сеньор-шпион?

Санчо молчал.

— Он тебя больно бил?

— Нет... Его нет... — наконец ответил мальчик. — Но отцу он сказал, что я изменник. Рита, разве я изменник?

— Ты не изменник, Санчо. Ты... ты... — Она задумалась, подыскивая подходящее слово. Наконец нашла его: — Ты благородный человек... как Дон Кихот.

— Он был верным другом. Правда, Рита?

— Да, Санчо. Ты уезжаешь?

— Через час придет машина.

— Я так и знала.

— Я вырасту и вернусь.

— Обязательно возвращайся. Ты был верным другом.

— У вас в стране можно выучиться на летчика?

— У нас люди со всего мира учатся на летчиков.

— Правда?

— Правда, Санчо.

— Но я, наверное, никогда не буду богатым... Отец говорит, чтобы я готовился изучать бухгалтерию... Я буду приказчиком... Я не хочу быть приказчиком! Не хочу компании! Долой банановую компанию!

— Долой банановую компанию! — повторила Рита и сказала: — Бери змея, идем!

Мы вместе!

Мы все равно будем вместе!

Рита привела Санчо в комнату, где в углу, прислонясь к стене, стоял обожженный, надломленный винт погибшего самолета.

— Твой змей будет храниться здесь... рядом с пропеллером. Ведь он тоже летал! Твой змей честный! Он не предаст!

— Он не предаст, как та ракета! Я его сам делал!

— Я провожу тебя,— сказала Рита.

*

Па ходил по комнате, натываясь на свертки и чемоданы. Он сердился.

— Где наш сын, Анна?

— Наш сын,— вздохнула Ма,— он сейчас придет... потерпи!

— Я могу потерпеть, но компания «Пан-Америкэн» не пожелает терпеть.

Сеньор Родригес подошел к окну и увидел своего сына. Санчо шел по улице, окруженный друзьями, и казался похожим на них, хотя у него было смуглое лицо и черные волосы. В походке Санчо появилась какая-то мужская твердость, которой родители раньше не замечали.

— Как он повзрослел! — сказала Ма.

Рядом с Санчо бежала собака — большая овчарка с черным чепраком на спине.

*

Когда летишь на большой высоте, не чувствуешь движения, хотя самолет мчится с ракетной скоростью. И, конечно, не чувствуешь холода, хотя температура за бортом ниже, чем на Северном полюсе.

Стюардесса, строгая и подтянутая, катит по проходу тележку с напитками и уже в который раз предлагает:

— Джин, виски, кока-кола, джюс...

Санчо не слышит голоса стюардессы. Он не хочет пить. Он вообще ничего не хочет. Он смотрит в круглое окошко и — как хорошо, что нет сплошных облаков! — в сиреновой дымке видит землю, которую ему так не хочется покидать. Он пытается отыскать озеро, по которому он зимой мчался на лыжах. Но внизу столько озер, разве отличишь одно от другого?

И вдруг стюардесса объявляет:

— Мы покидаем воздушные пределы Советского Союза.

Санчо вздрагивает, как будто случайно касается оголенных проводов. Он сильнее прижимается к круглому стеклу и сплющивает нос. И ему кажется, что за бортом, рядом с самолетом, летит желтый змей. Он смотрит зелеными глазами и передает последнее «прости». И от змея к земле тянется живая жилка, и ее внизу, на земле, крепко держат его друзья. Эта жилка тянется и к сердцу Санчо, и она никогда не порвется.

К О Н Е Ц

Мы-то не промажем! Твердая рука и меткий глаз не подведут отважного стрелка. В школьной форме стрелок, в школьном цехе сработан автомат, а мастерство... Мастерство — настоящее!

АТАКА

Ракета красная взметнулась,
Полдневный распорола зной.
Как будто местность

всколыхнулась,

А час назад была немой...
Пошли в атаку

юнармейцы,

И автоматный дождь хлестал.
...Вот так и мы,

красноармейцы,

Когда-то шли,

и стар и мал.

«С 12 лет я был сыном полка. В качестве добровольца-разведчика прошел всю войну. Сейчас я в своем Белгороде команду «Зарницей» школы № 29. В городском смотре мои зарничники заняли второе место.

Эти стихи я посвятил моим дорогим зарничникам».

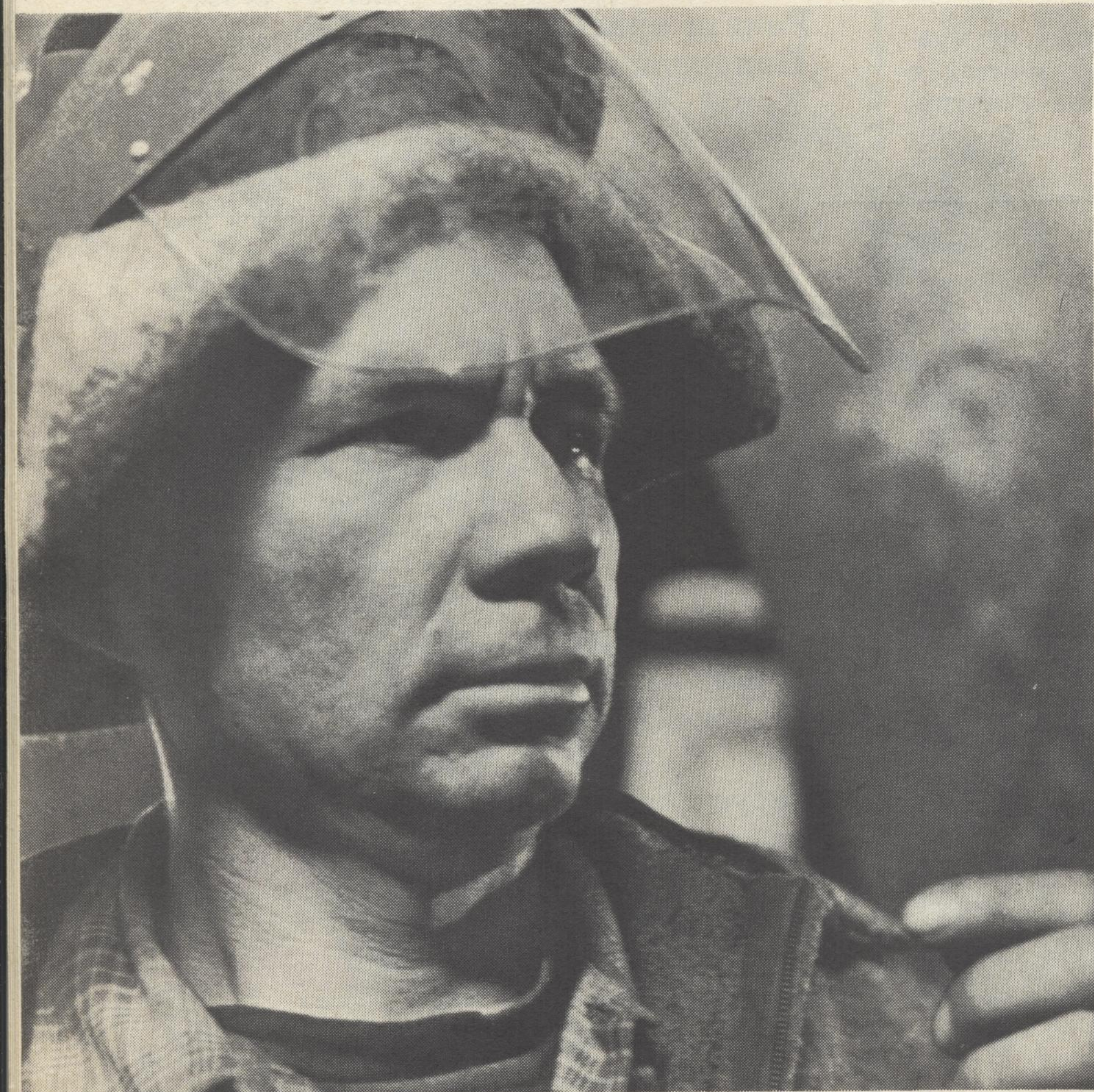
Леонид КУЗУБОВ

**Растем
сильными,
смелыми,
ловкими**

★

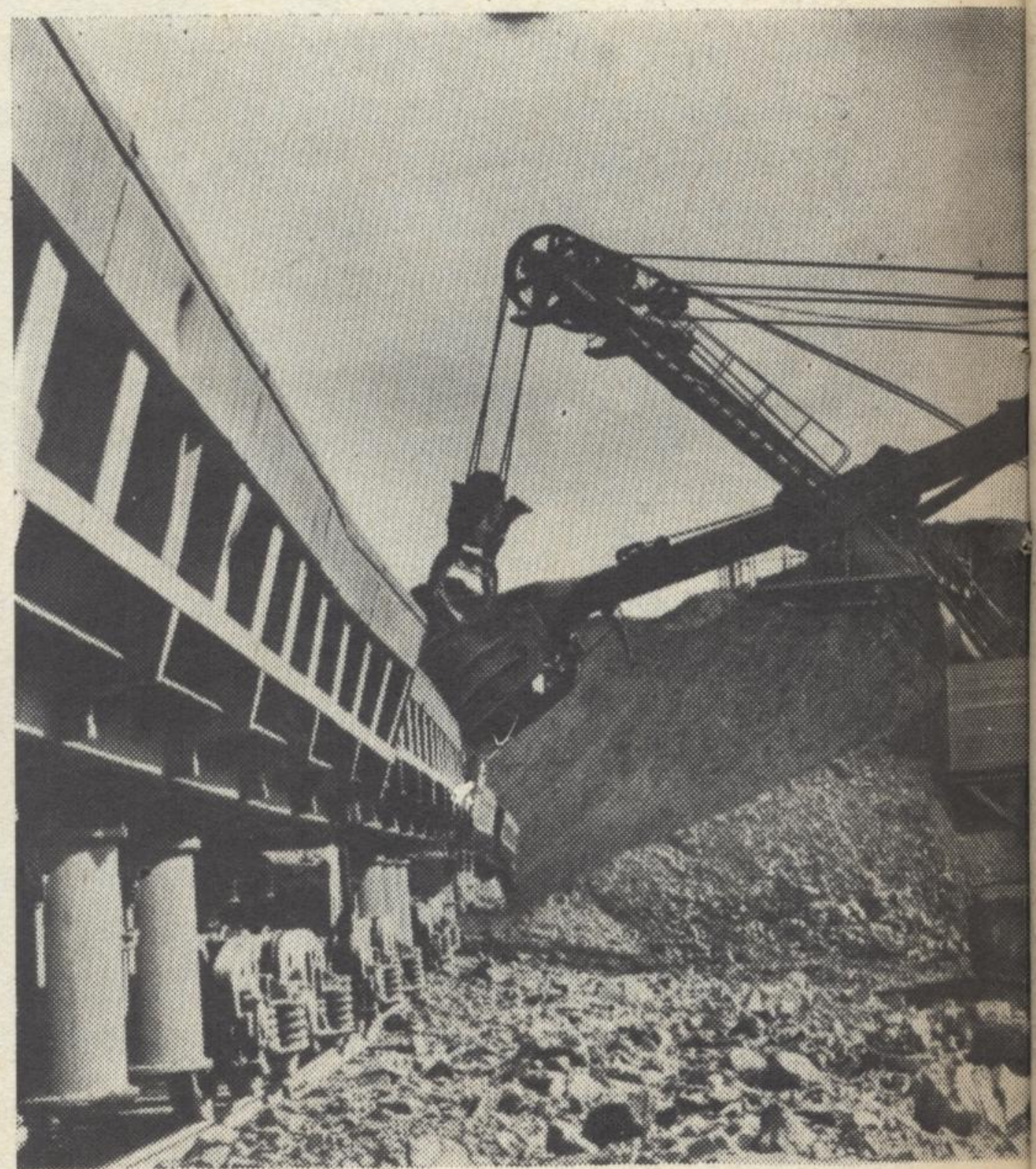
Фотографии А. ПАХОМОВА.

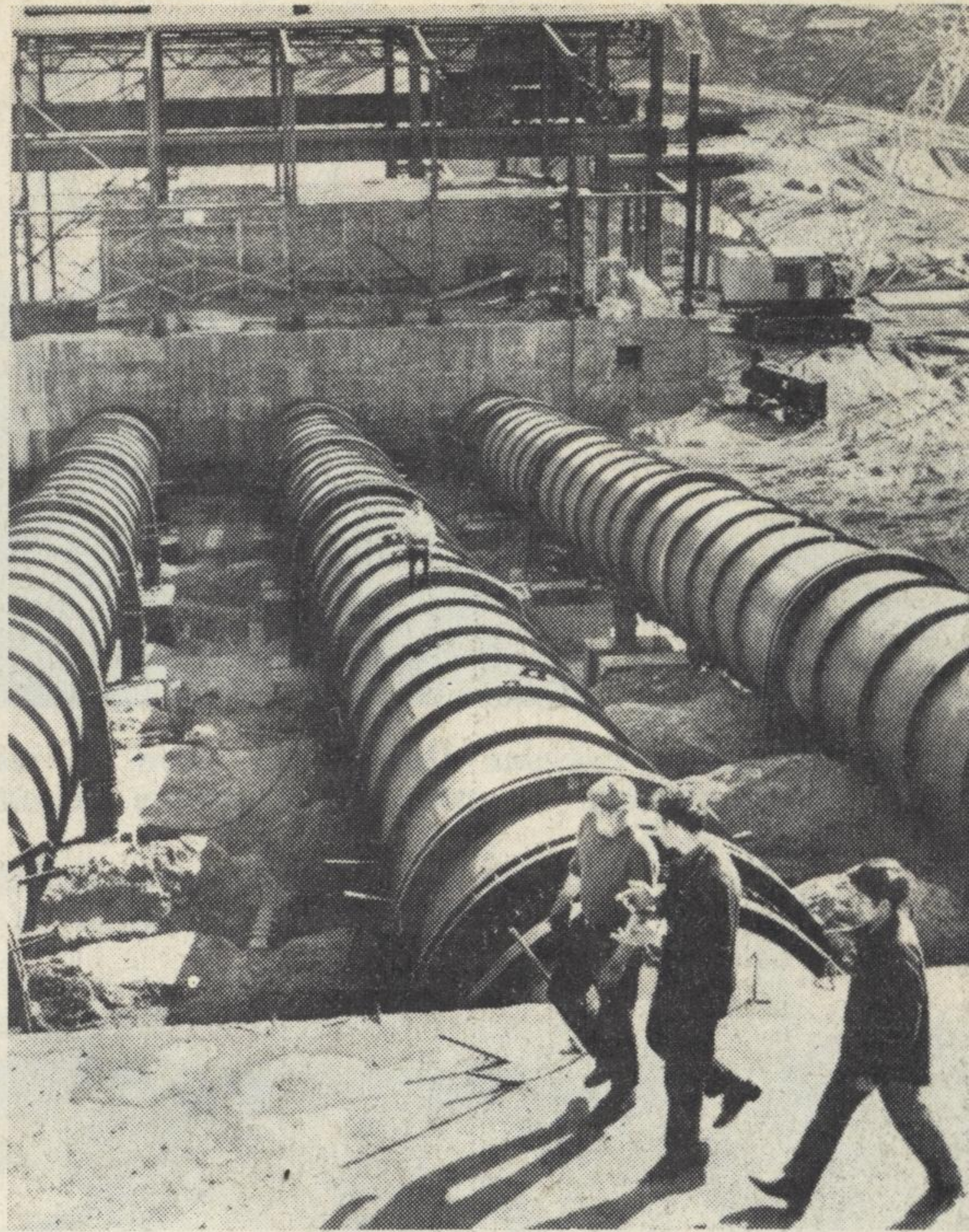

Там, где в Ангару впадает река Илим, растет, поднимается гигантская стройка — Всесоюзная ударная комсомольская.

— Чем больше медной руды, тем больше меди стране, — говорит почетный металлург СССР В. А. Бахтин.

Будущая насосная станция Каршинского канала, который строит со своими товарищами Эламан Таджиев.

МОЯ РОДИНА — СССР.

ПЯТИЛЕТКА, год третий— решающий

«МЫ, КОММУНИСТЫ,— НАРОД БЕСПОКОЙНЫЙ. МЫ ХОТИМ СДЕЛАТЬ КАК МОЖНО БОЛЬШЕ ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ ЖИЗНИ НАРОДА, ДЛЯ ЕГО СЧАСТЬЯ — И СДЕЛАТЬ ПО ВОЗМОЖНОСТИ СКОРЕЕ».

В этих словах Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева очень коротко и точно выражена особенность нашей ленинской Коммунистической партии. Другая ее особенность в том, что коммунисты не только сами горячо борются за народные интересы, но и увлекают за собой всех.

Идет третий год Девятой советской пятилетки. Третий год наш советский народ работает над выполнением грандиозных планов

партии, принятых Двадцать четвертым съездом коммунистов. Год этот советские люди назвали решающим. Почему? Потому что он решает судьбу пятилетки. Потому что в этом году труженики промышленности и сельского хозяйства решили не только выполнить плановые задания, но и значительно их превзойти, чтобы создать задел на будущее.

Повсюду на нашей земле кипит сражение — мирное, трудовое. Идет великая работа созидания.

Тих, безлюден был берег сибирской реки Илима, что впадает в Ангару. А сейчас посмотри — совсем нетрудно представить себе гигантскую плотину электростанции, которая поднимается здесь... Усть-Илимская ГЭС даст стране столько же энергии, сколько дает знаменитая Братская!

«Джезказган. Товарищу В. А. Бахтину». Не очень точный адрес. Но почтальоны не смущены. Почетного металлурга СССР знают в городе, знают в республике.

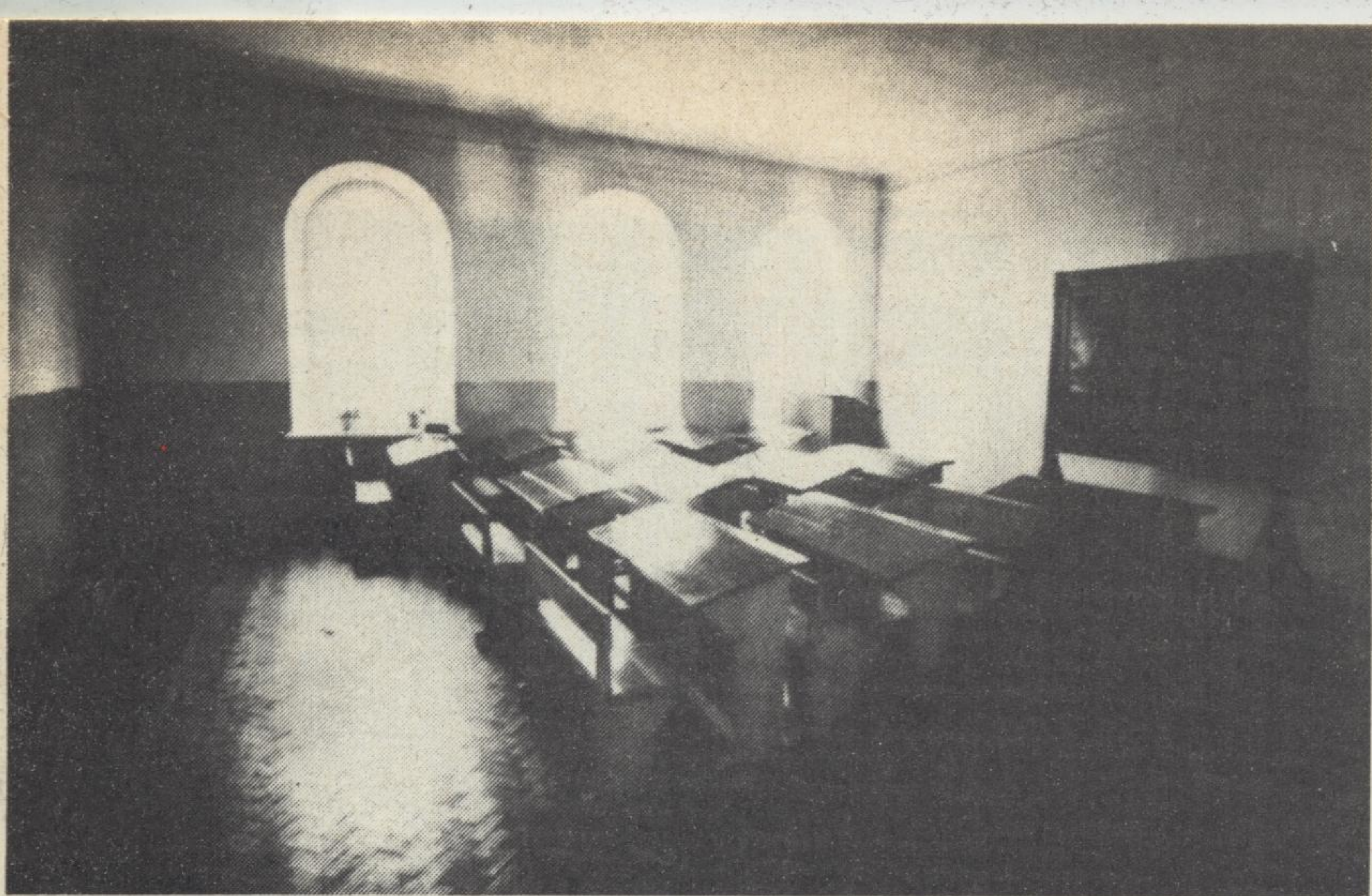
Он работает на Джезказганском горно-металлургическом комбинате. Работает, подавая пример многим.

Десятки тысяч тонн руды сверх плана — вот уж точно ВЕСОМЫЙ вклад в пятилетку тружеников комбината.

Крановщик Эламан Таджиев строит с товарищами оросительный канал.

Но какой канал! Карпинский оросительный канал поднимет воды Амударьи на высоту тридцатитрехэтажного дома и даст воду миллиону гектаров засушливых земель Узбекистана. Это одна из будущих насосных станций канала.

КИПИТ СРАЖЕНИЕ. ИДЕТ РАБОТА — ГОРЯЧАЯ, НАПРЯЖЕННАЯ. ТРЕТИЙ ГОД ПЯТИЛЕТКИ — РЕШАЮЩИЙ!

Строгая тишина. Посетители стоят не шелохнувшись. В этом классе учился Володя Ульянов.

А на фотографии справа знаменитая библиотека Ульяновского Дворца пионеров. Целая страна книг.

А это школа в Горках Ленинских. О чем разговаривают ребята? Может быть, о кино или о музыке — идет урок эстетики. А вот урок кончился, теперь можно посмотреть коллекцию марок: интересно — космические! А фотография в самом низу называется так: — Хорошо по телевизору учиться!..

МОЯ РОДИНА — СССР.

Памятные сердцу места

Ленинские места. Их много на нашей земле. Каждое нам дорого и свято. Не все же есть два особенных — Ульяновск и Горки. О них этот рассказ.

Тот, кто бывал в Ульяновске, на родине Ильича, помнит, конечно, высокий волжский берег и деревянные кладки, по которым так весело и звонко подыматься к первым городским улицам. Здесь дом Ульяновых. А чуть дальше — гимназия. Вот класс, где учился Володя. Вот его парта.

С тех пор прошло много лет. Изменилась жизнь. Не узнать лицо прежнего Симбирска. Пролегли новые улицы. Высоко над всем стоит торжественное здание Ленинского мемориала.

А вот еще один дом — тоже ленинский. Он вырос на месте толстолобых купеческих особняков. Это Дворец пионеров. Библиотека знаешь какая? Триста тысяч книг!..

Горки Ленинские... Тут Владимир Ильич провел последние годы своей жизни.

Школа в Горках. Какая она? Пожалуй, обычная школа-интернат. Жизнь идет своим чередом. Кто-то рассказывает про интересное кино, кто-то репетирует песенку «Журавель» для октябрьского сбора, кто-то меняется редкими марками... Все, как обычно, — спокойно, хорошо. И лица у ребят спокойные. Все как везде в нашей стране — в Ульяновске, в Ленинграде, или в узбекском кишлаке, или в деревеньке на берегу Енисея...

Вот за это, за этих ребят, за их отцов, матерей, за всех нас, по очень точному выражению поэта Дмитрия Кедрина, «отрабатал три жизни Владимир Ильич».

ТРУДНЫЙ ВОПРОС

Ты видел в первом номере «Пионера» ГАЙДАРОВСКУЮ КАРТУ? Большой красной звездой на ней был отмечен ВСЕСОЮЗНЫЙ ТИМУРОВСКИЙ ШТАБ, и все ребята узнали, что он находится в журнальном здании «Правды», на одиннадцатом этаже, в редакции журнала «Пионер». С тех пор тимуровские отряды шлют нам письма, звонят по телефону, присылают своих «ходоков».

Недавно в полном составе во главе с заслуженной учительницей РСФСР НАДЕЖДОЙ ЛЕОНИДОВНОЙ ЛЕБЕДИНСКОЙ побывал у нас ТИМУРОВСКИЙ ШТАБ Люберецкого района Москвы. У них возник ТРУДНЫЙ ВОПРОС, и им захотелось поговорить, посоветоваться.

КАК ПОМОЧЬ ВИТЕ?

Разговор начала Оля Жукова. В моем классе есть один мальчик, его зовут Витя. Те, кто сильнее, бьют его, унижают, сваливают на него свою вину. А он не умеет защититься.

Мы, девчонки, пытались его защитить, но мальчишки нас не слушают. Продолжают его лупить. Однажды мы устроили

В чем-то виноват, а КАК ЕМУ ПОМОЧЬ, мы НЕ ЗНАЕМ...

сбор, позвали родителей. Мальчишки стали оправдываться: он сам виноват — вредный и навязчивый. Взрослые говорили, что нехорошо бить того, кто слабее, что дракой ничего не решишь и что драться вообще скверно... После этого сбора мальчишки вроде успокоились, а потом все началось сначала. Может быть, и правда Витя

сбор, позвали родителей. Мальчишки стали оправдываться: он сам виноват — вредный и навязчивый. Взрослые говорили, что нехорошо бить того, кто слабее, что дракой ничего не решишь и что драться вообще скверно... После этого сбора мальчишки вроде успокоились, а потом все началось сначала. Может быть, и правда Витя

Отвратительная история! Сильные избивают слабого. Несколько — на одного! А товарищи пытаются найти им оправдание. «Может быть, Витя сам в чем-то виноват?» — сказала Оля. Почему же вы до сих пор не разобрались в этом? И потом: пусть Витя сто, тысячу раз неправ, можно ли что-то доказать кулаками? Представьте себя на месте Вити — стали бы вы тогда рассуждать спокойно: прав — неправ?

Девчонки, как рассказала нам Оля, пробовали за Витю заступаться. Пробовали и отступились... Какие же вы тимуровцы?

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

И мы стали все вместе думать: как лучше помочь Вите?

Писатель **БОРИС НИКОЛАЕВИЧ КАМОВ** сказал:

— Я вспомнил историю, рассказанную мне Александром Куприяновичем Ольховичем. Он возил Аркадия Петровича Гайдара на фронте. История вот какая.

Поехали мы с Аркадием Петровичем на передовую. В начале войны фашистские бомбардировщики не ленились охотиться за машинами на дорогах.

Я жму что есть мочи, чтобы поскорее проскочить опасную дорогу, а Аркадий Петрович в окно поглядывает: не показался ли где фашистский самолет? И вдруг он как закричит: «Тормози!» Я подумал — «мессершмитт». Гайдар выскочил из машины, я за ним. Смотрю в ту

У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ

У нас тоже был случай. Мы с ребятами ходили на рыбалку. Сидим на реке, вдруг откуда ни возьмись парень постарше нас. «Гоните, — говорит, — спички». А у нас не было спичек. Он как размахнется да самого маленького из нас как треснет. У того кровь из носа. Тут один мальчик, на вид слабенький, подскочил к хулигану и кулаком его — раз. Парень не ожидал удара и даже покачнулся. Хотел снова броситься на того мальчишку, да увидел, что мы подходим. И побежал... Таких «храбрых» трусов нечего бояться. Ты боишься и сам себя делаешь слабее, а он этим пользуется...

Андрей Белый. И я так думаю. Шел я как-то по чужому двору, смотрю, мальчишка к малышу пристаёт. Я только издал ему кулак показал, а его и след простыл. Корчил из себя храбреца, прямо лев, а удирал, как заяц.

Я знаю, во многих классах да и во дворах есть такие верзилы, что своей силой похвастаться любят. Только почему-то сильных они не бьют, а все норовят тех, кто им ответить не умеет.

Чем больше их боишься, тем хуже. Их не надо бояться, даже если ты слабее. Им надо сда-

сторону, куда он побежал, а там двое мальчишек дерутся.

Тот, что повыше и постарше, с кривой ухмылочкой, выбирая, куда побольнее стукнуть, лупит маленького. А маленький не бежит и не плачет, а только старается заслонить живот, и грудь, и лицо руками. Высокий услышал топот тяжелых гайдаровских сапог, увидел, что военный бежит к ним, и тут же дал деру, испугался. А маленький понял, что пришла помощь, и, видно, от неожиданности заплакал.

— Дяденька, — говорит, — догоните его. Что он все время ко мне лезет...

Впервые увидел я Гайдара растерянным. Сказал он мальчишке вот что:

— Я за ним не побегу... Не могу. Меня ждут. И потом, прикинь сам, что получится: он сильнее тебя и тебя побил, я сильнее его и могу ему дать. А потом я уеду, и он снова тебя отлупит. Давай лучше так договоримся: ты поскорее расти, становись сильным, и тогда ты дашь ему сам. А главное — не бойся! Он же трус. Когда он тебя бил, ты не побежал. А он, хотя его никто не бил, побежал. Труса чего бояться?..

Мальчишка насухо вытер слезы и твердо сказал:

— Я, дяденька, ему дам! Ей-богу, дам! Да так, что он уже никогда не полезет к тем, которые слабее!..

После этого рассказа **АЛЕША ОВЧАРЕНКО** рассказал еще одну историю.

чи давать. Ты и сам почувствуешь себя сильнее, и товарищи уважать тебя станут.

ОВОА САГАДИЕВ. Вспомните, что Гайдар сказал тому маленькому мальчику, которого били. Становись сильным и сам ему дай!.. Аркадий Петрович хотел, чтобы он перестал бояться, чтобы поверил в свои силы.

Всех взволновал рассказ о том, как Гайдар встретился с мальчиком на фронтовой дороге, и ребята заговорили каждый о своем, а про Витю, с которого начался наш разговор, будто забыли.

Но тут **ГАЛЯ КЛОЧКОВА** (она учится в одном классе с Витей и с Олей Жуковой) сказала то, что ее, видно, давно волнует.

ВСЯК ПО СВОЕМУ ХОРОШ

Бывает, все привыкают считать человека плохим. Смотришь, он и сам в это поверил. А на самом деле все совсем не так. Вот нашего Витю мальчишки считают вредным и навязчивым. Легко ли жить, когда тебя никто за человека не считает, никто не хочет сидеть с тобой за партой?! А я с ним сижу, на химии и на черчении. И поняла, что Витя добрый. Сломается у меня карандаш, он, ни слова не говоря, поточит его. Линейка упадет — поднимет. И товарищ он! Один наш мальчишка стул сломал, свалили на Витю. Витя промолчал, не выдал товарища, хотя все к нему плохо относятся. Попробуй быть хоро-

шим, когда все на тебя косятся или, еще хуже того, не замечают!.. И потом, Вите тяжело дома живется. Отец сильно пьет, мать тяжело больна. Ему и уроки, наверное, трудно дома учить, а мы хоть раз об этом подумали? В каждом человеке есть, по-моему, много хорошего, а мы только о его недостатках твердим...

Тут писатель **НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БОГДАНОВ** сказал, что Гайдар верил в ребят. Из Квакина тоже может получиться отличный парень, если вокруг окажутся настоящие товарищи, вроде Тимура и его команды.

В разговор вступил главный редактор журнала «Пионер» **СТАНИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ФУРИН**. Он рассказал такой случай.

ЕСЛИ ВОКРУГ НАСТОЯЩИЕ РЕБЯТА

В Удмуртской АССР, в городе Ижевске, жил мальчишка, от которого никому не было спасу. Курил. Хулиганил. Учился через пень-колоду... И тут взрослые решили отправить его вместе с другими ребятами в Артек. В Артеке никто и предположить не мог, что он двоечник и хулиган. Туда посылают ребят, которые хорошо учатся и отличились в пионерском деле. И к этому мальчику все относились с уважением, с доверием, доброжелательно. Все в него поверили, и он поверил в свои силы. Вокруг шла интересная жизнь, и ему захотелось делать что-то хорошее — от него этого ждали. Словом, уехал он из Артека председателем совета отряда и в дневнике увез хорошие отметки...

Шура Струкова. А я еще вот о чем хочу сказать. Иногда человек, который кажется всем сильным, на самом деле слабый. Вот у нас в классе один мальчишка всех в страхе держит, все его боятся. Некоторые пресмыкаются перед ним, а по-настоящему никто не дружит. Он очень самолюбивый, хочет во всем быть первым, а у него с учением не ладится, вот он и тузит всех. То и дело его вызывают на совет отряда, на совет дружины, требуют исправиться. Глупо! Ничего от этого в его жизни не меняется, и он сам не меняется... А были бы мы настоящими товарищами, мы бы постарались понять, в чем дело, и помочь ему. Перестал бы драться! Я это только сейчас поняла..

Готовых рецептов на всякий случай жизни нет и у **ВСЕСОЮЗНОГО ТИМУРОВСКОГО ШТАБА**. Надо самим думать и, как учил Гайдар, «действовать не унывая, по своему усмотрению». Ну, а спрашивать, советоваться с друзьями, с людьми, мнению которых доверяешь, обязательно нужно.

ТРЕТЬЕ ЗАДАНИЕ ТИМУРОВСКИМ ОТРЯДАМ К ВЕЛИКОМУ ПРАЗДНИКУ ПОБЕДЫ.
Рядом с вами живут люди, которые прошли войну. Поздравьте их с ПРАЗДНИКОМ, сделайте маленькие подарки, сюрпризы. Пригласите их в отряд на концерт. Перед праздником пойдите к воинам Советской Армии. Они расскажут вам о своей службе, о военных традициях. Поведайте октябрят и младших пионеров в музей боевой славы, расскажите о тех, кто учился в вашей школе и защищал свою родину на фронтах войны.

После нашего разговора СЛАВА ДУШКИН спросил:

ДРАТЬСЯ НИКОГДА НЕ НАДО?

Андрей Белый ему ответил:

— У нас один человек обидел мать другого человека. А тот, хоть и слабее был, дал обидчику пощечину. По-моему, он поступил правильно, хотя они здорово подрались.

Люда Смолкина. В нашем шестом классе один мальчик с девочкой дружит. Старшеклассники увидели их вместе, мальчишке руки скрутили, девочку стали толкать. А лучший друг стоял в стороне. Разве это человек?! Он должен был вступить, даже если те старшеклассники сильнее его...

Коля Пашкевич. А у нас мальчишки из-за марок дерутся. У кого марки лучше? Чилийская это марка или уругвайская? По-моему, лучше по каталогу посмотреть, чем драться из-за пустяков.

Писатель **НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БОГДАНОВ** сказал:

— И тот, кто бьет, и тот, кого бьют, становятся людьми жестокими, злыми. Без надобности, конечно, драться не стоит. Драться по пустякам глупо. А вот если ты защищаешь себя или другого — тогда иное дело! Тут уж себя не жалей, действуй, вступай в борьбу. Иначе какой же ты тимуровец?

• А что обо всем этом думаешь ты?

• Сумел ли ты помочь кому-нибудь стать сильнее?

• Умеешь ли на себя посмотреть со стороны и помочь стать сильнее себе?

НЕ СЛЕШИ С ОТВЕТОМ.

• Подумай, а потом обязательно напиши нам. Так и ты сможешь принять участие в работе ВСЕСОЮЗНОГО...

ТИМУРОВСКОГО ШТАБА

Об этом заседании Штаба рассказала член Штаба, журналист **ЛИЯ СИМОНОВА.**

Умеренно

Гаснут ут. рен. ни. е звезд. ды в по. лу. мгле, гас. нут в не. бе, но не гас. нут на зем. ле. В го. ро. дах о. ни го. рят и в де. рев. нях, на ка. лит. как, на во. ро. тах, на две. ря. х. Рядом с ни. ми ты в мол. ча. ни. и по. стой, и то. гда за. го. во. рят о. ни с то. бой — ты у. слы. шишь Ле. нин. град и Ста. лин. град, го. ло. са ар. тил. ле. рий. ских ка. но. над. Ты у. слы. шишь Ле. нин. град и Ста. лин. град, го. ло. са ар. тил. ле. рий. ских ка. но. над. // и ме. ня.

Тимуровские звезды

Слова **В. ОРЛОВА,**
Музыка **В. БОГАНОВА.**

Гаснут утренние звезды в полумгле,
Гаснут в небе, но не гаснут на земле.
В городах они горят и в деревнях,
На калитках, на воротах, на дверях.
Рядом с ними ты в молчании постой,
И тогда заговорят они с тобой —
Ты услышишь и Москву и Ленинград,
Голоса артиллерийских канонад.

Ты увидишь опаленную страну
И солдат, что уходили на войну,
Уходили из калиток и дверей,
Уходили от детей и матерей.
Покидали и поля и города
И домой не возвратились никогда,
Чтобы мы с тобой ходили по земле,
Чтобы хлеб лежал, как солнце,
на столе.

Чтобы нам остались гордые слова:
Ленин, Родина, товарищи, Москва...
Гаснут утренние звезды в полумгле,
Гаснут в небе, но не гаснут на земле.
Точно кровь, они красны и горячи,
Над землей они раскинули лучи,
Словно ими от военного огня
И тебя оберегают и меня.

Кругом люди

Рисунок А. БОРИСОВА.

Из дому Ленька вышел рано: еще шести не было. Так спешил, что завтракать не стал — некогда. Сунул в бумажный кулек три картошины — горячие, разваристые, прямо из чугуна. Дорогой и пожевал. Опоздать боялся жуть: все-таки первый экзамен. И на тебе: полдороги не прошел, как вдруг увидел, что над городом поднялся белый столб пара, и с опозданием почти что в полминуты услышал голос гудка. «Может, воздушная тревога?» — подумал Ленька. Но гудок гудел ровно, без перерывов. Ясно было: восемь часов, начало работы. А экзамен в девять. Всего час остался. Вот как ходики подвели!..

Ленька припустил по тропке, но уже чувствовал, что не успеть...

Раньше, в детстве, он считал себя везучим. И бабушка говорила: «Счастливым ты, в рубашке родился».

В семье он был первым, его баловали. Велосипед купили, когда восемь лет было. У одного во всей деревне был такой велосипед — детский. Кататься на нем Ленька научился быстро. Только раза два и упал. А вот Кольку-соседа, того полный месяц поддерживали. Отпустят — он в пруд или на избу так и метит. Как веревками его туда тащат!..

И косит Ленька лучше Кольки. Правда, коса у него — ни у кого такой нет: со звоном, только води. Ему все ребята завидуют. Ванятка Кабанов раз и говорит: «Я бы тоже двадцать пять соток положил — дай мне такую косу». Он думал, Ленька пожалеет. А Ленька: «На, на целый день». Взял Кабанов, а коса у него и через час косить перестала. Дед Александр смотрел, смотрел, а потом и говорит Ванятке: «Не мучай косу. Отдай хозяину».

Но все везения для Леньки, видно, окончились давным-давно. Сначала у него умерла мать, а потом и бабушка слегла. Похворала недели три, и остался в семье Ленька за стар-

шего. Прежде ему все самое лучшее доставалось, а теперь все самое тяжелое: и воды натаскай, и печку вечером истопи, и за пацанами посмотри — не погуляешь.

Ростом он невелик, слабосилен. И попадало ему порой за дело и не за дело. Иной хотя бы огрызнулся, а он и этого не мог. «Сирота, вот и валится все на него», — частенько говаривала тетка. Может быть, и прежде не все ладилось у него, но при матери неприятности быстро забываются.

Теперь каждая неудача помнилась долго. Проходило время, и еще что-либо случалось: то сестренка Валька ногу вывихнула, то баран околел. Стало Леньке казаться, что беды идут на них косяком. Тут еще и в ремесленное не приняли — мал, говорят. Все товарищи его в новых шинелях щеголяют, ботинки с галошами получили, паек у них — шестьсот граммов одного хлеба. Да приварок еще три раза в день.

— Гляди, какие, сыты, обуты, — охала тетка. — А тебя и тут... Правду говорят: пришла беда — открывай ворота.

— Ничего, — успокаивал ее отец, — в ремесленное не взяли — в техникум пойдет.

С техникумом у Леньки тоже все не так пошло, как надо. Отправился за свидетельством о семилетке, а директор школы ни в какую, не дает — и все. «Ты, — говорит, — должен десять классов закончить, фундаментальные знания получить. Понимаешь?» И начал рассуждать, что ему, Леньке, природой много отпущено, у него большие способности, их нужно развивать и развивать.

Ленька смотрел на похудевшее его лицо, на пустой рукав — руку директору в первые дни войны оторвало — и помимо воли кивал головой, согласен, мол. А сам думал: «Чудак человек. Да в техникуме-то карточку дают, и отоваривают ее в магазине орсовском. В обычном магазине овсянка, к примеру, а в орсовском даже рис бывает. И маслица иног-

да подкинут. Плохо ли картошку с маслицем? Да хлеба по кусочку — вот и сыт. А без хлебushка очень уж тоскливо».

Но директору школы Ленька сказал другое.

— Я, — объяснял он, — хочу специальность скорее получить. Техникум кончишь — и готово, работай. А образование такое же, среднее.

— Нет, Алеша, в техникуме по-другому учат, — опять стал убеждать его Василий Афанасьевич. — В училище больше специальным предметам уделяют внимание. А здесь мы тебя к университету подготовим... Пока в интернат устроим. И питание бесплатное, и жить будешь при школе. Ты, Алеша, далеко должен глядеть. Надо уметь мечтать...

Мечтать Ленька любил. И куда в мечтах своих не залетал! Директор ему только напомнил об университете, а он уже видел себя сначала студентом, потом профессором. Война кончится, он приезжает в родную деревню — всем подарки: кому платок, кому рубашку, а пацанам конфет, жамок. Ешь — не хочу. Жамки-то, они ох и вкусные...

— Вот так, Чудин, — вернул его в 1942 год директор. — Договорились? — И подал ему руку.

Спорить с Василием Афанасьевичем Ленька не стал да и не умел.

— А зачем ему отпускать? — заругалась тетка, когда Ленька, вернувшись домой, рассказал, чем окончился разговор. — У него тоже план. Отпустит тебя — на одного отличника меньше. А за это нахлобучка... Ему плевать на тебя, ему план главное. Тут каждый сам за себя должен, а то затопчут. Ты уж побойчей будь!..

На следующий день Ленька отправился в город: тетка вытолкала.

— Без бумажки попробуй. Скажи, сирота. Сироту, может, и пожалеют.

— Самодур, что ли? — выслушав Леньку, спросила директор техникума, высокая, чернобровая женщина. Секретарша звала ее «А-Васильевна». То ли Алла, то ли Анна, разобрать было трудно.

— Вот забился человек в деревню и смотрит оттуда со своей колокольни, — обернулась директорша к сидящим в канцелярии женщинам, вероятно, педагогам. — Не понимает, что после войны специалисты вот как будут нужны. Правительство нам такие льготы дало: на фронт студентов не берут, а он...

Ленька теперь уж и не рад был. Конечно, карточку хлебную получить плохо ли? Но видишь, что наделал, как кричит эта женщина. Еще возьмет да и позвонит куда следует, так директору школы могут чего хочешь приписать. Скажут, подрыв и прочее. А директор, если подумать, и неплохой, а даже очень хороший, хотя и не дает свидетельство.

— Ну, что с вами будем делать, молодой человек? — спросила наконец директорша и

только теперь внимательно осмотрела его с ног до головы.

Ленька рос без матери. Отца тоже почти не видел — тот сутками не слезал с трактора, добывал торф. Люди как-то догадывались, что мальчишка был сиротой.

«Наверное, заплатки не по-бабьи поставлены, — думал он. — Сеструхи моложе меня, а шьют как... Стежок мелкий, как на машинке».

А-Васильевна под его взглядом — не любил он жалости! — опустила глаза и стала рыться в бумажках.

— Отличник, наверное, вот и не отпускают из школы? — наконец спросила она.

— Да не совсем отличник. И четверки есть. По пению и по черчению четыре.

— Ишь ты какой, — еще раз, уже внимательнее, взглянула на него директорша. — Был бы документ — без экзаменов приняли б. Отличники у нас вне конкурса. Что ж, рассмотрим твоё заявление, рассмотрим... Нам тоже грамотные нужны.

«Не примут — плакать не буду, — успокаивал сам себя Ленька, выходя из техникума. — Ну что поделаешь?»

Однако тотчас вспомнил, как Валька, младшая сестренка, еще вчера прикидывала, сколько это будет четыреста граммов хлеба... И как они мысленно этот кусок делили на пятерых, — вспомнил это и глубоко вздохнул.

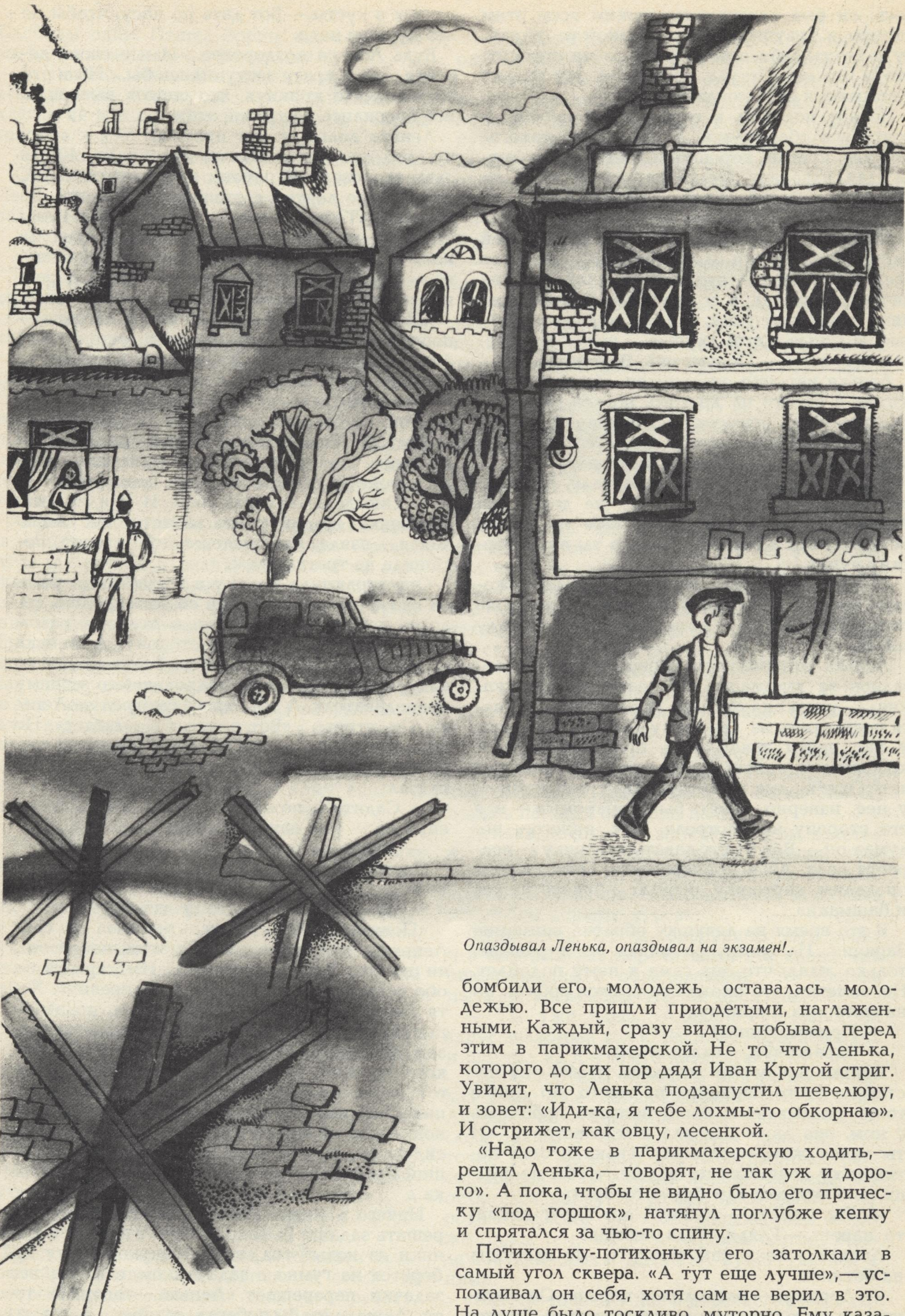
Жили они все на одну отцовскую карточку. А много ли семьсот граммов? Отцу побольше, он на тракторе день-деньской, а остальным граммов по сто. Если он карточку получит — тогда уж заживут. Девчонкам вдвое хлеба! Они-то с отцом как-нибудь протянут, а девчонок следует подкормить. «Нет, надо в техникум попасть», — заключил Ленька...

Вскоре ему прислали извещение, что десятого августа он должен явиться на экзамен. Но еще восьмого — он в прошлый раз разузнал, что в этот день вывешат список допущенных к экзамену, — Ленька явился в город спозаранку: «Бумажка, конечно, хорошо. А в списке могут и пропустить. Мало ли что бывает».

Город был молодой. Он вырос вокруг электростанции, построенной сразу же после революции. Электростанция была сердцем не только города, но и всего района, где добывали торф для нее. Поэтому и техникум был энергетический. Его открыли несколько лет назад. И денег не жалели! Помещения просторные, окна большие, полы паркетные. Около техникума, в саду, бассейн, первый в городе. «Студент техникума» — это звучит!..

Ленька пришел тогда к техникуму в девятом часу. Он хотел побродить по его этажам, пока никого нет. Но сквер уже шумел. Народу — не протолкнешься. Оказывается, не он один был такой умный.

Хотя уже второй год шла война и немецкие самолеты иногда прорывались к городу и

Опаздывал Ленька, опаздывал на экзамен!..

бомбили его, молодежь оставалась молодежью. Все пришли приодетыми, наглаженными. Каждый, сразу видно, побывал перед этим в парикмахерской. Не то что Ленька, которого до сих пор дядя Иван Крутой стриг. Увидит, что Ленька подзапустил шевелюру, и зовет: «Иди-ка, я тебе лохмы-то обкорнаю». И острижет, как овцу, лесенкой.

«Надо тоже в парикмахерскую ходить,— решил Ленька,— говорят, не так уж и дорого». А пока, чтобы не видно было его прическу «под горшок», натянул поглубже кепку и спрятался за чью-то спину.

Потихоньку-потихоньку его затолкали в самый угол сквера. «А тут еще лучше»,— успокаивал он себя, хотя сам не верил в это. На душе было тоскливо, муторно. Ему каза-

лось, он был совершенно чужим всем этим парням и девушкам. Стоит какой-то пацан, ну и пусть себе стоит. И никто не спросит: кто и что он? Откуда, зачем?.. А эти только и стараются себя показать.

Но вот подошел к ограде один парень, и почти все обернулись. А что в нем такого? Костюм, правда, хороший, блестит. И рубашка алая, наверное, шелковая. А ростом не такой уж и высокий. И чего смотрят?

— Заряпин! — услышал тут Ленька.

Заряпин! Тогда понятно. В городе, во всей округе, был только один Заряпин — директор электростанции. А это, значит, сын. Он еще ничего не сделал, а его уже все знают. Заряпин... Девчонки сами к нему подходят, первые. «Глупые и есть глупые, — ругал их мысленно Ленька. — Подумаешь, Заряпин!»

Ленька нарочно отвернулся. Он переводил взгляд с одного на другого, но все чаще поглядывал на невысокую девушку. Сколько ей лет? Конечно, старше его. Пятнадцать-то будет. Ему еще и четырнадцати нет.

Он как бы увидел себя в зеркале, представил рядом эту девушку. Нет, не дорос ты, Алешка. Да и зипунчик на тебе не тот и обут не того. У нее туфельки, а ты в шахтерских чунях.

Кто их только выдумал, эти литые, тяжелые галоши — шахтерские чуни? Пройдешь пяток километров — ноги отмотаешь. И виду никакого.

Ленька отодвинулся, теперь его ноги оказались за кустиком. «А зато носки какие», — успокоил он себя. И еще раз осмелился посмотреть на девчонку. — Вообще-то рост у нас почти такой же, — прикинул он. — А красивая-то какая!..» Заметит она его или нет? Однако она разговаривала с ребятами — у нее, наверно, много было знакомых — и в его сторону не смотрела. «Ну, ничего, — подумал он. — Вот будут давать карточку — подрасту враз. Да и принаряжусь. Отец сказал: продадим картошку осенью — брюки купим и башмаки».

В это время на девушку обратил внимание Заряпин. Наверное, он видел ее и раньше, только ждал, что она сама к нему подойдет. Но, заметив, что около нее вьются ребята, он не вытерпел и крикнул:

— Привет, Динка!

— Здравствуй, — сказала она.

Леньке почему-то хотелось, чтобы она поставила этого Заряпина на место, но Динке тоже, оказывается, было приятно поболтать с ним, она даже сделала шаг навстречу. «И ты такая же», — подумал Ленька и стал потихоньку двигаться подальше, чтобы не слышать, о чем они там будут говорить.

— Ты, лапоть, — толкнул его вдруг какой-то парень. — Глади, куда лезешь!

Ленька уже и сам заметил, что наступил на ботинок.

— Деревня, — расходился парень. Он вытащил из кармана платок, вытер туфлю, бросил

платок в кусты. — Вот дать по носу, чтобы не лез куда не надо.

Будь Ленька поздоровее... Или в своей деревне — там сразу заступились бы... Но в это время кто-то крикнул, что список вывесили. Все бросились на третий этаж.

Ленька долго не мог протиснуться к списку, его все отталкивали, оттесняли. Когда один здоровенный парень, мужик настоящий, прижал его локтем к стенке, Ленька чуть не завопил. «Тебя бы так», — подумал он. И ему стало жалко себя, Леньку из деревни Навольное. «Хорошо было в школе, — думал Ленька. — Там все свои. Если не из нашей деревни, так из соседней».

...Все это было два дня назад. А сегодня — первый экзамен по письменной математике. Ленька понимал, что опаздывает и его могут вообще не пустить! Он бежал что есть мочи.

Страшно было. А как перешагнул порог, отлегло от сердца: сразу увидел секретаршу директора. Еще тогда, в первый раз, Ленька подумал, что она хорошая. Секретарша сидела в фойе за столом, наверно, дежурила.

— Опоздал! — охнула она. И увидев, что парнишка вздохнуть не может — так запыхался, — взяла, как маленького за руку, потащила на третий этаж.

Она втокнула Леньку в какую-то дверь, и он оказался один на один со всеми. Здесь сидело, может, человек сто, и все они разом повернулись в Ленькину сторону. А Ленька стоял и не знал, что делать. Только слушал, как скрипят ботинки подходившего к нему преподавателя. А тот строго смотрел на Леньку. Ох, строго... «Вот возьмет и выведет». Но преподаватель, не дойдя до него шага два, остановился и, указав на свободное место, сказал:

— Садитесь, пожалуйста. — И только потом спросил: — Как ваша фамилия?

— Чудин. — Ленька встал.

Преподаватель неторопливо кивнул головой:

— Садитесь и решайте третий вариант.

«Повезло тебе, Чудин, — подумал о себе Ленька, — могли и в шею. Смотри, какой он... ни шороха. Видно, знают его... Им, городским, обо всем известно. Это не мы, деревня». Хотя Ленька и боялся пошевелиться, но любопытство все-таки перебороло, и одним глазом он окинул помещение. Здесь были все, кого он видел на днях. И Дина, и Заряпин, и тот, злюка, которому Ленька на ногу наступил. Они, наверное, и не думали, что пацаненок, который все к кустам жался, тоже будет сидеть рядом с ними. «Считали, может, младший брат чей», — усмехнулся про себя Ленька...

Ничего в жизни Ленька так не любил, как решать задачи. Бывало, получит весной учебники на новый год, в свободную минуту заберется на гумно с задачником и в уме все задачи перерешает. «Ленька, — говорила тетя Даша, — ты бы побегал лучше... А то из

Слободы один, Пашка Зорин, все с книжками да с книжками — и рехнулся».

А учитель Иван Константинович больше всех уважал Леньку за это. Если никто в классе не мог подобраться к задаче, учитель говорил:

«Иди-ка, Чудин, покажи, как надо делать».

Стоило Леньке написать первые цифры, Иван Константинович сейчас же поднимал палец и спрашивал:

«От чего надо танцевать?»

«От печки», — хором отвечал класс.

«Верно, — говорил он. — Вы и должны всегда найти эту печку. Вон она, видите?» — И указывал на доску, имея в виду ту первую цифру, которую Ленька записал.

Для Леньки одни задачи были интересные, другие так себе, время отнимали. Сейчас, читая свой третий вариант, Ленька сразу заметил, что задачка-то хитрая. «На этом двухзначном, выраженном через X и Y, многие сядут», — подумал, он, вспомнив, что подобного типа задачи почему-то не давались ребятам.

Ленька заглянул налево, в черновик соседа, и присвистнул: тот порол чушь. Правда, он делал другой вариант, но задачи на одно правило, и Леньке было достаточно бросить взгляд, чтобы увидеть ошибку. Не раздумывая, он написал на чистом листке « $10X + Y$ ». Подвинул этот листок влево и уткнулся в свою задачу. Он уже кончал ее, когда услышал шепот соседа: «Спасибо!» Ленька долго не мог понять парня — весь был во власти задачи, а догадавшись, за что тот благодарил, радостно улыбнулся. И только потом подумал: «Вот бы увидел преподаватель... Нет, надо тикать! А то подскажешь кому еще — и влип». Он встал и спросил:

— Можно сдавать?

Вот сейчас, в этот солнечный день, громыни гром — и то бы он не сделал такого переполоха, как два Ленькиных слова. На лицах будущих студентов, которые сразу развернулись в его сторону, было такое изумление, будто свершилось уму непостижимое. «Этот шкет, который только что заявился... Вот это да!..»

— Можно сдавать, — услышал Ленька голос преподавателя, — только надо проверить.

— Вообще-то я проверил, но я еще раз проверю.

Ленька знал, что у него все точно получилось. Однако опять пробежал глазами по строчкам.

— У меня все правильно.

Никто из сидящих в аудитории за эти минуты, наверное, глаз от него не оторвал. А после такого заявления раздался как бы общий вздох.

Преподаватель, небольшой, с немного склоненной набок головой, подошел к столу, за которым сидел Ленька, взял его работу, скользнул по ней взглядом, улыбнулся и сразу стал проще.

— Действительно все верно, — проговорил он. — И интересно. Очень интересный ход...

Ленька шел между партами не торопясь, но ему казалось, что все видят, как он сдерживает себя: сейчас ему хотелось подпрыгнуть от радости и засвистеть. Он решил задачки! И первый решил! Пускай не думают они, что лучше всех, и пускай не толкаются... Да если он подрастет, да приоденется — огого! Отец теперь уж точно купит брюки новые.

— Подождите, пожалуйста, — вдруг услышал он голос преподавателя.

От неожиданности Ленька вздрогнул: «Что такое?» И до тех пор не мог в себя прийти, пока преподаватель не положил его листок на стол, а подойдя к двери, открыл ее и предложил:

— Пожалуйста.

Ленька опять приосанился и помимо воли заулыбался: вот, видали! Преподаватель взял его под руку и стал расспрашивать, откуда он, как учился и в какой школе. Ленька все рассказал.

Через день был следующий экзамен — устная математика. Ленька еще с вечера проверил часы, и теперь восьмичасовой гудок застал его уже на окраине города. «Здорово, — подумал Ленька, — через двадцать минут в техникуме буду, наверное, первый приду». Но сквер опять был полон. «Не спят они, что ли?» — удивился Ленька.

— Привет! — толкнул его кто-то в бок. Ленька узнал давешнего соседа по парте.

— Решил? — спросил Ленька.

— Решил, решил, — возбужденно заговорил парень, — ты беги на третий. — Посмотри, что там написано! Приказ на тебя. Во какой. — И парень показал большой палец.

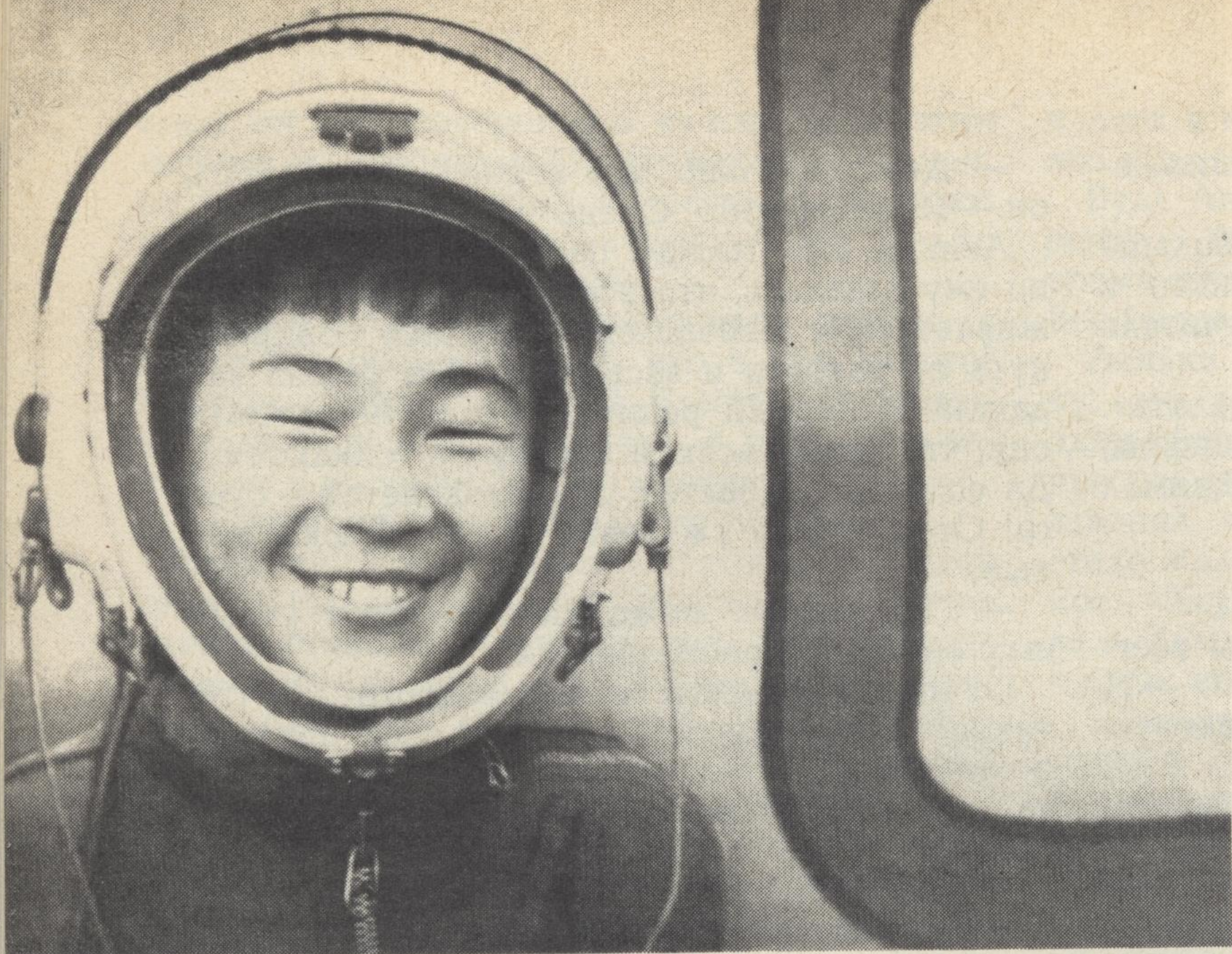
Ленька, никого не замечая, мигом взлетел на третий этаж, быстро нашел приказ: «Товарища Чудина А. В. как отличника от дальнейших экзаменов освободить и зачислить студентом первого курса».

Отталкивая что-то говоривших ему ребят и в который раз перечитывая эти слова, так ошеломившие и обрадовавшие его, Ленька пытался уразуметь, что же произошло.

— Ты уже здесь, Алеша? — услышал он вдруг знакомый голос Василия Афанасьевича и ощутил на плече его ласковую руку.

«Директор сам приехал. Вот почему приказ появился, — понял Ленька. — Это Василий Афанасьевич, наверное, мое свидетельство сюда привез. А ему математик позвонил, это точно. Кто же еще?.. Все расспрашивал, расспрашивал...» Ему стало хорошо-хорошо. Он оглянулся вокруг и увидел лица ребят. Ему показалось, что они тоже рады за него. И даже горды тем, что этот паренек, который задачки, как орехи, щелкает, будет учиться с ними.

«Нет, не только у нас в деревне, кругом люди, — радостно думал Ленька. — Кругом люди!..»

И чисты они и сияют прямо как жар-птицы.

Космический центр пионерлагеря «Орленок». Кроме реактивных ястребков, здесь есть разные тренажеры. Не игрушечные, а, как и самолеты, самые настоящие. Точно на таких же наши «космические братья» готовились к своим полетам... Конечно, это все игра — веселая, захватывающая, необыкновенная игра в космонавтов. Но в то же время дело идет всерьез. Вот началось занятие кружка космической медицины. На специальном тренажере ребята вырабатывают координацию рук и ног. А в кабинете напротив... Открываешь дверь — то ли в планетарий попал, то ли вдруг

*Дима Цой — космонавт номер...
А впрочем, это от него будет зависеть!*

12 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ

Скоро старт!

Представь себе, что ты уезжаешь, улетаешь надолго. Мама вышла проводить тебя до ворот.

До свиданья!.. Ты все дальше, а мама — все меньше. Еле виден ее белый платок. А вот и город твой, огромный, грохочущий весело город, уменьшается, все уменьшается, съеживается. Наконец и вся планета твоя — только голубое пятнышко с белым платком туч над Австралией...

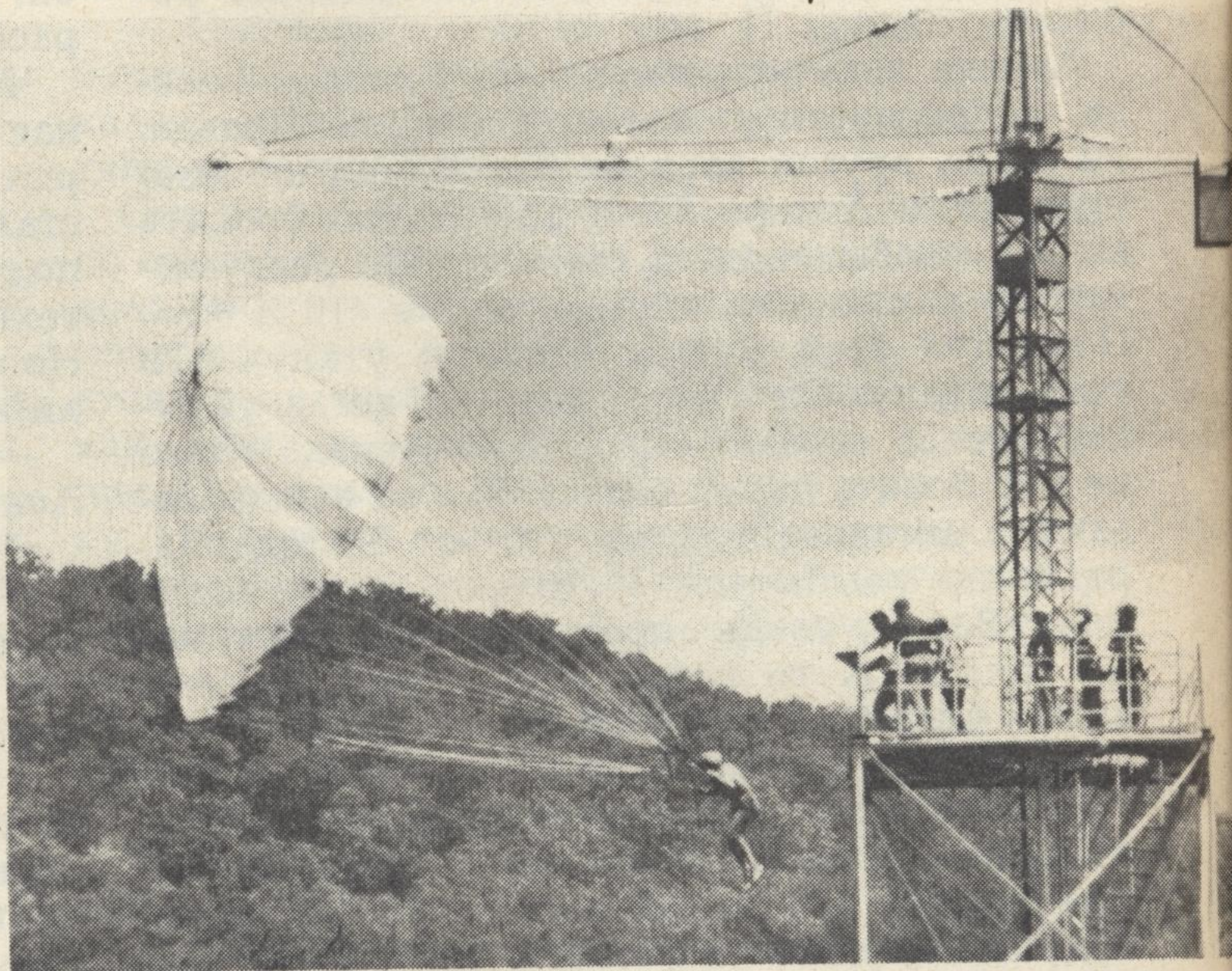
Так играют в космонавтов. А, может быть, правильнее будет сказать: «Так мечтают в космонавтов». По вечерам у костра, когда длинные искры, словно космические корабли, уплывают в небо, в густые звезды, сидят вокруг огня «орля-

та» — воспитанники пионерлагеря «Орленок», одного из самых замечательных лагерей в мире.

А завтра... Едва солнце — самый первый лагерный купальщик — вынырнет из рассветного моря, ты увидишь большое, светлое, распахнутое здание. Перед ним... летное поле. Быть того не может, и все-таки это правда: стоят в ряд новенькие «Миги» — самые что ни на есть быстрые птицы в мире. Не бойся — подходи. Можно и руками потрогать, можно сесть в летное кресло. Можно, сдвинув тяжелые очки, рассматривать приборы. Ты кружковец. Это твоя вещь! И, может, поэтому на самолетах ни царапинки.

**Растем
сильными,
смелыми,
ловкими**

★

Первые прыжки.

Фотографии
В. ПОСТНИКОВА.

вышел в открытый космос. Темень — хоть глаз выколи, и звезды, звезды, звезды. Проходят занятия по астронавигации... Нет, ребята, это все не шутки. Дело идет всерьез!

Двенадцать лет назад, тоже в апреле, таким же вот ранним утром в небо ушла ракета Юрия Гагарина. А что будет еще через двенадцать лет? Что сообщат нам эти вот ребята с Венеры, с Меркурия. Или, может быть, с безжизненного астероида, что несется над поверхностью огромного и пока загадочного Сатурна...

— ПЯТЬ, ЧЕТЫРЕ, ТРИ, ДВА, ОДИН — СТАРТ!..

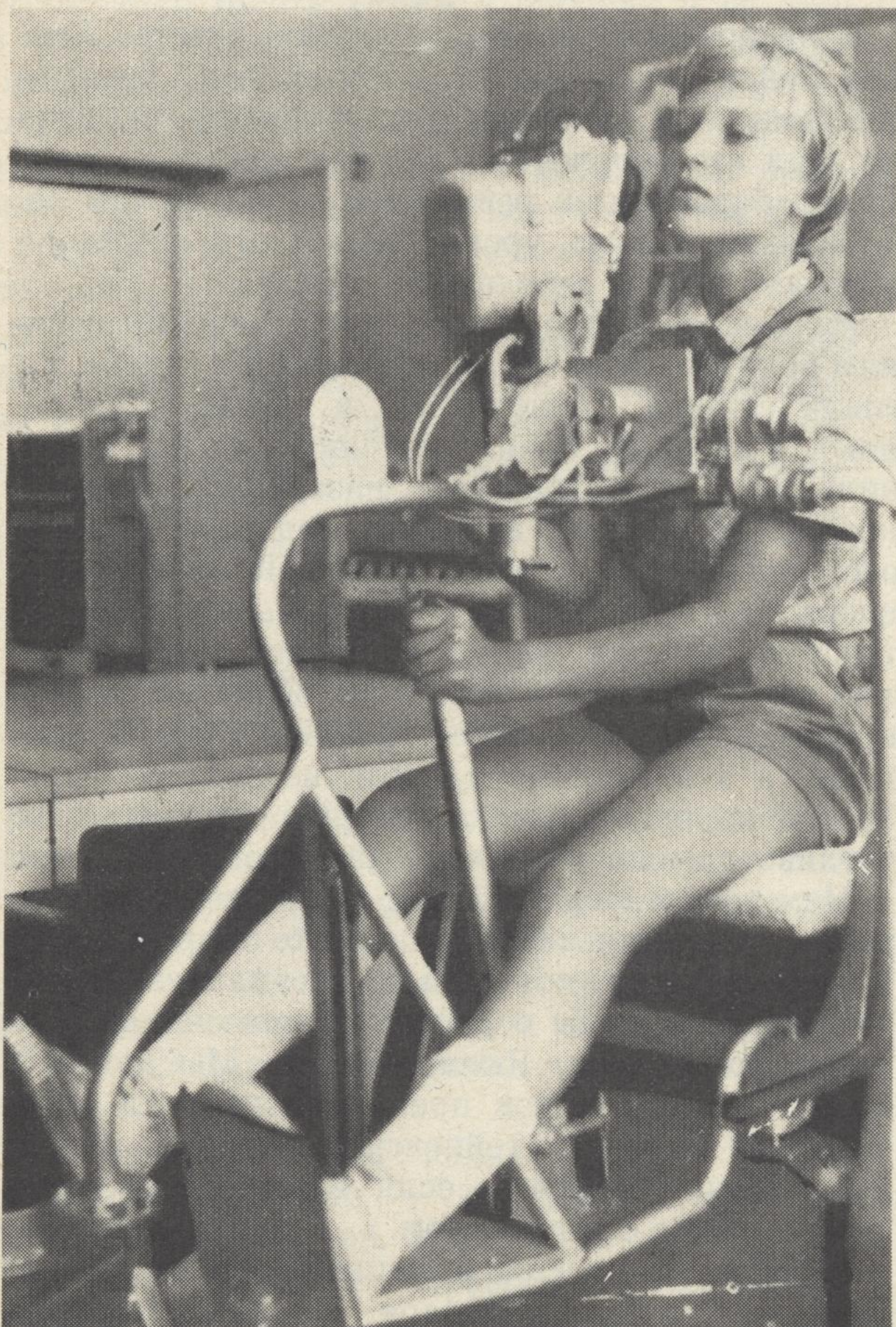

*«У нас еще в запасе
четырнадцать минут...»*

Юрий ЛУЦКЕВИЧ

Пионерский костер

— Аппаратура работает нормально!

*Перепрыгнув речку, вечер
Вышел на бугор.
И звездой пятиконечной
Запылал костер.*

*Красным светом било пламя
В сторону мою.
Я читал стихи про знамя,
Что спасли в бою.*

*Мне родиться раньше — я бы
Подхватил гревко...
Ни один из нас не дрогнет,
Если не легко!*

*Над костром взлетали искры
Голубой волной.
Поделился с другом близким
Я своей мечтой.*

*Космодром. Стою на трапе,
Поправляю шлем.
«До свиданья!» — крикну папе.
«До свиданья!» — всем.*

*Небо висилось над нами.
Оставляя след,
Красным светом било пламя
В сторону планет.*

Генрих ГЕЙНЕ

ТЕОРИЯ

Бей в барабан и не бойся беды
И маркитантку целуй вольней!
Вот тебе смысл глубочайших книг,
Вот тебе суть науки всей.

Людей барабаном от сна буди,
Зорю барабань в десять рук,
Маршем вперед, барабаня, иди,
Вот тебе смысл всех наук.

Вот тебе Гегеля полный курс,
Вот тебе смысл науки прямой!
Я понял его, потому что умен,
Потому что я барабанщик лихой.

1842 г.

Перевел с немецкого
Юрий ТЫНЯНОВ.

Встречи

В предвоенное наше московское детство Генрих Гейне вошел вместе с немецкими антифашистами, с испанскими республиканцами. Еще не зная его творчества, мы уже слышали формулу «барабанщик революции» (так он сам себя называл) и на уроках немецкого языка по складам читали гейневскую «Doktrin».

Не каждое слово в этом стихотворении было нам понятно. Конечно, имя философа Гегеля мы знали только понаслышке, и, лишь покопавшись в словаре, самые дотошные из нас выяснили, что маркитантками называли торговок, которые в далекие времена следовали в обозе отправляющихся в поход войск. Но незнакомые слова не смущали нас. Мы угадывали, что за текстом кроется какая-то тайна: стихотворение влекло за собой, оно само было как лоскут пропитанного порохом дымом боевого знамени, а в этом причудливом, негладком, непохожем на привычные ямбы и хорей ритме отчетливо слышалась призывная дробь барабана.

Нам захотелось тогда же прочитать стихотворение по-русски. Оказалось, что перевел его Юрий Тынянов, тот самый, кто написал замечательные романы о русских поэтах, — о Пушкине, Грибоедове, Кюхельбекере. Мы почувствовали, что Тынянов прекрасно передал внутреннюю мелодию гейневского текста. Вы в этом сами убедитесь, если внимательно сравните перевод с оригиналом...

...Итак, на уроках немецкого языка мы по складам читали: «Schlage die Trommel und

Doktrin.

Schlage die Tomme und fürchte dich nicht,
Und küsse die Marketederin!
Das ist die ganze Wissenschaft,
Das ist der Bücher tiefster Sinn.

Trommle die Leute aus dem Schlaf,
Trommle Reveille mit Jugendkraft,
Marschiere trommelnd immer voran,
Das ist die ganze Wissenschaft.

Das ist die Hegelsche Philosophie,
Das ist der Bücher tiefster Sinn!
Ich hab sie begriffen, weil ich geschick
Und weil ich ein guter Tambour bin.

Лев ГИНЗБУРГ

с Генрихом Гейне

fürchte dich nicht» («Бей в барабан и не бойся беды»). Следующая строка «Und küsse die Marketederin» («И маркитантку целуй...») могла бы привести в смущение педагога, однако даже самые отчаянные мальчишки понимали, что это за поцелуй и какая имеется в виду маркитантка: Революция, с огненными волосами дева.

В те годы мы дышали романтикой революционных битв, ветер гражданской войны еще шумел в головах старшего поколения, и «барабанщик революции» сливался с образом «юного барабанщика», маленького спартаковца, песню про которого пели все дети Страны Советов:

**Средь нас был юный барабанщик,
В атаках он шел впереди...**

Затем почти одновременно с «барабанщиком» возникла загадочная девушка на высокой скале, в лучах вечернего солнца. Эту рейнскую девушку Лорелею знали миллионы русских людей, и даже те, кто не владел немецким языком, умели произносить фразу «Ich weiß nicht, was soll es bedeuten» («Не знаю, что все это значит»).

Для меня с именем Гейне связано первое восприятие Германии — немецких типов, характеров, ландшафтов, восприятие зрительное и звуковое. Услышав однажды ритмы «Зим-

ней сказки», как бы начинаешь слышать бие-ние немецкого сердца. Во всех стихах Гейне кроется какая-то сказочная, почти необъяснимая связь между музыкой и смыслом. Читаешь «Лорелею», гладко идет стих — и вдруг словно лодку на рейнской волне качнуло:

**В ее чудесном пеньи
Тревога затаена...**

(Перевод Александра Блока).

В тридцатые годы интерес к Гейне был связан с еще одним обстоятельством. Ежедневно радио и газеты сообщали о мрачных событиях в Германии, о фашистских бесчинствах, о сожжении книг, о преследуемых и гонимых.

В нашем воображении Гейне возглавлял писателей-изгнанников, антифашистских эмигрантов: его книги в Германии полетели в огонь чуть ли не первыми. Казалось, он поселился в Москве вместе с Бехером, Вайнертом, Бределем, немецкими писателями, которые вырвались из фашистской Германии.

Они называли Советский Союз «родиной для родины», то есть страной, где нашли защиту и пристанище изгнанные из Германии люди, книги, мысли. У Бехера даже есть стихи об этом:

**О здесь, в Москве, за письменным столом
Все лучшие из немцев были вместе.
Сидел здесь Гете с мраморным челом —
Высокий смысл читал я в каждом жесте...**

Можно не сомневаться, что за этим воображаемым столом одно из почетных мест принадлежало Генриху Гейне...

Так же, как в стихах Бехера или Вайнерта, в стихах Гейне перед нами вставала будущая, свободная немецкая земля — та, которую нужно отвоевать от всего темного, что в ней было и есть...

*

...Помню и еще одну «встречу с Гейне». Однажды, году в тридцать восьмом, мы писали в классе сочинение о Николае Островском. За одной партой со мной сидел мой закадычный друг Володя Ерофеев. Тихонько он подвинул мне свою тетрадь:

— Погляди, нет ли ошибок?..

Я взглянул, и меня ошеломил эпитафия, слова, которых я раньше не знал и которые с той минуты запомнил на всю жизнь:

«Меч вы должны возложить на мою могилу потому, что я был храбрым солдатом в войне за освобождение человечества»...

Это были мужественные и печальные слова из «Путевых картин» Гейне. Но ни я, ни Володя Ерофеев, ни наша учительница — никто не мог тогда предположить, что всего через три года эти слова можно будет с полным правом сказать о самом Володе: он пал как храбрый солдат в войне за освобождение человечества, сражаясь против немецких фашистов, прямых наследников тех, с кем боролся и кого так ненавидел Генрих Гейне.

С первых дней Отечественной войны Гейне в буквальном смысле слова оказался в рядах сражающихся советских войск. Его стихи печатались во фронтовых и армейских газетах, выходили в виде брошюр и листовок. В походных ранцах советских солдат немецкий поэт Генрих Гейне двигался на Запад, к своим соотечественникам, у которых его бесстыдно и подло похитили.

В послевоенные годы мне много раз приходилось путешествовать по гейневским местам. И я убедился в том, что Гейне, который всю жизнь был в центре общественной борьбы, спустя полтора столетия после своей смерти продолжает вызывать отчаянную ненависть врагов свободы. Темные силы в Западной Германии еще и сейчас противятся тому, чтобы Генриху Гейне воздавались почести: они чувствуют в нем своего непримиримого врага.

Недавно, в декабре 1972 года, когда праздновали 175-летие со дня рождения Гейне, его родной Дюссельдорф разделился на два враждующих лагеря: одни настаивали на том, чтобы местный университет носил имя величайшего сына города, другие злобно противились этому.

Как раз в эти дни я вновь путешествовал по гейневским местам. Маленькие города на Гар-

це и Берлин — столица ГДР были украшены портретами Гейне, плакатами, посвященными его юбилею. Толпы людей стекались к его памятнику на Ветераненштрассе.

Неподалеку от памятника расположен известный каждому берлинскому книголюбу большой магазин, который так и называется: «Книжная лавка «Генрих Гейне». Здесь продают книги классиков, репродукции с картин и, конечно же, различные издания стихов и прозы самого Гейне. А по другую сторону границы, в Западном Берлине, на вокзале Цоо, среди газетных, винных, табачных, парфюмерных киосков, есть маленькая книжная лавка с тем же названием: «Генрих Гейне».

Меня попросили выступить в этой книжной лавке: рассказать о Гейне в Советском Союзе.

В небольшом помещении, величиной с комнату, набилось много народу. Тут были старики, которые вспоминали времена, когда Гейне, еще не запрещенный Гитлером, был кумиром их молодости. Здесь были и молодые ребята, которые упорно борются за то, чтобы Гейне лучше узнали и полюбили их сверстники.

*

...Но самой волнующей для меня была «встреча с Гейне» весной 1956 года, когда я в первый раз приехал в Германскую Демократическую Республику. Тогда еще жив был знаменитый немецкий поэт-коммунист Курт Бартель (он известен под псевдонимом «Куба»), стихами которого я в ту пору очень увлекался, переводил их на русский язык. Мне не терпелось как можно скорее встретиться с Кубой.

Свидание наше произошло. Куба ошеломил меня своим темпераментом, влюбленностью в свою молодую республику, в новый, встающий из развалин Берлин. Едва мы обменялись приветствиями, как он уже повел меня по городу, живо комментируя биографию той или иной улицы или дома.

Неподалеку от Бранденбургских ворот, на пространстве, где разыгрывались заключительные эпизоды войны с фашистской Германией, Куба внезапно остановился и указал на мемориальную доску, укрепленную на фасаде одного из домов. Надпись извещала, что некогда именно в этом доме жил Генрих Гейне.

— Он вернулся домой, ты не находишь? — спросил Куба. — Всего лишь пятнадцать лет тому назад такая надпись была бы здесь совершенно немыслимой...

А потом мы поехали в школу имени Генриха Гейне, где на этот раз уже немецкие школьники читали: «Schlage die Trommel und fürchte dich nicht»; слушая в их исполнении такие дорогие, так много значащие для меня строки, я сознавал, что возвращение Генриха Гейне на родину действительно состоялось.

• К ДАЛЕКИМ ОСТРОВАМ

Г. ДМИТРИЕВ

Фотографии автора.

Командоры... Я давно мечтал попасть на эти острова, поснимать зверей и птиц, познакомиться с работой ученых-зоологов. И вот на МРС — малом рыболовном сейнере — «Елец» плыву с острова Беринга на остров Медный.

Из сплошной пелены тумана возникают причудливые утесы. Вертикали скал своими вершинами упираются в тяжелые, серые тучи. Порой кажется, что остров опустился в океан откуда-то сверху. Если внимательно приглядеться, то вдоль линии прибоя можно различить едва заметную темную полосу. Что это?

— Лежбище, юго-восточное. — Капитан протягивает бинокль.

Темная полоса живет. Каждый год ранней весной тысячи морских котиков, как бы направляемые невидимым компасом, устремляются к этому небольшому отрезку береговой полосы, чтобы здесь дать жизнь новому потомству.

Обогнув остров, «Елец» бросает якорь в небольшой бухте.

Лестница в триста шестьдесят ступенек ведет к шести небольшим выкрашенным синей масляной краской домикам. Через каждые пятьдесят ступеней — площадка. Отдыхай, любуйся... Когда за спи-

ной неподъемный рюкзак, а в руке сумка, в которой двенадцать килограммов съемочной аппаратуры, это очень кстати.

В одном из домиков уютно разместились ученые, которые с весны до глубокой осени ведут наблюдения за лежбищами.

Каждый год осенью ученые пересчитывают и метят молодняк.

Этот подсчет позволяет ученым дать верный прогноз промысловикам, причем так, чтобы стадо этого ценнейшего зверя не только не убывало, но все время увеличивалось. Вот и сегодня нагруженные тяжелыми ящиками с метками на-

Вот он, остров Медный!

На лежбище у самой воды расположились золотистые сивучи, по-дальше — котики.

правляемся к лежбищу. Идти трудно. То прыгаем по мокрым камням, то вязнем в морской капусте, выброшенной на берег и превратившейся в кисель.

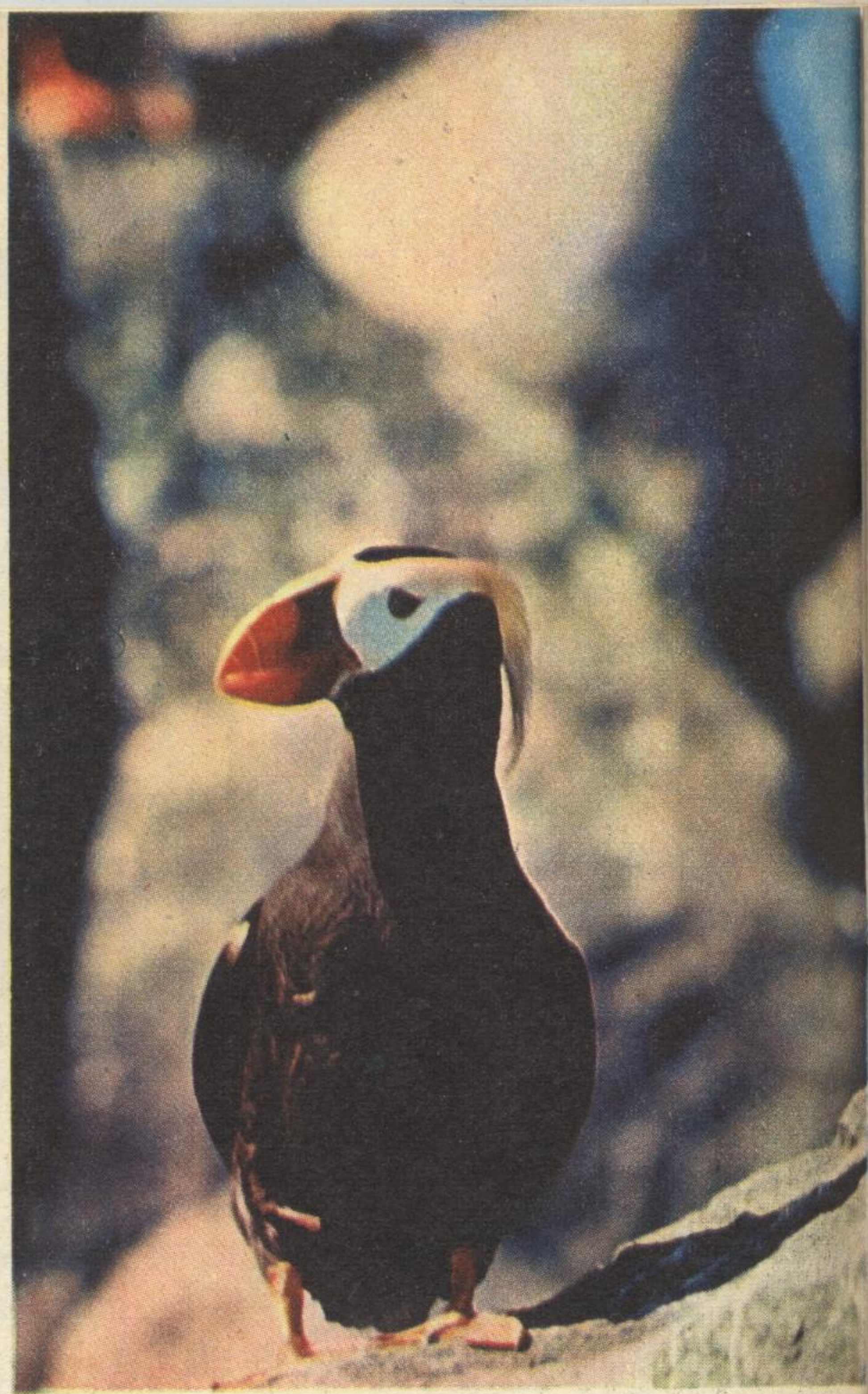
Сырой туман размывает очертания прибрежных скал и утесов. О съемке на цветную пленку нечего и думать... Интересно: какая сейчас освещенность? Лезу за экспонометром. Повернешься в сторону океана, прибор показывает одно, в сторону берега — освещенность раза в четыре меньше. Придется все время следить за светом, иначе вся пленка может пойти в корзину.

Готовясь к поездке, я много читал о лежбищах, говорил с бывалыми людьми, но то, что увидел, превзошло все ожидания!..

Вот, возвышаясь над общей мас-

сой животных, лежат огромные самцы-секачи. Еще весной они заняли места на лежбище и так три месяца никуда с них и не сходят, даже поесть. Угрожающе рыча, лежат в окружении самок, ревностно охраняя свои владения. Самки раза в четыре меньше самцов. Они лежат, обмахиваясь лапами, как веерами. Ласты у котиков — единственный терморегулятор, как язык у собак. Когда котикам жарко, они охлаждаются лапами, когда холодно, прячут под себя.

Тут же, только ближе к воде, лежат более крупные сивучи — дальние родственники морского котика. Завидев наше приближение, они золотыми торпедами уходят в воду со своих камней. Поднимается невероятный шум, волны вскипают — вслед за сивучами

Какой красавец — топорок!

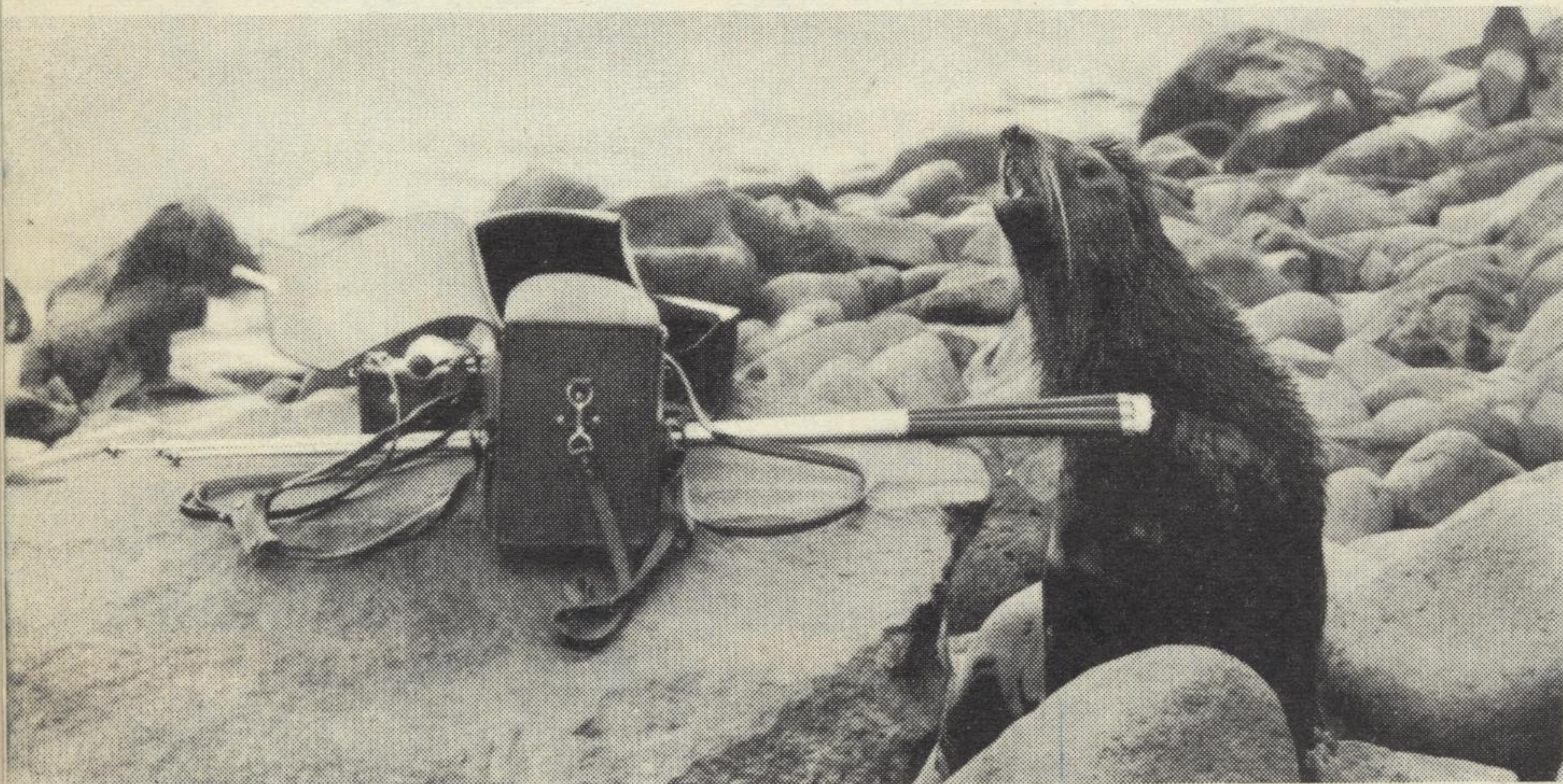
покидают лежбище котики. На берегу остаются только малыши.

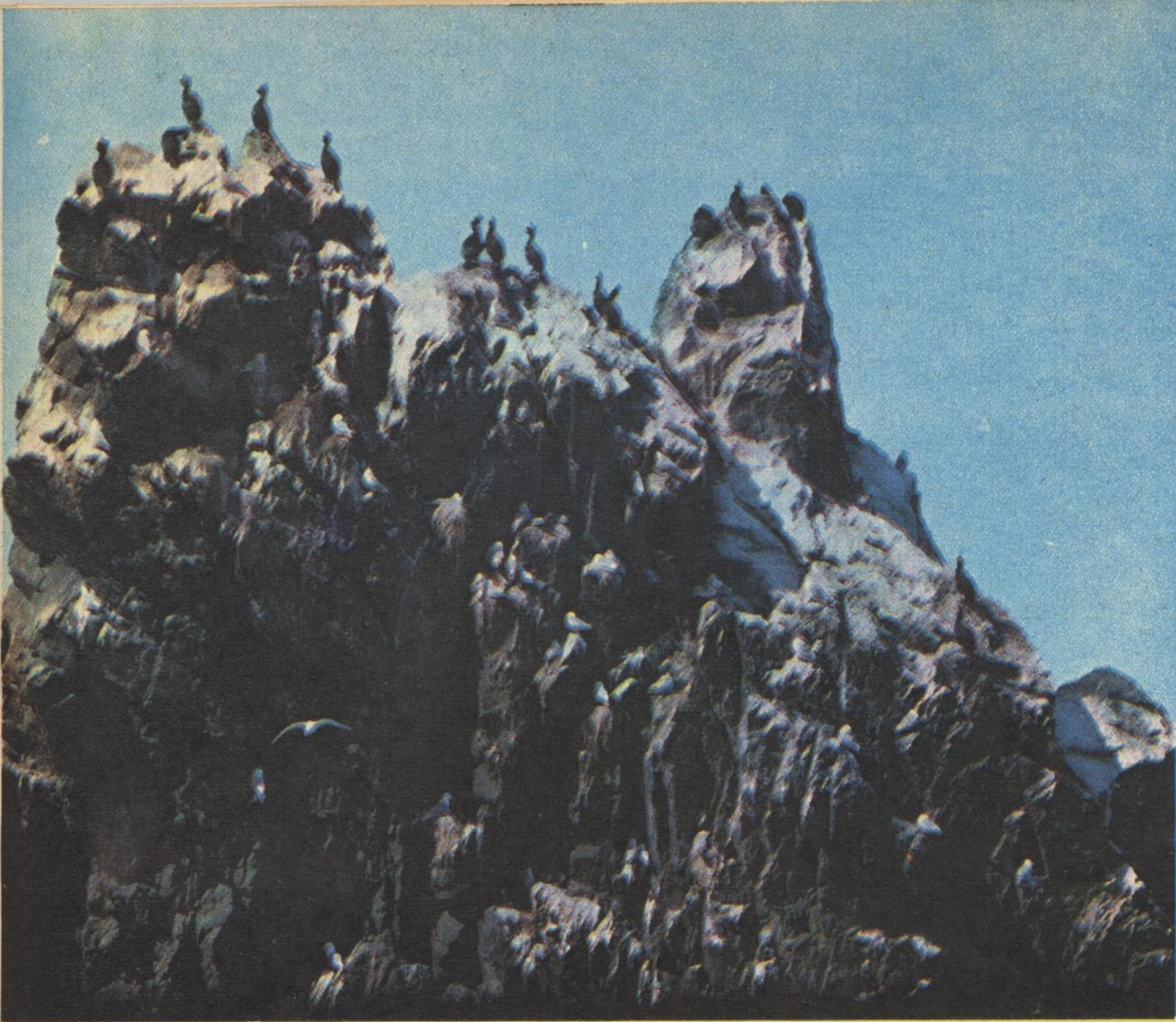
Бывает, что, продумывая сюжет съемки, можно заранее, не спеша найти композицию кадра, проверить освещение, детали, фон, можно даже заранее нарисовать будущий кадр. Здесь этот метод не годится: ситуации меняются мгновенно. Снимаю все подряд. Из сотни кадров удачными могут быть один-

два. Разбираться будем после. Сейчас главное не пропустить сюжет. Вот мамаша приплыла кормить своего малыша, здесь их называют «черненькими», вот подрались два секача, вот песец старается утащить из-под носа чайки лакомый кусочек.

Начинается учет молодняка. Подчас котята сбиваются в такие большие кучи, что определить их число даже приблизительно невозможно. В этих случаях счетчики стараются вытянуть стадо тонкой

Мне не удалось близко подобраться к птичьему базару. Снимал птиц длиннофокусным объективом.

цепочкой. Отчаянно крича, малыши смешно ковыляют на лапах, напоминая младшую детсадовскую группу на прогулке.

Вдруг за спиной слышу сопение и недовольное фырканье... Оборачиваюсь и вижу: оправившись от испуга, из воды вернулся огромный секач и выражает крайнее неудовольствие — большой плоский камень, на котором я так удобно разложил свои аппараты, — его «законное» место!.. Снимаю в упор и поспешно сматываю удочки. Шагах в трех из-за камня поднимается песок. Прошлогодня шерсть на нем висит клоچьями. Почему-то здесь, на островах, их прозвали «ваньками». Песцы бродят по лежбищу и никого не боятся. Если изловчиться, то можно «ваньку» поймать за хвост.

Уже десять дней я на острове, и ни одного лучика солнца. Туман, туман и туман. Порой такой плотный, что в десяти шагах ничего не видно.

По лайде — здесь так называют линию прибойя — не всегда можно пройти даже в момент наибольшего отлива. Есть участки, где вода не отступает от скал. Иногда, вскарабкавшись вверх, их можно миновать, но далеко не всегда это удается.

Ухватившись за уступы, медленно, рассчитывая каждый шаг, про-

бираюсь по карнизу. Хочу сфотографировать птиц. Волны бухают за спиной у самых ног, донося соленые брызги. Покрытые мелкими водорослями, мокрые скалы становятся особенно скользкими. Ничего не стоит рухнуть вниз со всей аппаратурой.

Останавливаюсь перед отвесной стеной. Ближе к птицам не подойти, а хочется снять покрупнее. Ставлю длиннофокусный объектив.

Вот прилетел топорок. Какой красавец! Красный массивный нос, золотые косички, — недаром этих птиц называют морскими попугаями. Стараюсь точнее навести на резкость, диафрагмирую... Не успел нажать на спуск, как мой красавец куда-то спикировал. Какая досада!

Этих немногих мгновений вполне хватило бы охотнику для удач-

ного выстрела, и он держал бы в руках намокший, окровавленный комок перьев — все, что осталось от прекрасной птицы.

Убить животное проще, чем сфотографировать.

*

Белый диск, сперва едва различимый, стремительно поплыл среди облаков и тумана. С каждой минутой становилось все светлее и светлее. И вдруг ослепило чистое солнце! Все преобразилось... Крутые склоны изумрудных хол-

мов, золотой песок и бирюзовый накат, необъятная ширь океана и, как зубы дракона, причудливые скалы.

Мечусь, увешанный камерами. В поисках интересной точки карабкаюсь вверх и вниз по скалам. Извожу пленку катушка за катушкой. День на исходе. Может, завтра повторится «солнечное чудо»? Но небо снова затянуло, пошел дождь. Все, что было снято на цветной пленке, было снято за те самые несколько считанных часов.

Мое время истекло. На рейде покачивается «Елец». Как не хочется уплыть!

Астрид ЛИНДГРЕН

Рисунки П. БАГИНА.

НОВЫЕ. ПОХОЖДЕНИЯ КАРЛСОНА

ПОВЕСТЬ

Продолжение

Малыш в гостях у Карлсона

Таких июньских вечеров, как в Стокгольме, не бывает нигде. Нигде на свете небо не светится этим особым светом, нигде сумерки не бывают такими ясными, такими прозрачными, такими синими, что город и небо, отраженные в блеклых водах залива, кажутся совсем сказочными.

Такие вечера словно специально созданы для празднования дней рождения Карлсона в его домике на крыше. Малыш любовался сменой красок на небе, а Карлсон не обращал на него никакого внимания. Но когда они сидели вот так рядышком на крылечке, уплетали булочки и запивали их соком, Малыш ясно понимал, что этот вечер совсем не похож на другие вечера. А Карлсон так же ясно понимал, что эти булочки совсем не похожи на другие булочки, которые печет мама Малыша.

«И домик Карлсона не похож ни на один домик в мире», — думал Малыш. Нигде нет такой уютной комнаты, и такого крылечка, и такого удивительного вида вокруг, и нигде не собрано вместе столько удивительных и на первый взгляд бессмысленных вещей, как здесь. Карлсон, словно белка, набивал свой домик бог знает чем. Малыш не имел понятия, где Карлсон раздобыл все эти предметы. Большинство своих сокровищ Карлсон развешивал по стенам, чтобы их легко было найти в нужный момент.

Здесь висели, например, две прекрасные картины. Малыш очень любил на них смотреть. Их нарисовал сам Карлсон. На одной в самом углу листа была нарисована крошечная крылатая козявка, и картина называлась «Очень одинокий петух». На другой была изображена лисица, но картина при этом называлась «Портрет моих кроликов».

— Кроликов не видно, потому что они все у лисицы в животе, — пояснил Карлсон.

У Малыша кружилась голова от звуков и запахов летнего вечера. Он ловил аромат

Начало в № 3 журнала «Пионер».

цветущих лип, слышал стук каблуков о плиты тротуара. Вечер был совсем тихий, и каждый шорох из соседних домов доносился удивительно отчетливо — люди болтали, и кричали, и пели, и бранились, и смеялись, и плакали — все вперемежку. И никто из них не знал, что на крыше высокого дома сидит мальчишка и вслушивается в это сплетение звуков, как в самую настоящую музыку.

Вдруг послышались какие-то вопли.

— Слышал? Это мои хулиганы-сороканы, — объяснил Карлсон.

— Кто?.. Кто? Филле и Рулле?

Малыш тоже знал Филле и Рулле. Это были самые отпетые хулиганы и воры во всем Вазастане. Они тащили все, что плохо лежало. Словно сороки. Поэтому Карлсон их звал «хулиганы-сороканы».

Когда Карлсон услышал вопли Филле и Рулле в мансарде, он решил вмешаться:

— Я думаю, сейчас самое время их немного поугуять, — сказал он. — А не то мои хулиганы-сороканы отправятся на охоту за чужими вещами.

И они двинулись по скату крыши к мансарде жуликов. Малыш не предполагал, что можно так ловко прыгать на коротких толстых ногах: угнаться за Карлсоном было просто невозможно, тем более Малышу, который не так уж часто прыгал по крышам.

Окно мансарды Филле и Рулле было открыто, хоть и завешено занавеской. Крик там стоял невообразимый.

— Давай поглядим, чего это они так развеселились, — сказал Карлсон, отодвинул за-

Ба-бах!.. Эхо запрыгало по крышам, словно огромный паук!

навеску и заглянул в комнату. Потом он пустил на свое место Малыша. И Малыш увидел Филле и Рулле. Они расположились прямо на полу, а перед ними была разложена газета.

— Отхватить десять тысяч за здорово живешь, представляешь? — орал Рулле.

Малыш побледнел от страха. Он понял, о чем говорят жулики, но Карлсон только захихикал.

— Я знаю одного парня, которому охота позабавиться, — сказал он и вытащил пистолетик. Выстрел прогремел по крыше.

— Откройте, полиция! — произнес Карлсон строгим голосом.

Рулле и Филле вскочили как ужаленные.

— Нулле, рас нет, — закричал Филле.

Он хотел сказать: «Рулле, нас нет», — но когда он пугался, то всегда путал буквы в словах.

— Ксорее вробгарде! — скомандовал он, и они оба спрятались в гардеробе и притворили за собой створку, словно их и не было вовсе.

— Филле и Рулле нет дома, они просили передать, что их нет, они ушли, — раздался вдруг испуганный голос Филле.

Карлсон и Малыш вернулись и снова уселись на крыльцо, но Малышу уже не было так весело, как прежде: он думал о том, как трудно обеспечить безопасность Карлсона, особенно когда рядом живут такие типы, как Рулле и Филле. А тут еще в доме будут фрекен Бок и дядя Юлиус...

— Послушай, Карлсон, — сказал он, — ты можешь отгадать, кто будет за мной присматривать, когда мама и папа отправятся путешествовать?

— Я думаю, лучший в мире присмотрщик за детьми, — сказал Карлсон.

— Ты кого имеешь в виду, себя?

— Если ты можешь мне указать лучшего присмотрщика, чем я, получишь пять эре.

— Фрекен Бок, — сказал Малыш. Он боялся, что Карлсон рассердится, когда узнает, что мама вызвала фрекен Бок, когда лучший в мире присмотрщик за детьми находился под рукой, но странно, Карлсон, напротив, заметно оживился и просиял.

— Гей, гоп! — вот и все, что он сказал. — Гей, гоп!

— Что ты хочешь сказать этим «гей, гоп»? — с каким-то смутным беспокойством спросил Малыш.

— Когда я говорю «гей, гоп», то я и хочу сказать «гей, гоп», — заверил Карлсон Малыша, но глаза его подозрительно заблестели.

— И дядя Юлиус тоже приедет, — продолжал Малыш. — Ему нужно посоветоваться с доктором и полечиться, потому что по утрам у него немеет тело.

И Малыш рассказал Карлсону, какой тяжелый характер у дяди Юлиуса и что он проживет у них все время, пока мама и папа будут плавать на белом пароходе, а Боссе и Бетан разъедутся на каникулы кто куда.

— Уж не знаю, как все это получится, — с тревогой сказал Малыш.

— Ой, гоп! Они проведут две незабываемые недели, поверь мне,— сказал Карлсон.

— Ты про кого? Про маму и папу или про Боссе и Бетан? — спросил Малыш.

— Про домомучительницу и дядю Юлиуса,— объяснил Карлсон.

Малыш еще больше встревожился, но Карлсон похлопал его по щеке, чтобы ободрить.

— Спокойствие, только спокойствие! Мы с ними поиграем, очень мило поиграем, потому что мы с тобой самые милые в мире... Уж я-то, во всяком случае, точно!..— Он вздохнул.— И бедному дяде Юлиусу не придется лечиться у доктора. Его лечением займусь я.

— Ты? — удивился Малыш.— Да разве ты знаешь, как надо лечить дядю Юлиуса?

— Я не знаю? — возмутился Карлсон.— Обещаю тебе, что он у меня в два счета забегает, как конь... Для этого есть три процедуры.

— Какие такие процедуры? — недоверчиво спросил Малыш.

— Щекотание, разозление и дуракаваляние,— серьезно сказал Карлсон.— Никакого другого лечения не потребуется, ручаюсь! А как, по-твоему, может ли домомучительница тоже страдать онемением тела?

Но, прежде чем Малыш успел ответить, Карлсон, ликуя, поднял руку с пистолетом над головой и выстрелил.

Резкий звук прокатился по крышам и замер. В окрестных домах загудели голоса, то испуганные, то сердитые, а кто-то крикнул, что нужно вызвать полицию. Но Карлсон сидел с невозмутимым видом и жевал последнюю булочку.

Карлсон—первый ученик

В тот вечер, когда мама и папа отправились в путешествие, косой дождь барабанил по стеклам и гудел в водосточных трубах. Ровно за десять минут до их отъезда в квартиру ворвалась фрекен Бок, промокшая до нитки и злая.

— Наконец-то! — прошептала мама.— Наконец-то!

— Я не могла прийти раньше. И в этом виновата Фрида,— хмуро сказала фрекен Бок.

Маме надо было о многом поговорить с нею. Но времени уже не было: у подъезда ждало такси.

— Главное, заботьтесь о мальчике,— сказала мама со слезами на глазах.— Надеюсь, с ним ничего не случится...

— При мне никогда ничего не случается,— заверила фрекен Бок, а папа сказал, что он в этом не сомневается. А потом папа и мама обняли на прощание Малыша, вышли на площадку, и... Малыш остался один с фрекен Бок.

Фрекен Бок очень строга!

Она сидела за кухонным столом, большая, грузная, раздраженная, приглаживала мокрые волосы своими огромными красными руками. Малыш робко посмотрел на нее и попытался улыбнуться, чтобы показать свое дружелюбие. Малышу хотелось с самого начала вести себя с фрекен Бок хорошо, и он вежливо спросил ее:

— Как поживает Фрида?

Фрекен Бок не ответила, она только фыркнула, Фрида была сестрой фрекен Бок. Малыш ее в жизни не видел. Зато много о ней слышал. Даже слишком много. Фрекен Бок, видно, не очень-то ладила с сестрой. Малыш понял, что фрекен Бок была недовольна ею, считала Фридино поведение нескромным и странным. Все началось с того, что Фрида выступила по телевидению с рассказом о привидениях, и фрекен Бок никак не могла с этим примириться. Правда, потом ей тоже удалось выступить по телевидению и рассказать всей Швеции свой рецепт приготовления жаркого. Но все же этого оказалось недостаточно, чтобы подчинить Фриду: та продолжала вести себя нескромно и странно.

— Уж эта мне Фрида! — проговорила домомучительница, когда наконец отфыркалась.— Завела себе жениха, несчастная.

Малыш толком не знал, что на это надо ответить, но что-то надо было обязательно сказать, ведь ему хотелось быть внимательным.

— А у вас, фрекен Бок, тоже есть жених?

Тут он явно сделал промах, потому что фрекен Бок резко встала и так при этом двинула стол, что все на нем задребезжало.

— Слава богу, нет! — сказал она. — Я и не хочу. Не всем же быть такими кокетками, как Фрида.

Она умолкла и с таким усердием стала мыть посуду, что брызги летели во все стороны. Но вдруг она о чем-то вспомнила, с тревогой поглядела на Малыша и спросила:

— Я надеюсь, что тот невоспитанный толстый мальчишка, с которым ты в прошлый раз играл, больше сюда не ходит?

Фрекен Бок никак не могла взять в толк, что Карлсон, который живет на крыше, — красивый, умный, в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил. Она считала, что он ровесник Малыша, его школьный товарищ, самый обыкновенный озорник. Что этот озорник почему-то умеет летать, ее не удивляло. Она думала, что такой моторчик можно купить в игрушечном магазине, были бы только деньги, и все ворчала по поводу того, как теперь балуют детей. «Скоро дело дойдет до того, что дошкольники станут на Луну летать», — говорила она. И вот теперь она вспомнила Карлсона и назвала его «невоспитанный толстый мальчишка»... Малышу это совсем не понравилось.

— Карлсон вовсе не такой толстый... — начал он, но тут как раз раздался звонок у входной двери.

— О, приехал дядя Юлиус, — сказал Малыш и побежал открывать.

Но в дверях стоял вовсе не дядя Юлиус, а Карлсон. Он был мокрый, как гусь, под ногами у него уже натекла лужа, а в глазах был немой упрек.

— Летать бог весть куда только потому, что кто-то не подумал оставить окно открытым, — возмущался он.

— Да ведь ты же сказал, что тебе пора спать! — защищался Малыш, потому что Карлсон и в самом деле это сказал. — Я правда не думал, что ты еще придешь сегодня.

— А ты мог все же не терять надежду, — не унимался Карлсон. — Ты мог бы подумать: а вдруг он все же придет, милый Карлсончик, ой, как это будет хорошо, да, да, вдруг все же придет, потому что захочет встретиться с домомучительницей? Вот что ты мог бы подумать!

— А ты в самом деле захотел с ней встретиться? — испуганно спросил Малыш.

— Гей, гоп! — крикнул Карлсон и засверкал глазами. — Гей, гоп! Еще бы!

— Послушай, Карлсон, — сказал Малыш, стараясь придать своему голосу как можно большую убедительность, — она ведь дума-

— Опять он явился!..

ет, что ты мой товарищ по школе, и, по моему, хорошо бы, чтоб она и дальше так думала.

Карлсон вдруг застыл, а потом в нем что-то заклокотало, как всякий раз, когда он приходил в восторг от новой выдумки.

— Она в самом деле верит, что я хожу в школу? — переспросил он, ликуя. И ринулся на кухню.

Фрекен Бок услышала чьи-то приближающиеся шаги. Она ждала дядю Юлиуса и была немало удивлена, что пожилой господин так стремительно скачет по коридору. Когда же дверь с шумом распахнулась и в кухню ворвался Карлсон, она вскрикнула так громко, словно увидела змею.

— А ты знаешь, кто у нас в классе первый ученик? — спросил Карлсон с порога. — Угадай, кто лучше всех умеет считать, и писать, и... Кто вообще лучше всех?

— Когдаходишь в дом, надо здороваться, — сказала фрекен Бок. — И меня несколько не интересуется, кто у вас первый ученик. Уж, во всяком случае, не ты, это ясно.

— Спасибо за эти слова, — сказал Карлсон и надулся. Со стороны могло показаться, что он думает. — Уж в арифметике-то я, во всяком случае, самый сильный!.. Но это все пустяки, дело житейское, — добавил он и вдруг весело запрыгал по кухне. Он вертелся вокруг фрекен Бок и что-то бормотал, и так постепенно родилось что-то вроде песенки:

Пусть все кругом
Горит огнем,
А мы с тобой споем.

— Не надо, Карлсон, не надо, — пытался унять его Малыш, но без толку.

Ути́, боссé, буссé, бассé.
Биссé, и отдохнем.

Биссé, и отдохнем, — все увлеченней пел

— Гей, гоп! — я говорю. — Гей, гоп!

Карлсон. А когда он дошел до слова «отдохнем», раздался выстрел, а вслед за ним пронзительный крик. Выстрелил Карлсон из своего пистолетика, а закричала фрекен Бок. Малыш сперва подумал, что она упала в обморок, потому что она плюхнулась на стул и долго сидела молча с закрытыми глазами, но когда Карлсон снова запел «боссе, буссе, бассе, биссе, бом, прогул», она открыла глаза и сказала зло:

— Ты у меня сейчас таких боссе и буссе получишь, дрянной мальчишка, что век помнить будешь! Вон отсюда, дрянной мальчишка!

— Во-первых, мне необходимо выяснить одну вещь, — сказал Карлсон. — Не замечала ли ты по утрам онемения тела? А если замечала, то не хочешь ли ты, чтобы я тебя вылечил?

Фрекен Бок обвела кухню диким взглядом в поисках какого-нибудь тяжелого предмета, чтобы швырнуть им в Карлсона, и Карлсон услужливо подбежал к шкафу, вынул оттуда выбивалку для ковров и сунул ее домохозяйнице в руки.

— Гей, гоп! — кричал он, снова бегая по кухне. — Гей, гоп, вот теперь наконец все начнется!

Но фрекен Бок бросила выбивалку в угол. Она еще помнила, каково ей пришлось в прошлый раз, когда она гналась за Карлсоном с такой вот выбивалкой в руке.

Малыш боялся, что все это плохо кончится, и схватил своего друга за шиворот.

— Карлсон, — взмолился он, — прошу тебя, пойдем ко мне в комнату.

Карлсон пошел за ним очень неохотно.

— Прекратить наши упражнения как раз в тот момент, когда мне удалось наконец вдохнуть в нее жизнь, какая глупость! —

ворчал он. — Еще несколько минут, и она стала бы такой же доброй, веселой и игривой, как морской лев, в этом нет сомнений!

Первым долгом Карлсон, как всегда, выкопал персиковую косточку, чтобы посмотреть, насколько она выросла, Малыш тоже подошел, чтобы на нее взглянуть, а оказавшись рядом с Карлсоном, положил ему руку на плечо и только тут заметил, что бедняжка Карлсон промок до нитки, — видно, он долго летал под проливным дождем.

— Неужели ты не мерзнешь? — воскликнул Малыш.

Карлсон, видно, до сих пор не обращал на это внимания, но тут же спохватился.

— Конечно, мерзну, — сказал он. — Но разве это кого-нибудь беспокоит? Разве кто-нибудь пальцем шевельнет, когда лучший друг его приходит промокший до нитки и у него зуб на зуб не попадает от холода? Разве кто-нибудь снимет с него мокрую одежду и наденет красивый, пушистый купальный халат? Разве кто-нибудь, спрашиваю я, побежит на кухню и сварит для него шоколад, и принесет ему побольше плюшек, и силком уложит в постель, и споет ему красивую печальную колыбельную песню, чтобы он скорее заснул?.. Разве кто-нибудь позаботился о

Шоколад и плюшки, плюшки и шоколад!..

друге? — заключил свою тираду Карлсон и с упреком посмотрел на Малыша.

— Нет, никто не позаботился! — произнес Малыш, и голос его прозвучал так, что, казалось, он вот-вот расплечется.

И Малыш со всех ног кинулся делать все то, что, по мнению Карлсона, надо было сделать в этом случае для своего лучшего друга.

Несколько минут спустя Карлсон уже сидел, надев белый купальный халат, в постели Малыша, пил обжигаящий шоколад и с аппетитом ел плюшки, а в ванной комнате были развешаны для просушки его рубашка, штаны, белье, носки и даже башмаки.

— Вот что,— сказал Карлсон,— прекрасную печальную колыбельную можешь не петь, лучше посиди у изголовья моей кровати всю ночь, не смыкая глаз.

— Всю но-очь?

Но Карлсон не успел ответить. В этот момент раздался долгий звонок в дверь. Малыш сообразил, что это может быть только дядя Юлиус, и со всех ног кинулся открывать. Ему очень хотелось встретить дядю Юлиуса одному, он считал, что Карлсон может спокойно полежать это время в постели. Но Карлсон так не считал. Он уже стоял

— Ну, скажи? Кто самый лучший приводильщик в чувство на свете?

за спиной у Малыша, и полы купального халата путались у него в ногах.

Малыш настежь распахнул дверь — на пороге действительно стоял дядя Юлиус. В обеих руках он держал по чемодану.

— Добро пожаловать, дядя Юлиус,— начал Малыш, но окончить ему так и не удалось: раздался оглушительный выстрел, и дядя Юлиус как подкошенный повалился на пол.

— Карлсон! — в отчаянии прошептал Малыш. Как он жалел теперь, что подарил Карлсону этот пистолетик! — Зачем ты это сделал?

— Это был салют! — воскликнул Карлсон. — Когда приезжают почетные гости, ну, всякие там президенты или короли, их всегда встречают салютом.

Малыш чувствовал себя до того несчастным, что готов был заплакать. Бимбо дико залаял, а фрекен Бок, которая тоже прибежала, услышав выстрел, всплеснула руками и принялась охать и причитать над бедным дядей Юлиусом. А он лежал неподвижно на коврик у входной двери, словно поваленная сосна в лесу. Только Карлсон оставался по-прежнему невозмутим.

— Спокойствие, только спокойствие,— сказал он. — Сейчас мы его взбудрим.

Он взял лейку, из которой мама Малыша поливала цветы, и стал поливать дядю Юлиуса. Это действительно помогло, дядя Юлиус медленно открыл глаза.

— Все дождь и дождь,— пробормотал он еще в полузабытьи. Но когда увидел склоненные над ним встревоженные лица, он совсем очнулся. — А что... что, собственно, было? — спросил он в полном недоумении.

— Был дан салют,— объяснил Карлсон,— церемония салюта теперь сочетается с таким вот душем.

Фрекен Бок занялась тем временем дядей Юлиусом: насухо вытерла его полотенцем и повела в комнату, где он будет жить. Оттуда уже доносился ее голос, она объясняла дяде Юлиусу, что этот толстый мальчишка — школьный товарищ Малыша и что всякий раз, когда он приходит, он придумывает бог знает какие дикие шалости.

— Карлсон! — сказал Малыш. — Обещай, что ты никогда больше не будешь устраивать салютов.

— Можете не беспокоиться,— угрюмо буркнул Карлсон. — Приходишь специально для того, чтобы помочь торжественно и празднично встретить гостей, и никто тебя за это не благодарит...

Малыш ему не ответил. Он стоял и слушал, как дядя Юлиус ворчит в своей комнате. И матрац был жесток, и кровать коротка, и одеяло слишком тонкое...

— Он никогда ничем не бывает доволен,— сказал Малыш Карлсону. — Вот разве что самим собой.

— Да? Я его в два счета от этого отучу,— сказал Карлсон,— ты только попроси меня как следует.

Но Малыш попросил Карлсона как следует только об одном: оставить дядю Юлиуса в покое.

— Собаку прочь! Толстого мальчишку прочь!

Час спустя дядя Юлиус уже сидел за столом и уплетал цыпленка, а фрекен Бок, Малыш, Карлсон и Бимбо стояли рядом и глядели на него. «Как король», — подумал Малыш. Им учительница в школе рассказывала, что когда короли едят, вокруг стоят придворные и смотрят на них.

Дядя Юлиус был толстый, и вид у него был очень высокомерный и самодовольный. Наверно, такой, какой и должен быть у старых королей, решил Малыш.

— Собаку прочь! — сказал дядя Юлиус. — Малыш, ты же знаешь, что я терпеть не могу собак.

До сих пор Карлсон не мог оторвать глаз от цыпленка, но после этих слов он перевел взгляд на дядю Юлиуса и долго смотрел на него в глубокой задумчивости.

— Дядя Юлиус, — проговорил наконец Карлсон, — скажи, тебе когда-нибудь кто-нибудь говорил, что ты красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил?

Дядя Юлиус никак не ожидал услышать такой комплимент. Он очень обрадовался, это было ясно, хотя и попытался виду не подавать. Он только скромно улыбнулся и сказал:

— Нет, этого мне никто еще не говорил.

— Не говорил, значит? — задумчиво переспросил Карлсон. — Тогда почему тебе в голову пришла такая нелепая мысль?

— Карлсон, перестань... — сказал Малыш

с упреком. Он считал, что Карлсон и в самом деле ведет себя безобразно. Но тут Карлсон обиделся не на шутку.

— «Карлсон, перестань, Карлсон, перестань, Карлсон, перестань». Только это я от тебя и слышу! — возмутился он. — Почему ты меня все одергиваешь? Я же ничего не делаю плохого.

— Надеюсь, вам вкусно? — спросила фрекен Бок, подвигая дяде Юлиусу блюдо.

Дядя Юлиус впился зубами в цыплячью ножку, а потом сказал с насмешливым видом:

— Да, спасибо! Хотя этому цыпленку уже наверняка сравнялось пять лет. С помощью зубов я это определяю безошибочно.

Фрекен Бок вспыхнула и сморщила лоб от обиды.

— У такого цыпленка вообще нет зубов, — сказала она с горечью.

Дядя Юлиус поглядел на фрекен Бок еще более насмешливо.

— Зато у меня они есть, — сказал он.

— Только не ночью, — уточнил Карлсон. Малыш стал красный как рак. Ведь это он рассказал Карлсону, что, когда дядя Юлиус спит, его зубы лежат в стакане с водой на тумбочке у кровати.

Перевела со шведского
Л. ЛУНГИНА.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

КРАЙ МОЙ СЕВЕРНЫЙ

С. АЛЕКСАНДРОВИЧ

Приехал я в Нарьян-Мар и сразу пошел в школу-интернат с ребятами знакомиться. Мне говорят: «Ребята уехали...»

Они приезжают сюда учиться из разных сел и поселков, из дальних стойбищ, а в каникулы на самолете, на катере, на оленях разъезжаются по домам. Чуть-чуть я опоздал — досадно! И вот в классах и спальнях пусто, парты и кровати в коридорах. Ремонт.

Нарьян-Мар далеко от Москвы, на Севере, за Полярным кругом. Мне бы пораньше туда по-

ехать, да у меня экзамены, я тоже еще учусь, только не в школе, а на факультете журналистики. Путешествие в Нарьян-Мар — первая моя командировка. Неужели так ни с чем и уеду?

Мне посоветовали:

— А вы выставку рисунков посмотрите. Она вам о ребятах лучше другого рассказчика поведает... — И я пошел на выставку. Она

называлась: «Край мой северный».

«Перекочевка оленей» — называется эта картина. Когда я смотрел на бегущие по снегам оленьи упряжки, подумал: «Прямо переселение народов!» Олени съели ягель на полсотни километров вокруг, и вот все стадо движется на новое пастбище. Трудное, должно быть, дело — перекочевка.

Но вот путь окончен. Надо устроиться на новом месте. Поставить чум, развести огонь, сварить еду. А вокруг — снега и небо синее, алое, голубое, лиловое...

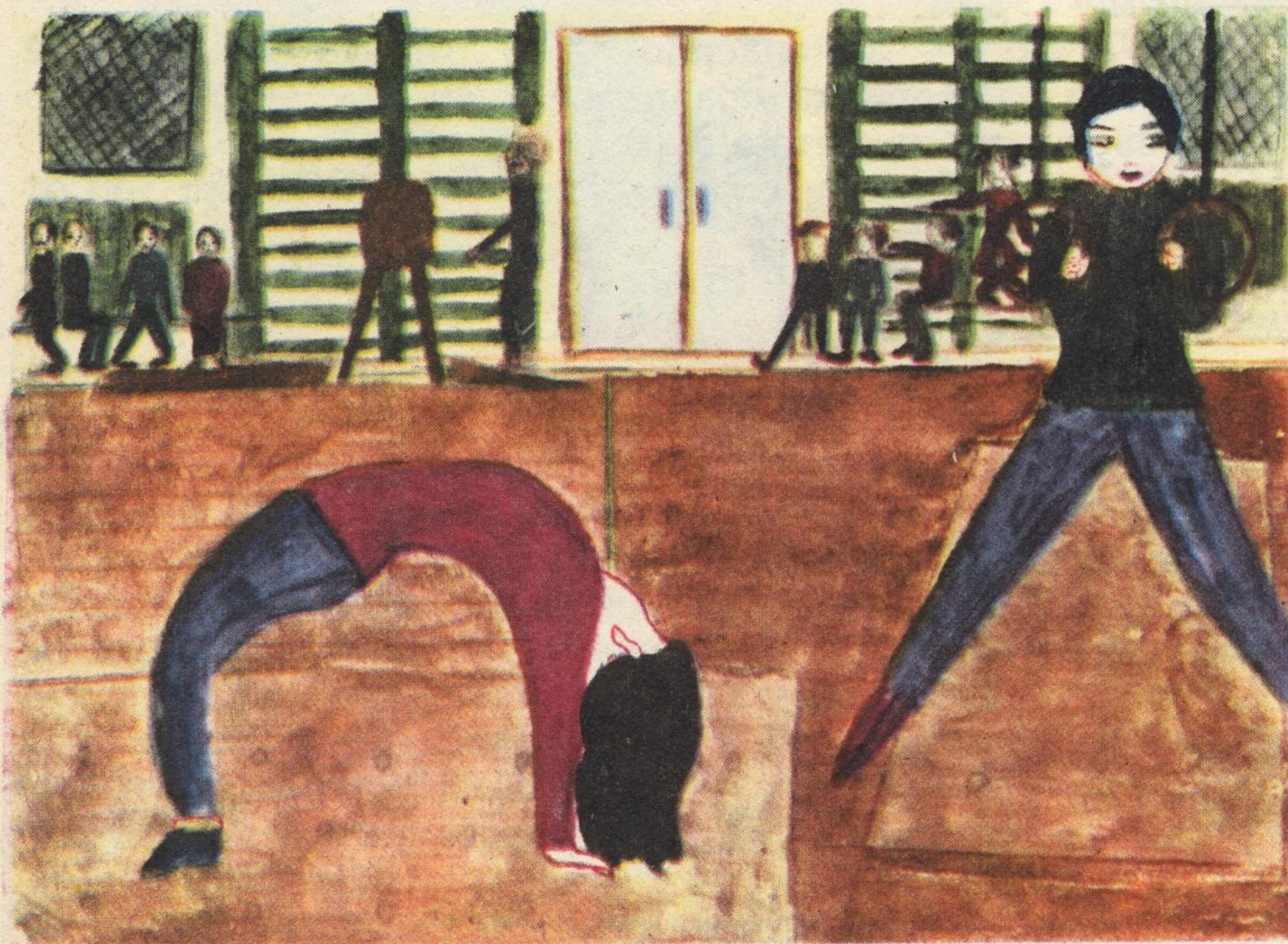
Другая картина — «Строят чум». Домик на лыжах называется болок. Он приходит на смену чуму. Но живут ненцы теперь не в чумах и не в болоках, а в обычных деревянных домах — в селах и поселках. Кочуют с оленьими стадами по тундре только бригады пастухов.

Смена пастухов — событие. «Смена пастухов» назвал автор свою картину. Новую бригаду доставляет на кочевье вертолет. А те, кто закончил смену, на этом же вертолете улетят домой в поселок...

Вот еще один рисунок, который мне понравился, — «В физкультурном зале». Ловкие девочки и трудное упражнение. Говор и смех на минуту стихли...

Я подумал: «Чтобы понять человека, надо узнать то, что он любит. Если уже не придется мне повидать ребят, посмотрю лучше город, где они учатся, съезжу в какой-нибудь поселок».

Нарьян-Мар — городок небольшой, деревянный. Деревянные дома, деревянные тротуары. Идешь — и доски упруго покачиваются под ногами. А по бокам тротуаров — груды зеленого дерна. Его привезли и укладывают вдоль улиц. Так здесь озеленяют город. Если посеять траву, она не вырастет.

Нарьян-Мар стоит на болотах и песках. Болото и песок — сочетание необычное, особенность здешних мест. Когда летишь на самолете, видно: внизу светлая зелень, голубые озера и желтые песчаные плешины.

Нарьян-Мар — город на Печоре. Пришел я на причал, стал читать расписание теплоходов, названия пристаней: Никитцы, Куя, Индига, Нельмин Нос...

Нельмин Нос, странное название! Нельма — это большая, чуть ли не в человеческий рост рыба. А нос вовсе не ее. Нос — значит мыс. Наверное, под тем мысом ловилось много нельмы.

Вот куда я поеду! В этом поселке, мне говорили, живет много интернатских ребят. И председатель совета дружины там живет...

Печора кажется спокойной рекой. Течет вольно, раскинулась в широченном русле. С утра была свинцовой, потом посветлела, засеребрилась, а когда из-за облаков выглянуло солнце, стала разноцветной: в середине синяя-пресиняя — глубоко там, а по бокам — золотые откосы, кудрявая зелень кустарника. Навстречу нам то трудяга лесовоз идет, то почтовый катер, то флотилия рыбацких лодок.

Наконец наш теплоход ткнулся в песчаный берег. Все, приехали: Нельмин Нос — конечная остановка. Дальше по Печоре пассажирского движения нет.

В Нельминоме Носу — центральная усадьба оленеводческого колхоза имени Ивана Павловича Выучейского, ненецкого революционера. Есть в поселке своя электростанция, машинный парк, зооферма, на которой разводят норок.

Я пошел на зооферму. Я знал, что ребята летом там помогают. Пришел в час «процедур». Зоотехник Марфа Алексеевна и практикантка Аня делали зверькам прививки, чтобы не болели. Норки жалобно пищали, а Аня утешала их, приговаривая: «Ничего, потерпите, скоро обед».

И правда, повар Прасковья Ивановна в жарко натопленной кухне проворачивала на огромной мясорубке фарш — готовила «фирменное блюдо». На выставке был такой рисунок — «На зооферме».

У меня с собой был фотоаппарат, я решил сфотографировать ребят. Навел аппарат, а Леша Тале-

ев, я с ним подружился, спрашивает:

— Какая выдержка? Э,— говорит,— такая не годится.

Поспорили мы. Наконец Леша сказал:

— Ладно, щелкай!

Я щелкнул, а когда проявил пленку, она оказалась засвеченной...

Леша рассказал мне, что вернулся из тундры — помогал отцу пасти оленей. Летом он всегда уезжает с отцом на кочевье и работает с ним, пока смена не кончится. Старший Лешин брат, Семен, тоже оленевод.

Леша про оленей интересно рас-

сказывает. Говорит, олени очень грибы любят. Набредут на грибное место, разойдутся в разные стороны, и не оторвешь их от лакомства. Собаки из сил выбиваются, пока соберут стадо.

...Маленькие оленята в большом стаде чувствуют себя неуверенно-беспокойно: боятся потерять мать...

Мне хотелось познакомиться со Светой Лаптандер, председателем совета дружины, но они с сестрой в тундру отправились за морошкой. Потом пришел к ним, они разгуливают по двору в шубах до пят и в теплых оленьих сапожках. Я очень удивился: лето, жара. Оказывается, бабушка привезла им в подарок паницы и тобоки.

Мне очень нравится Элина паница — длинное меховое платье разукрашено цветным сукном и мехом, и орнамент очень красивый.

Девочки рассказали мне, что однажды привезли в интернат любимых кукол. У куклы Тани — нарядная паница и тобоки. Тобоки — это такие высоченные сапоги из оленьей шкуры. Они надеваются на меховые чулки и привязываются к поясу. У куклы Лены — малица и капюшон с бубенчиками. Малицу полагаются носить не девочке, а мальчику, похожа она на мужскую рубашку и надевается через голову. Но куклу назвали Леной. Теперь в городе, в селах и поселках ненцы носят обыкновенные шубы и пальто. Но когда в тундру едут, обязательно надевают меховую одежду: без нее в тундре пропадешь. Паницы и малицы шьют и маленьким ребятам, чтобы в мороз не замерзли. Одежда эта очень теплая.

В интернате куклы Таня и Лена всем понравились — красивые куклы! И захотелось ребятам шить такие красивые, как у них, наряды. Попробовали — не просто, пришлось организовать кружок. Девочки учатся в нем шить кукольные наряды, подбирать меховые узоры, а мальчики делают из меха игрушки.

Теперь работы ребят побывали уже на многих выставках: в Архангельске, в Москве и даже в Монреале. А одного олененка, по имени Олешка, сшитого из меха, ребята послали в журнал «Пионер», и он стоит теперь в редакционном музее.

Растем сильными, смелыми, ловкими

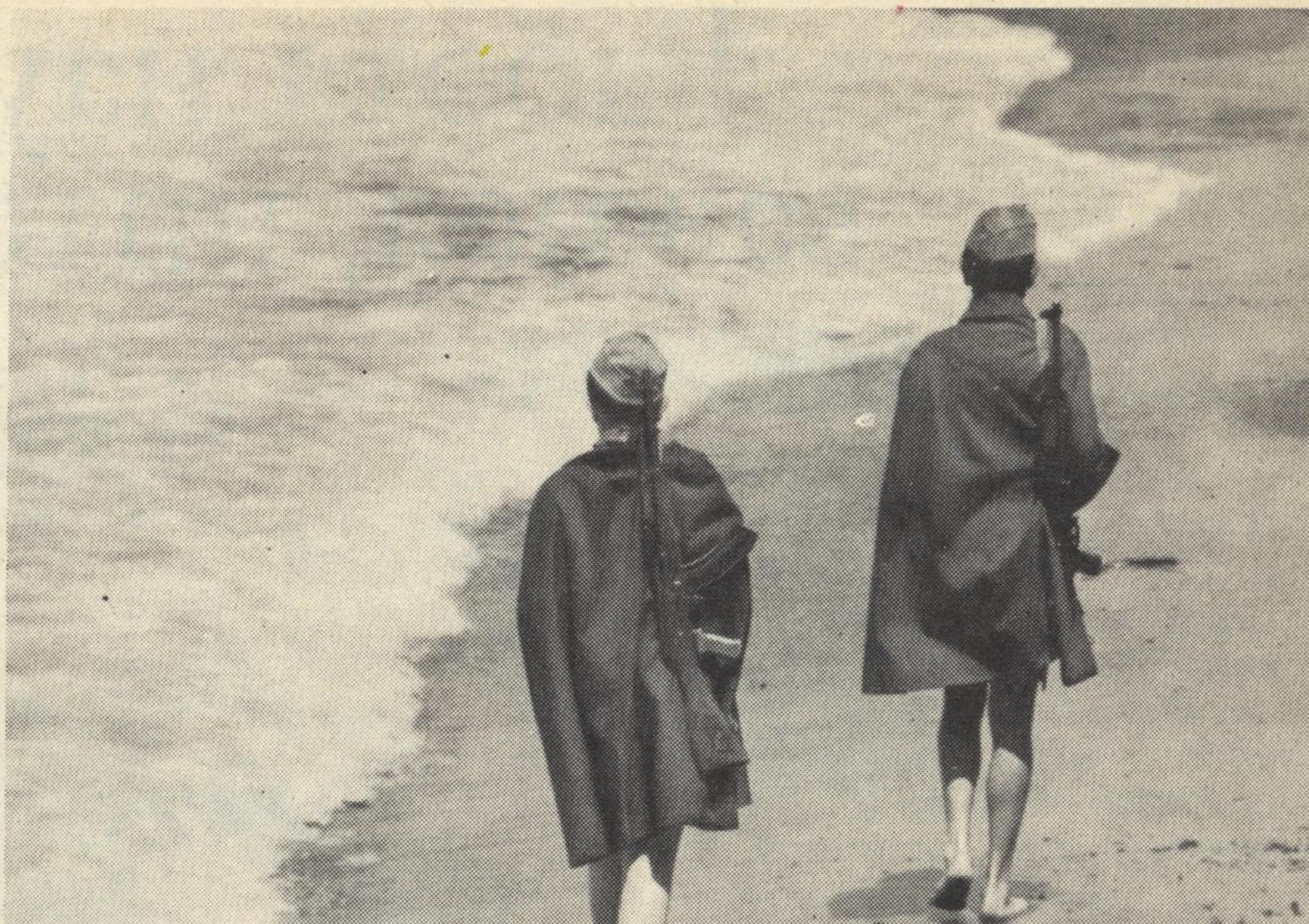
Фотографии В. ПОСТНИКОВА.

По опушке густого тенистого леса тянется полоса взрыхленной земли. Граница.

На посту у пограничного столба стоит Юра Бесоногов. Перевязанный палец — не след ранения. Обыкновенная заноза впиалась вчера Юрке под ноготь. Не было на памяти пограничника Бесоногова горячих и опасных стычек с нарушителями. Но, сказать правду, он знает, да и все кругом знают, — не струсит Юрка, если что.

Он в пограничники пошел, потому что нравятся ему эти сильные, смелые люди, которые умеют слышать неслышимое, видеть невидимое, которые всегда собраны, всегда готовы вступить в бой.

Н-ская застава, о которой мы тебе рассказываем, находится не на границе, но вблизи нее. Застава эта — пионерская. Командиры и

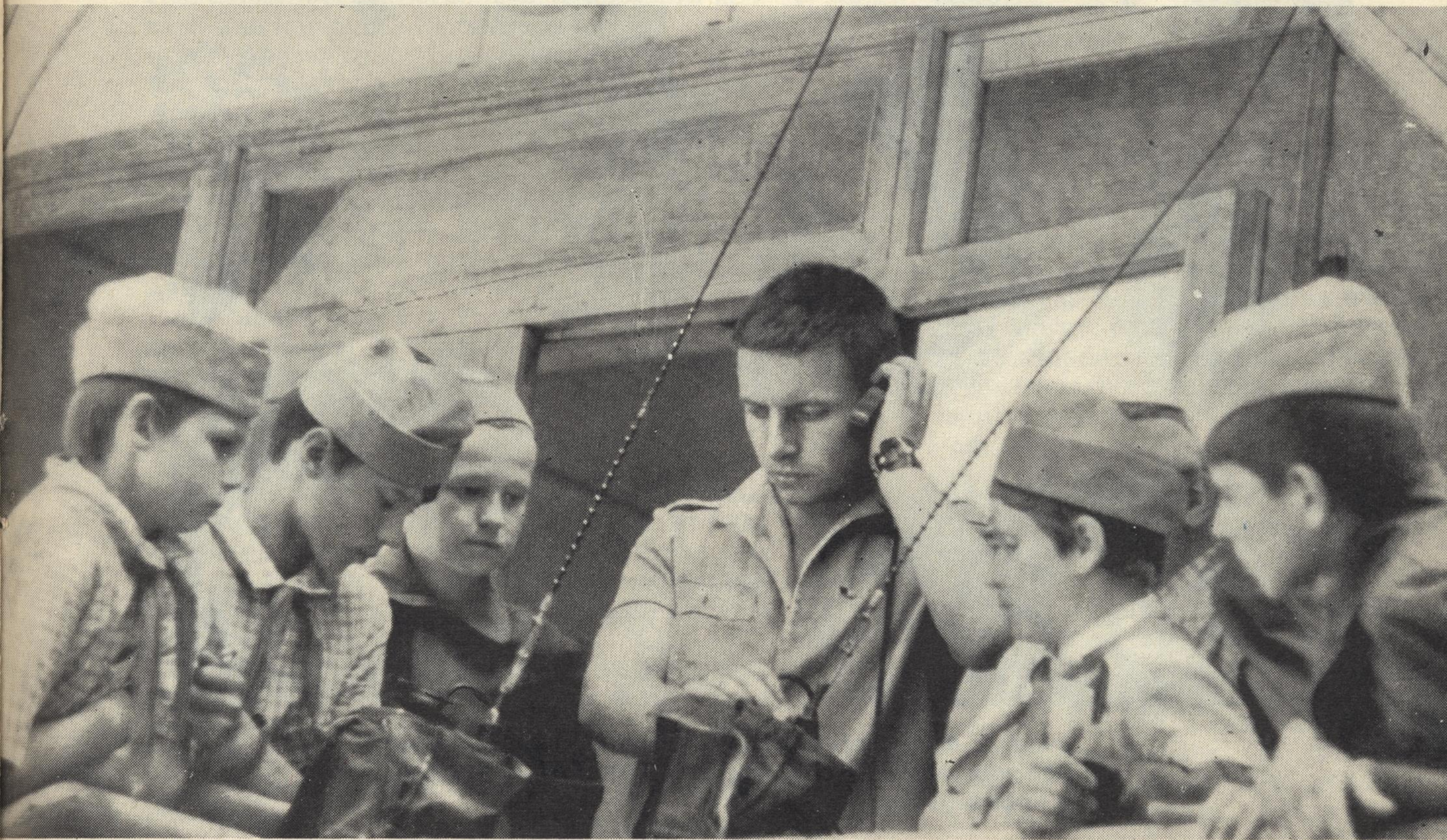

рядовые тут — ребята. Давно они дружили с настоящими пограничниками, учились у них сложным умениям пограничной службы.

А недавно старшие друзья помогли ребятам построить лесную пионерскую заставу, чтобы отряд ЮДП и жил и действовал постоянно! Чтобы режим, и дисциплина, и ответственность—все по-настоящему!

Полевые учения, учебные выходы «на границу», соревнования, а после этой школы — практика. Днем и ночью (да, и ночью тоже!) командиры разводят пионерские караулы. Днем и ночью несут ребята пограничную службу.

Ребята с Н-ской заставы еще не настоящие пограничники. Но они учатся. Выносливости, отваге, стойкости, мужеству. Учатся хорошо.

Работа научная, важная, интересная

«Съезд объявляет шефство комсомольских и пионерских организаций над развитием птицеводства и кролиководства».

Из резолюции XVI съезда ВЛКСМ.

На берегу Ноксы

Недалеко от Казани расположилось село Кошачово. Вокруг долины, холмы — привольно, красиво! В лесах растет земляника слаще садовой. В маленькой речушке Ноксе полно рыбы...

В летние ночи вдоль Ноксы вспыхивают костры, и кошачовские ребята до рассвета сидят с удочками. За ночь ведро науживают. Говорят, что костры они разводят вовсе не потому, что холодно или картошку печь надумали, рыба будто на огонек плывет, только успевай подсекать.

Этим летом рыбы было особенно много. Весной ребята спасали ее от замора: вышли на лед и стали лунки вырубать, чтобы рыба под толстым ледяным покровом не задохнулась.

Над Ноксой, на пригорке, стоит Кошачовский совхоз. Тут, в Кошачове, выращивают норок, песцов и кроликов. И хотя весь поселок за полчаса обойти можно, совхоз сдает государству очень много ценных шкурок, мяса, пуха.

Кроличий дом

Дома стоят вдоль одной широкой улицы. Раньше строили деревянные, а теперь все больше каменные. По этой улице ребята привели меня к фермам.

Длинные деревянные постройки стоят на лугу. Среди них большой кирпичный дом сразу бросается в глаза. Я подумала, там контора или научная лаборатория, оказалось, это новый крольчатник. Все кошачовцы им, разумеется, гордятся. Ребята пригласили меня прежде всего туда.

Света и солнца много, климат искусственный — самый для кроликов благоприятный: температура и летом и зимой не выше 16°. Клетки красивые — серебристые, просторные — выстроились в несколько длинных рядов...

— Видите, дно у клеток сетчатое, — сказала мне Наташа Тунгускова. — Грязь в клетке не задерживается, вся вниз проваливается, и механический скребок ее убирает — кролики чистоту любят, свежую еду и питье.

Над этим красивым кроличьим домом шефствует Наташин отряд, над другими кроличьими домами — другие отряды. Они кормят кроликов, следят за чистотой в клетках, ведут дневник наблюдений: как прибавляют кролики в весе, какая еда им больше нравится... Наташа сказала мне:

— Все считают, что кролики ужасно любят капусту, и мы так думали. А на самом деле много капусты давать им нельзя: будет расстройство желудка. Поить кроликов лучше всего свежей водой и обязательно давать грубую пищу — ветки.

Хорошо кролики растут — твоя заслуга. Что-то не ладится — ты виноват: недоглядел, не так сделал.

Я попросила разрешения подежурить с Наташей. Дали мне тележку с овсом, совок и сказали:

— Везите тележку вдоль клеток и насыпайте овес в кормушки. Там, где крольчиха с крольчатами, — побольше, одному кролику — поменьше.

Поначалу мне показалось — несложная работа. Смотрю, у Наташи в руках совок так и мелькает. И я попробовала.

Одной рукой тележку толкаю, другой насыпаю овес в кормушки. Они к стенкам клетки прикреплены, чтобы кролики их не опрокидывали и не затаптывали корм. То, кажется мне, пересыпала я овса, то — недосыпала. Пока я в несколько кормушек овес засыпала, Наташа уже весь ряд прошла.

И вдруг я увидела: один крольчонок выпал из своей люльки. Кроличья люлька — деревянный ящик, выстланный сеном. Наташа побежала на улицу, притащила хворостинку, и этой хворостинкой легонько подтолкнула младенца обратно в люльку. Крольчиха и не заметила.

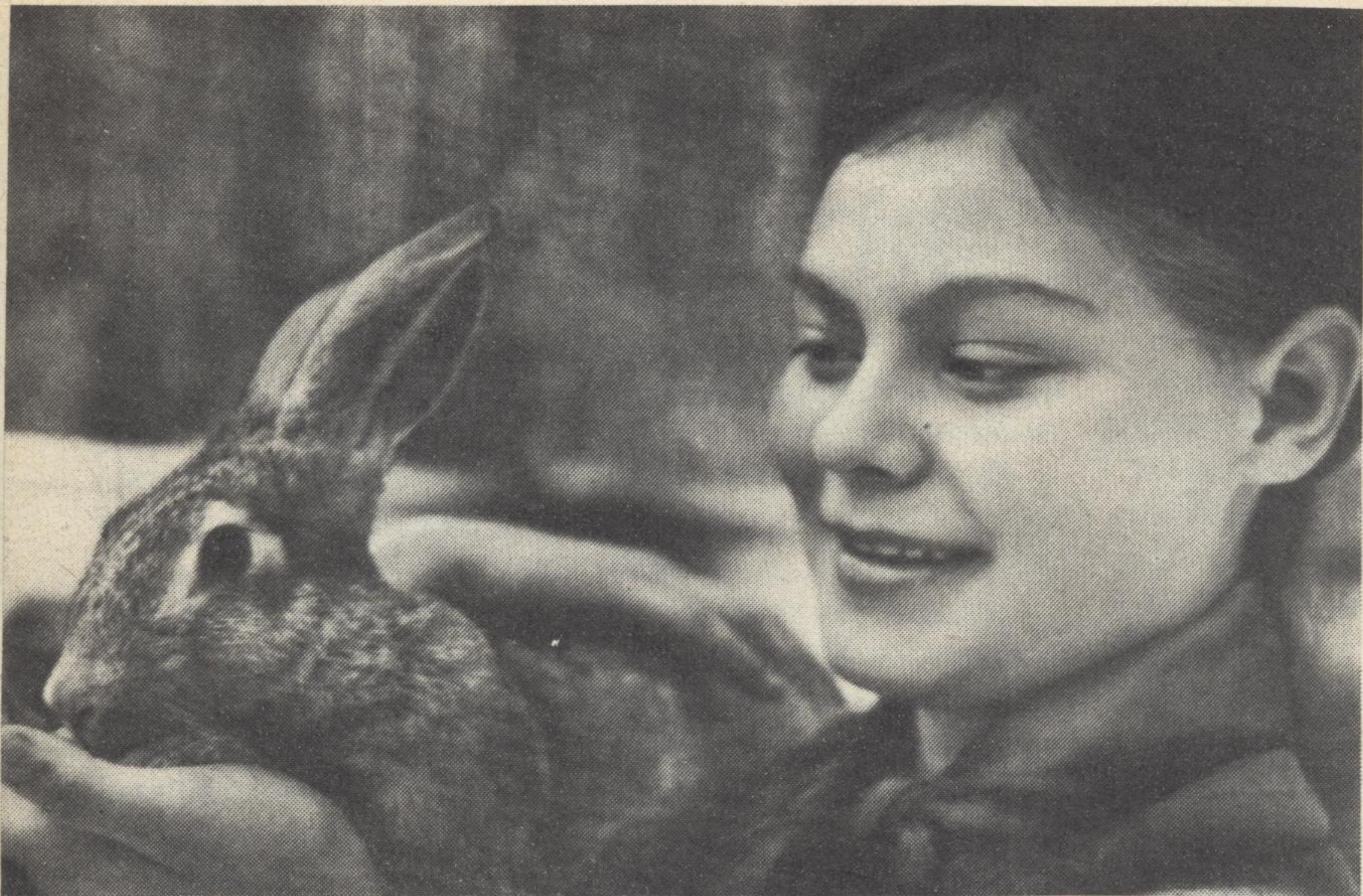
— Крольчихи не позволяют детенышей руками трогать... Прикоснешься к нему, а крольчиха потом от него откажется, бросит, — объяснила Наташа. — Кролик-отец живет отдельно от своей семьи. Кролики дуют своих детенышей.

Потом я узнала, что с маленькими крольчатами интересный опыт провели — брат и сестра Леонтьевы, Вова и Люся. Однажды они заметили, что крольчиха отнесла двоих крольчат в угол и закопала в сене. И они погибли. Сначала ребята ничего понять не могли, испугались даже. Оказалось, крольчихи так поступают, когда чувствуют, что не могут всех крольчат прокормить. Когда во второй раз родились крольчата, Люся и Вова поили крольчиху молоком, и она всех своих детей выкормила. Только кормила их в две смены.

Что сегодня на обед?

Во дворе фермы я познакомилась с ребятами, которые готовили кроликам еду. Сначала я никак не могла понять, что происходит. Стоит большой сарай, оттуда доносится гул мотора. Вошла в сарай, а там — огромный цилиндр с огненным соплом. От цилиндра ветвятся трубы, и по ним какой-то порошок сыплется в бумажные мешки...

Самый любимый.

Потом я разобралась, в чем тут дело. Виллами измельченную траву бросают на движущуюся ленту — транспортер. (В тот раз, когда я приходила, это делали Нина Григорьева и Люба Евстафьева.) Транспортер подает траву в цилиндр, там она сушится и перемалывается, превращается в муку. Мешки наполнялись именно этой сенной мукой.

Ребята хорошо умеют управляться с машиной. На ней и витамины для кроликов готовят: муку смешивают с мясными и рыбными жирами и спрессовывают в таблетки. От этих зеленоватых таблеток кролики растут не по дням, а по часам.

Разговор с директором совхоза

Директор совхоза Нагим Бареевич Валеев сказал мне:

— Без ребят, не знаю, что бы мы делали... Крольчатник наш новый, экспериментальный — они построили... В этом году заготовили пятьсот тонн витаминной муки. За кроликами постоянно ухаживают. И так из года в год: одни вырастают — им на смену другие приходят... Мы вот тут как-то подсчитали, получилось, за год ребята столько кроликов выращивают, что меховых шкурок, пуха и мяса на небольшой город хватит!..

Деньги, которые ребята зарабатывают на ферме, идут на ремонт школы, на покупку учебников, приборов, карт и всего, что школе необходимо. Недавно шестерых выпускников совхоз послал учиться в техникум и институт, платит им стипендию. Вернутся они в совхоз большими специалистами.

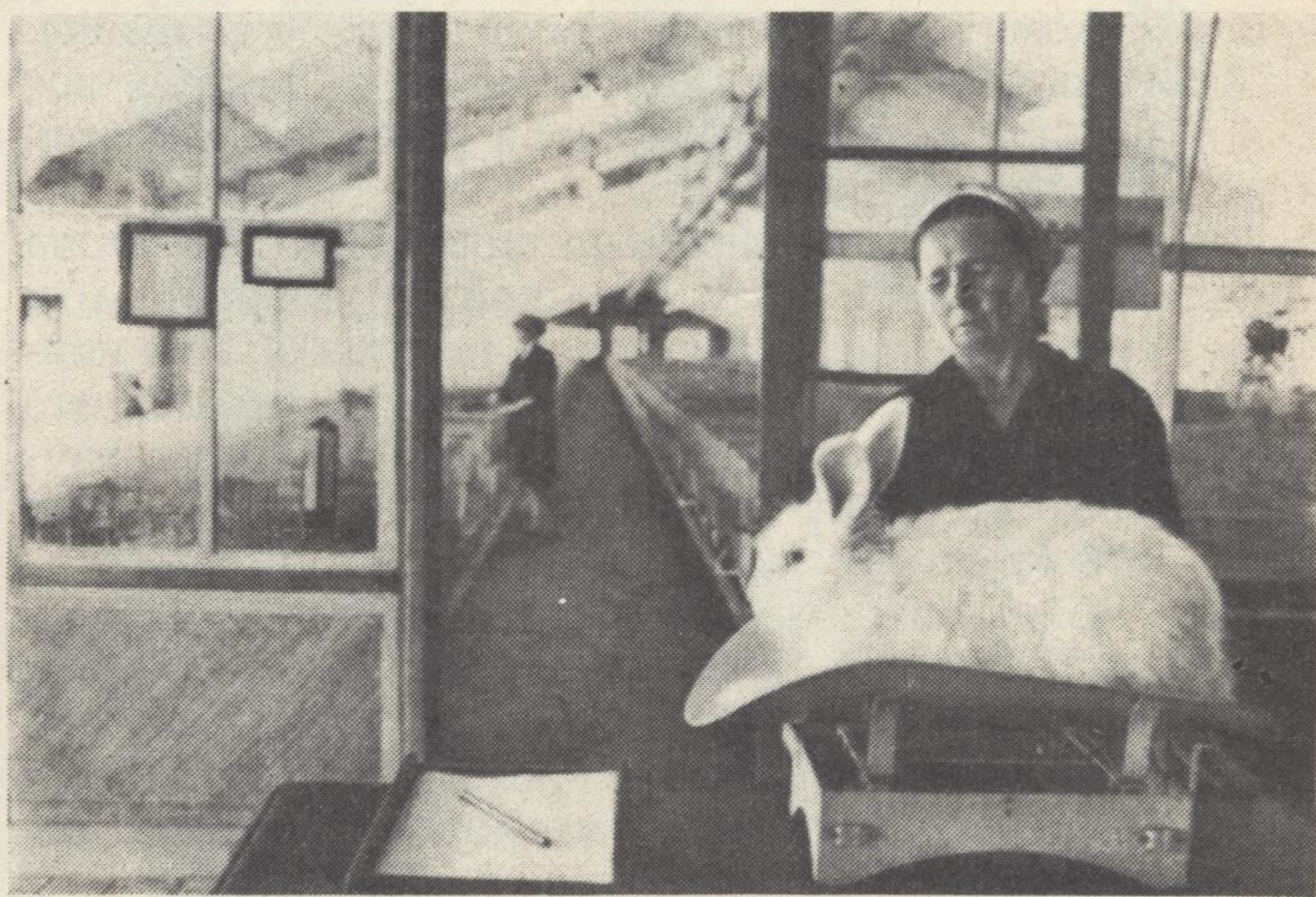
Несколько очень важных советов

В Москве я рассказала о кощаковских ребятах кандидату сельскохозяйственных наук Лидии Федоровне Хлыстовой. Она тоже в детстве занималась кроликами.

Лидия Федоровна вот что сказала:

— Мой путь в науку начался с кроликов. В третьем классе (я жила тогда в городе Шацке, Рязанской области) стала работать в школьном живом уголке. Мы выращивали разные породы кроликов, были участниками ВДНХ. Занималась с нами учительница биологии Зинаида Николаевна Попова.

Кощаковским ребятам здорово повезло. Они работают на экспериментальной ферме, с новым оборудованием. Корма заготавливают на опытной машине. У нас этого не было.

Опять поправился.

Фотографии
В. ПОСТНИКОВА и М. САВИНА

Мне кажется, работают кощаковцы толково и умно. Особый уход требуется за кроликами, когда у них появляются новорожденные. Маточник — ящик с выемкой, чтобы крольчихе легко было в этот ящик влезать, — хорошо поставить за неделю до окрола. Если нет такого ящика, то можно затемнить часть клетки, крольчихе положить подстилку из сена или соломы. Когда появятся крольчата, надо быть очень внимательными. Если крольчат рождается много, они иногда вылезают из маточника, потому что он маловат или потому, что молока не хватает. Крольчиху тогда нужно осторожно удалить из клетки. Ру-

ки вымыть хозяйственным мылом, потереть их о шерсть крольчихи, а крольчонка обернуть пухом из гнезда и сделать это украдкой от крольчихи.

Когда крольчиху пустите в клетку, дайте ей чего-нибудь вкусенького: морковку, пучок молочая или клевера, она их очень любит. Это отвлечет ее внимание от крольчат.

Если у крольчихи не хватает молока, надо давать ей побольше кормовой свеклы. И следить, чтобы не расстроился желудок. Или поступить, как Вова и Люся Леонтьевы, — подпаивать крольчиху коровьим молоком.

Когда крольчата подрастут, не бойтесь выпускать их на траву, только то место, где они будут гулять, огораживайте. Долго держать на солнце крольчат не стоит. На зиму крольчатам надо заготовить сено, кукурузные стебли, зерно, обязательно ветки, ну и, конечно, морковь, свеклу, картофель.

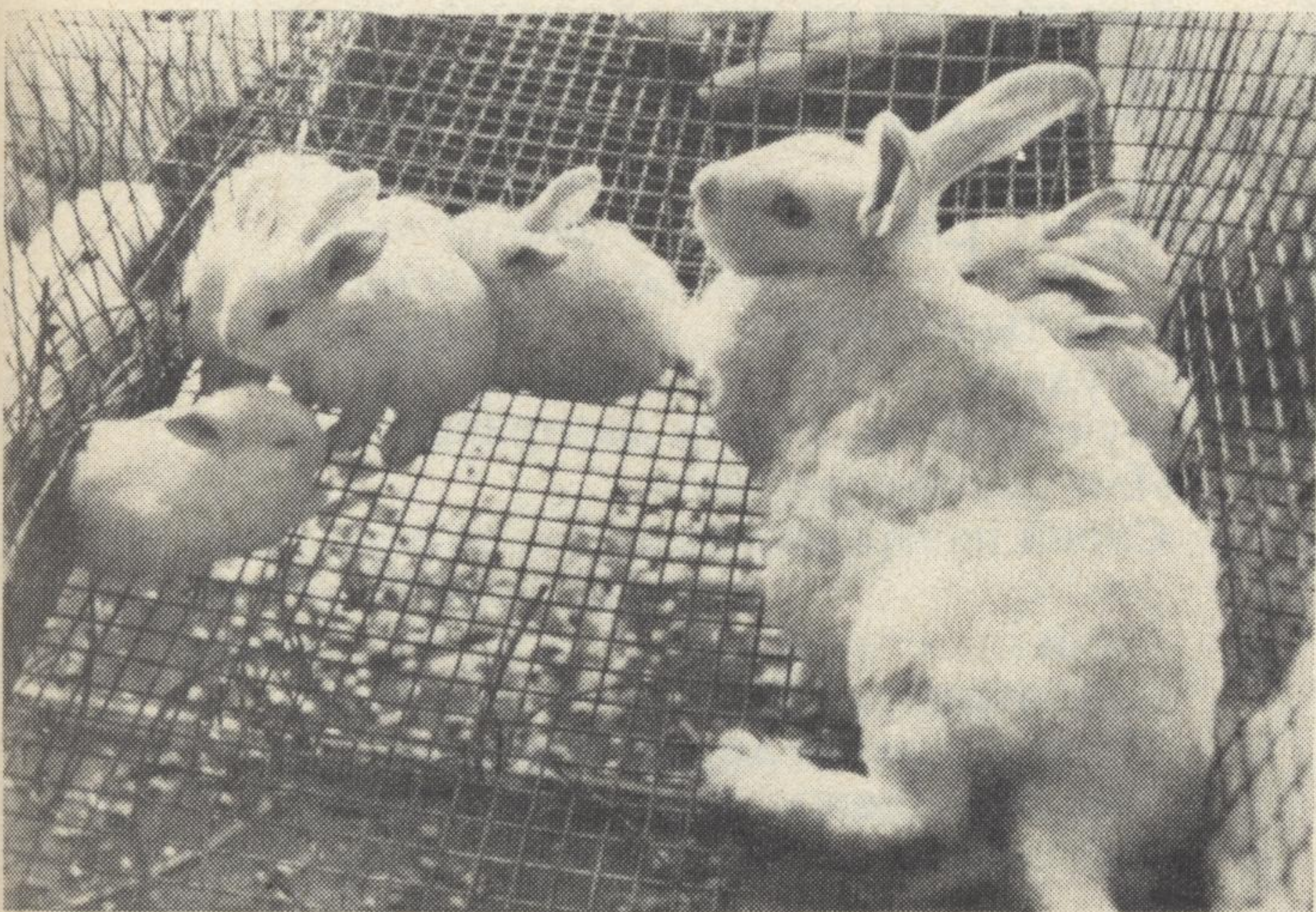
Старайтесь не только кормить и выращивать кроликов, научитесь наблюдать за ними. Попробуйте выработать у кроликов условный рефлекс. Перед кормлением давайте световые и звуковые сигналы. Через некоторое время вы увидите: как только дан знакомый сигнал — кролики уже у кормушек.

Любопытно вести еще такое наблюдение: сколько и каких кормов съедает один кролик. Взвешивайте кролика раз в месяц и обязательно делайте записи в журнале: сколько кролик съел, на сколько прибавил в весе. Вам станет ясно, чем и как лучше кормить кроликов. Может случиться, что кролик растет быстро, но и кормов расходуется много. А может быть так: кормов уходит немного, а растут кролики быстро.

Наблюдайте за чистопородными и помесными кроликами и сравните свои записи. Нам было бы интересно узнать о ваших опытах. Напишите нам.

В письме не забудьте указать, какой породы была крольчиха и какой — кролик-отец, над потомством которых вы наблюдали.

Большое семейство.

ИДЕТ РАЗГОВОР НА БОЛЬШОМ ОБЩЕМ СОВЕТЕ

Смотр бережливости

В нашей области взрослые проводят смотр бережливости. Мы подумали, а что же сделать нам? Пригласили к себе на сбор инженера-экономиста Монастырского. Он рассказал нам, как экономят на предприятии, где он работает, посоветовал, что можем сделать мы.

Мы посчитали, что если бы все школьники страны не разорвали зря по одной тетрадке и не сломали по карандашу, то сэкономили бы миллион рублей. Сейчас у нас в классе нет недописанных тетрадок, испорченных парт, испачканных стен.

6-й класс «Д», школа № 12, г. Выкса,
Горьковская обл.

Перец

Я учусь в школе-интернате в шестом классе. На другой стороне улицы консервный комбинат. Рабочие этого комбината — наши шефы. Они много помогают интернату, и нам захотелось их отблагодарить.

В начале учебного года мы отправились на комбинат чистить перец. Перца всегда привозят очень много, перечистить его до заморозков рабочие не успевают.

Мы соревновались сначала в отряде, потом в дружине. Ребята старались. Работали мы каждый день всего по полтора часа и за это время успевали начистить по шесть или семь ящиков перца. И все-таки до заморозков не успели. В заморозки мы не бросили работу.

Люба Липа, г. Черкассы, УССР.

Вовкин жеребенок

Весь наш класс помогает ухаживать за телятами на ферме. Они маленькие, беспомощные, за ними особенный уход нужен. А Вова Смольков вырастил жеребенка. У этого жеребенка погибла мать. Было трудно выхаживать и выкармливать его, зато теперь он превратился в большого и сильного коня.

7-й класс из школы с. Александровка,
Алтайский край.

Воскресенье — день рабочий

В каникулы и по воскресеньям мы дежурируем в кинотеатре «Россия». У нас свой директор — Юра Мишунин, свой администратор — Горячев Саша, кассиры, контролеры, дежурные. Мы проводим все детские сеансы. Следим, чтобы ребята не очень шумели, не бросали на пол фантики от конфет, не толкались у выхода.

Ребята из школы № 3, г. Электросталь,
Московская обл.

ТВОРЧЕСТВО

Разве это не заметно?
Не кивайте, знаю сам:
Разве мыслимо от ветра
Не раздуться парусам
И волнам над побережьем
В это время не плясать,
И ветвям под ветром свежим
Всей листвой не потрясать?
Это глупо, безрассудно!
И, конечно, столь же трудно,
Как под ветром парусине
Неподвижно повисать,—
Так всего невыносимей
Кисть не взять, не набросать:
Трепет листьев на осине,
Белый лайнер в небе синем,
Шелест птиц над головами—
Словом, все,
Чего словами
Не берешься
Описать.

ГЛАЗА ЮНЦОВ

Глаза юнцов —
Ворота космоса:
В одних — звездвороты космоса,
В других — как бы пустоты космоса.
И где ни глянь — в палатах каменных,
Но то же самое и в избах:
Одни в мечтах витают пламенных,
Другие тонут в слезных брызгах.
И некоторые на экзаменах
По математике проваливаются,
Кто срежется и по истории,
Но снова держат, не печалются.
И все же вижу в каждом взоре я,
Кому какие зори брезжутся.
Глаза юнцов —
Ворота космоса:
В одних еще пустоты космоса,
Другим как будто сразу ясно все
От Демокрита и до Асмуса¹.

ФАРФОР

Чего ты плачешь?
Неудачи ли
Мучительны, как их ни прячь?
Или удачи озадачили
Своей невзрачностью?
Не плачь!

Один простак,
Сидевший голодом,
Известен тем и до сих пор,
Что, безнадежно бредя золотом,
Из глины выявил —
фарфор!

¹ Демокрит — древнегреческий философ.
В. Ф. Асмус — советский философ, наш современник.

ПОЗДНИЙ ВЕТЕР

Рисунки
Б. ПОЛЯНСКОГО.

Еще
Глаза слипаются,
Вздремнуть еще не грех...
 А ветер просыпается,
 Пожалуй, позже всех.
Но днем он в зное прячется,
Скрывается, пока
Точней не обозначатся
Под вечер облака,
И лишь тогда бросается
На них во всю он мощь,
И сумрак потрясается
От молний через дождь,
На птице пух вздымается
И на лисице мех.
 Тот ветер унимается,
 Пожалуй, позже всех!

* * *

На одном
Конце Москвы
Дождик, слякоть, прелый лист.
На другом
Конце Москвы
Белый снег и вьюжный свист.
И хоть что ты ни надень,
Но похоже, что сейчас
Здесь в один и тот же день
И в один и тот же час
Будто целые века
Совмещаются едва.
Вот насколько велика
Современная Москва!

БОРЬБА

Девчонку
Я вел за ручонку.
 Девчонка,
 Подобно волчонку,
 Была только с виду слаба.
У нас завязалась борьба.
 Упорным я был человеком:
 Водил по библиотекам
 Девчонку, где книжек
 полно.

Девчонка упорно молчала,
Как будто не замечала
Всего, что познать суждено.
 Идем же, идем же скорее!
 В художественные галереи
 Ввести тебя надо давно!
Молчала она все равно.
 Ее увлекало кино.

ПОД МУЗЫКАЛЬНЫМ ДЕРЕВОМ

1.

Аркадий КЛЕНОВ

Почему весь оркестр настраивает свои инструменты по звуку «ля», который дает гобой, а не труба или кларнет?

Что такое абсолютный слух?

Кто придумал нотную запись?

Почему скрипок в симфоническом оркестре много, а гитары нет ни одной?

Каким образом музыканты умудряются, глядя в ноты, одновременно видеть и руки дирижера?

А зачем?..

А для чего?..

И кто?..

И как?..

И когда?..

Рисунки
Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Одна наивная девица из чеховского рассказа полагала, что творог добывают из вареников. Не станешь же ты уподобляться ей и утверждать, что музыку «добывают» из радиоприемников и магнитофонов. Так как же все-таки ответить на самое основное «почему?» — почему человек стал музыкантом?

Я задал этот вопрос одному весьма молодому человеку. Он сказал: «Однажды, давным-давно, человек случайно запел. Получилась музыка».

В общем, мне этот ответ понравился, настояжало одно слово. Слово «случайно». И потому я решил начать наш разговор с беседы
О СЛУЧАЙНОСТИ.

Предание гласит, что Исаак Ньютон отдыхал под деревом, когда на него упало яблоко. Чем кончилось это незначительное событие, знает каждый школьник. Придя в себя от испуга, Исаак Ньютон открыл закон всемирного тяготения, который вполне научно объяснил многие явления. Просто страшно подумать, что было бы с этими явлениями, если бы великий ученый сел в тот исторический день не под яблоней, а под тополем или кленом.

А Вильгельм Рентген случайно забыл выключить газовую установку, вернулся и обнаружил в темноте свечение кристаллов под влиянием таинственных лучей. А если бы дело произошло днем, и он не увидел свечения кристаллов? Неужели рентгеновские лучи так и остались бы в неизвестности?

Ох уж эти случайности!

Случайно первобытный человек запел. Случайно обнаружил, что если подуть в обломок тростника, получится свист, и открыл миру флейту... А вот охотник натягивает тетиву на древко лука, упирает его одним концом в ствол сухого дерева. Проверяет натяжение тетивы — и чудо! Она не только сама запела, но и заставила петь сухое дерево. Это она передала ему свои колебания. Так случайно был открыт первый в мире **резонатор**, звуковой ящик, который теперь есть у всех струнных музыкальных инструментов.

Случайности, случайности... Но вот что странно: на кого только не падали яблоки! Кто не страдал забывчивостью! А открытия делают единицы из тысяч.

А другие первобытные охотники? Им, что же, никогда не приходилось натягивать тетиву? Или они не слышали, как свистит ветер в обломанном стебле тростника?

СМОТРЕТЬ И ВИДЕТЬ —

это совсем не одно и то же. Между двумя этими словами большая разница. «Вдруг» может произойти с каждым. Но тот человек, который ищет, который все время думает о предмете своего увлечения, как бы настроен на случай.

— А какое отношение к музыке имеет весь этот разговор? — спросишь ты.

Самое прямое. Музыку создали люди. И мне не хотелось бы, чтобы между словом **случай** и словом **открытие** ставили знак равенства. **Открытие** — это случай плюс многое другое:

размышления, труд, борьба... Человек достаточно поработал на случай, прежде чем случай стал работать на него.

Ну, а теперь, когда мы определили роль случая, мы можем по примеру Ньютона смело усестись под деревом. Авось, и на нас что-нибудь свалится. А уж за нами дело не станет: мы непременно сделаем открытие, если не для всего человечества, то для себя. Ведь мы настроены на музыкальную волну, а дерево, под которым мы уселись, не простое.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ДЕРЕВО

чем-то напоминает чудо-дерево из стихотворения Корнея Чуковского. Только растут на нем не «туфельки, сапожки, новые калошки», а музыкальные плоды. Но для того, чтобы понять, как эти чудеса уродились, нужно знать, что за корни у этого дерева, какие соки его питают: когда-то это дерево было малым семечком. И было это, ой-ой-ой, сколько тысяч лет назад.

Вот она, картинка, которая нам нужна. Сам понимаешь, несколько десятков тысяч лет тому назад с фотографией было туговато, поэтому за документальность изображения поручиться трудно. Однако попытаемся выяснить, что делают эти два не совсем одетых гражданина с низкими лбами и длинноватыми руками.

— Похоже, они разговаривают, — скажешь ты.

Ошибаешься. Гортань этих чрезвычайно древних и диких людей устроена таким образом, что они не могут произнести даже слово «мама».

И все же это беседа.

Беседа без слов?

Не так давно мне пришлось научить примерно такой беседе двух ребят. И они с этой беседой выступали по телевидению. Выступали они в передаче «Английский язык — детям» и беседу вели... на скрипках. Один что-то спрашивал, а другой отвечал. Мелодии, которые они играли, в точности повторяли интонации вопросов и ответов. А сделано это было для наглядности, чтобы телезрители лучше усвоили интонации чужого языка. И, должен тебе сказать, беседа получилась довольно яркая.

«Войну и мир», конечно, подобным языком не перескажешь. Но первобытному человеку и не нужно было более двух-трех десятков слов-напевов, чтобы сообщить: «иду на охоту», «близко зверь», «все спокойно», «берегись!».

Интонация человеческого голоса — вот семечко, из которого выросло огромное музыкальное дерево. И ты уже, наверное, догадался, что

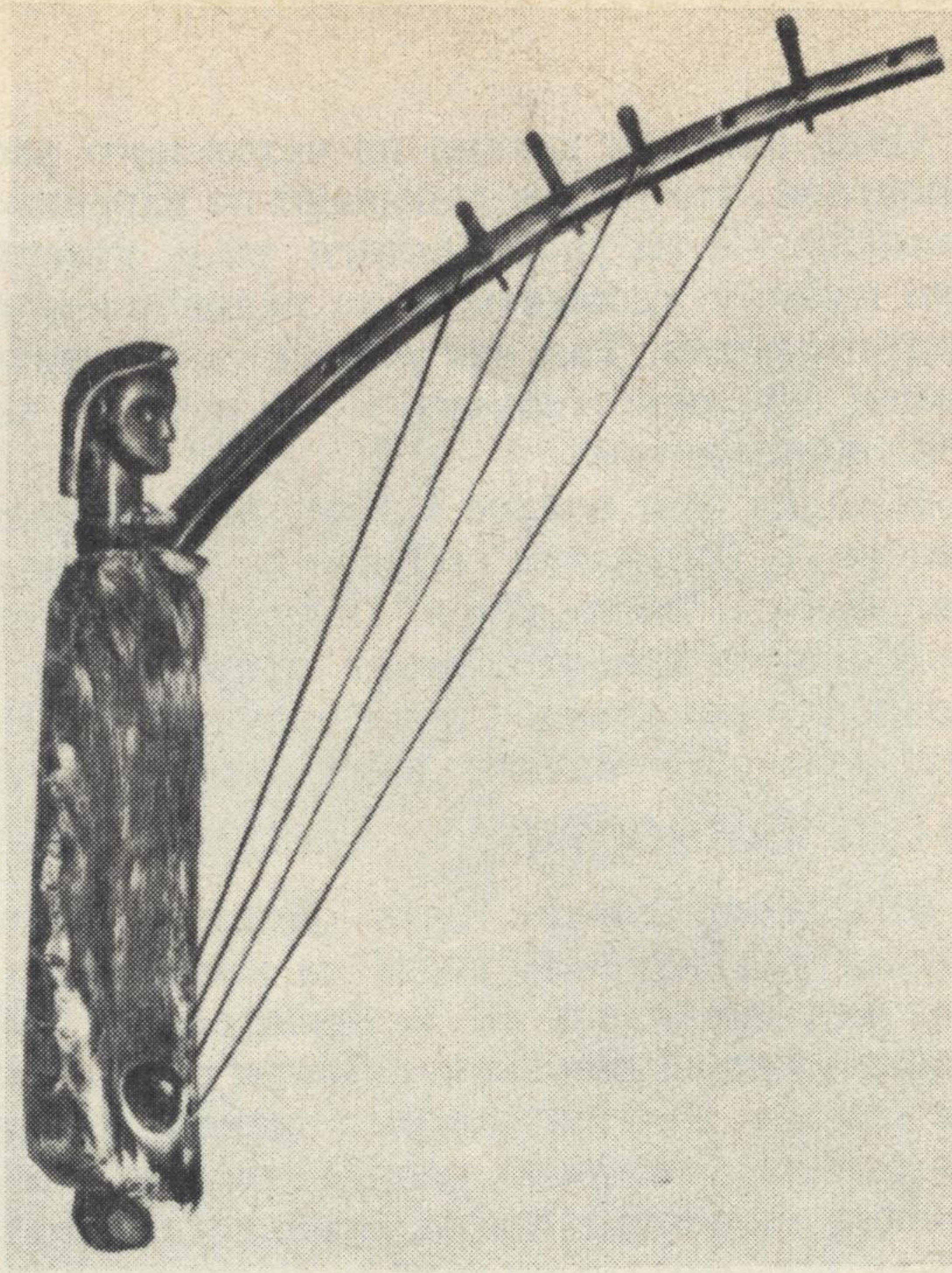
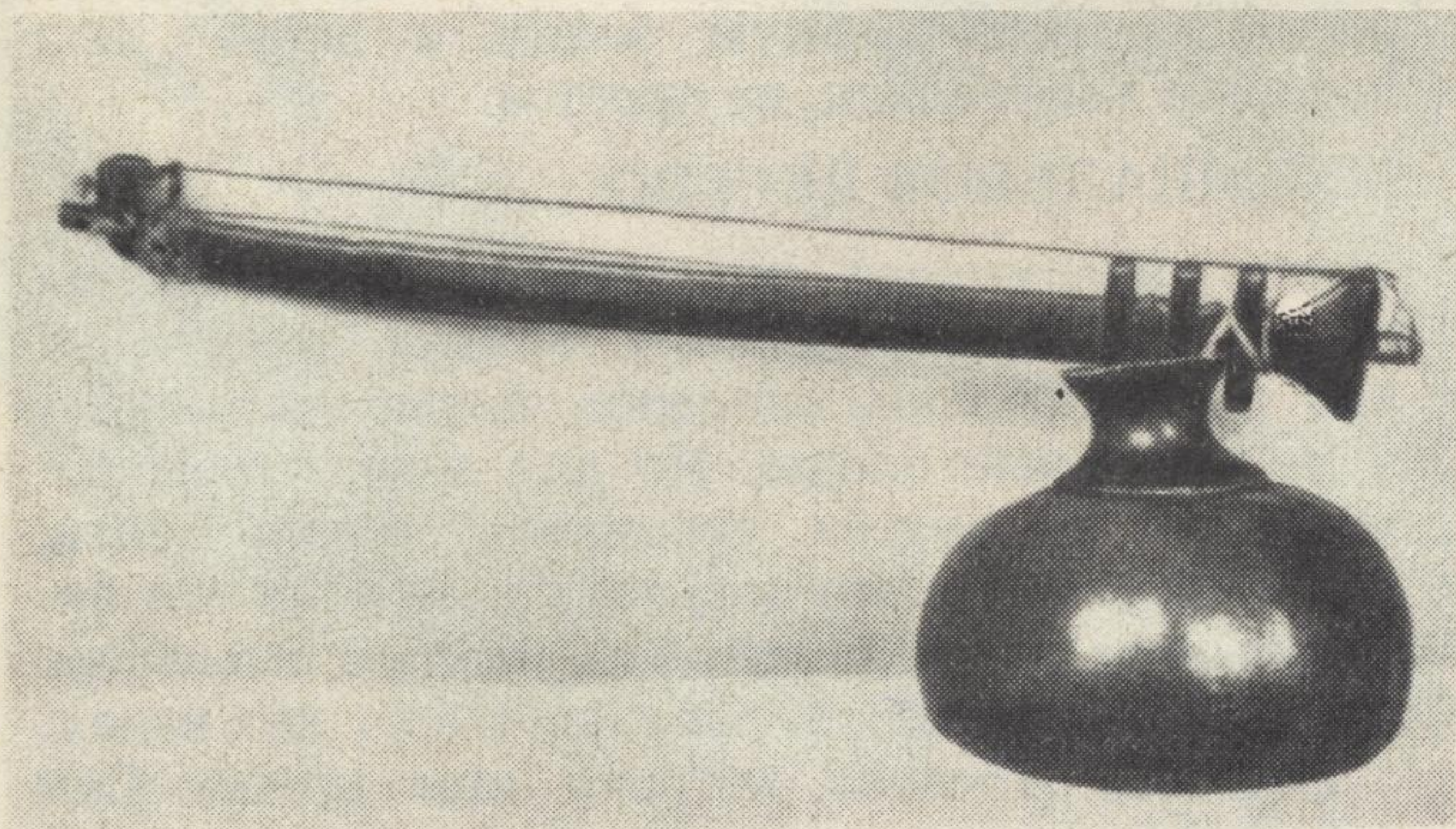
ПЕРВЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ —

простой человеческий голос. Со временем человек научился произносить слова, но роль интонации ничуть не упала. Одно и то же слово можно произнести так, что оно будет звучать как ласка или как оскорбление.

Почему же так важна интонация? Да потому, что она обладает удивительным свойством передавать чувства человека. Потому она стала основой музыкального языка.

*Еще похоже на лук,
но, пожалуй, на арфу больше.*

*Не правда ли,
этот музыкальный инструмент
по форме недалеко ушел от лука?*

Посмотри на этого колдуна. Ты, наверное, будешь удивлен, если я скажу тебе, что он и ему подобные завоевали популярность у сородичей благодаря музыкальной одаренности.

Этот колдун обладает искусством выразительной интонации. Он не поет в нынешнем понимании этого слова, но голос его то повышается, то понижается. Колдун то вкрадчиво выпевает слова, то буквально выстреливает их на высокой ноте. А окружающие повторяют за ним все это звук в звук.

Поет он, скажем, такое:

Меть ему в лоб,
Меть ему в грудь,
Меть ему в сердце,
Меть в него, меть в него...
Сломай ему ребра,
Сломай ему шею.
Ого! Ого! Ого!

И подобрал он такие интонации, что у воинов, повторяющих за ним напев, уже налились кровью глаза, все мускулы напряглись. Как тут не поверить в чудодейство колдуна! А на самом деле этот заряд чувств создала музыка.

Итак, природа дала человеку способность интонировать, но речь человека никогда не вылилась бы в пение, в музыку, если бы природа не наградила человека еще одним удивительным умением — музыкально слушать.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ СЛУХ,

я убежден, есть у всех людей. Если окружающие морщатся, когда ты поешь, или если ты не улавливаешь разницу между двумя похожими мелодиями, не спеши признать себя «бесслухим». Просто твой слух мало тренирован.

Скептики сваливают все на неосторожного медведя, который наступил некоторым людям

на ухо. Но обвинения, предъявляемые косолапому, нужно решительно отвергнуть. Даже если бы он кому и наступил на ухо, ничего в музыкальных способностях человека это не изменило бы.

УЛИТКА В ЛАБИРИНТЕ

запрятана очень глубоко, вот что я тебе скажу.

Твое воображение уже нарисовало запутанные коридоры, в таинственном полумраке которых ползает медлительное существо. А если я прибавлю, что эта улитка напоминает арфу, ты и вовсе будешь сбит с толку.

Сейчас все объяснится. Улитка прячется в глубине человеческого уха, именуемой лабиринтом. А арфу она напоминает вот чем. Если рядом с арфой ты громко споешь какую-нибудь ноту, тебе ответят своими голосами ее струны. Звонче всех ответит та струна, которая настроена на спетую тобой ноту. Нечто подобное происходит и с улиткой, которая состоит из волокон разной длины. Волокна и выполняют роль струн. Они откликаются на музыкальный звук той или иной высоты, отсылая соответствующий сигнал в человеческий мозг.

Благодаря этой улитке ты можешь получить ответ на одно

ИНТЕРЕСНОЕ «ПОЧЕМУ?».

Ты, наверное, знаешь отличие музыкального звука от немзыкального. Музыкальный звук, попросту говоря, «поет». А поет он потому, что струна или какое-нибудь упругое тело (иногда столб воздуха в трубке — воздушная «струна») колеблется с постоянной скоростью. Так вот, если струна или тело колеблется со скоростью шестнадцать колебаний в секунду, мы слышим самый низкий звук, какой способно уловить на-

Одиннадцать струн — значит древнеегипетская арфистка могла исполнять довольно затейливые мелодии. Как далеко ушла арфа от своего предка — лука!

ше ухо. А если со скоростью двадцать тысяч колебаний в секунду — мы слышим самый высокий звук, какой способен слышать человек. Этот звук — тончайший свист, писк.

Мы бы слышали и более высокие звуки, если бы в нашей улитке было волокон-струн больше, чем двадцать тысяч. Да, это не совпадение. Каждое волоконце-струна соответствует звуку определенной высоты. И потому мы не можем услышать звук свыше двадцати тысяч колебаний в секунду, что наша улитка не имеет так высоко настроенных «струн».

Впрочем, музыка пишется в более узком **диапазоне звуков**: примерно от тридцати до трех тысяч колебаний. Почему? Да потому, что между этими пределами держится человеческий голос. Самая низкая нота, какую удавалось брать певцам, — сорок четыре колебания в секунду, а самая высокая — две тысячи триста. Испокон веков ведется, что музыкальные инструменты следовали и подражали пению человеческого голоса.

Итак, человек умеет музыкально слышать и музыкально интонировать. Но и этого было бы мало для того, чтобы он стал музыкантом. Есть у человека еще один талант —

МУЗЫКАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ.

Если бы ее не было, композиторы не смогли бы сочинить ни одной мелодии. Представь себе, что ты должен произнести слово «ви-о-лончель»... Ты произнес первые два слога и забыл их. А стоило тебе их забыть, как ты сразу растерялся: что говорить дальше?

Так же и с мелодией. Чтобы воспроизвести какую-нибудь мелодию, необходимо держать в памяти все предыдущие звуки. Без музыкальной памяти ты бы и песню не спел и музыку знакомую не узнал бы. Кстати, что касается

последнего, то это имело бы довольно любопытные последствия. Ты получал бы от музыки значительно меньше удовольствия. Ученые утверждают, что человек, слушая музыку, как бы превосхищает ее, угадывает продолжение мелодии. И если эти ожидания оправдываются, он испытывает удовольствие. Происходит это, конечно, бессознательно, и, разумеется, не самое большое удовольствие предугадать в знакомой или в незнакомой мелодии продолжение или конец. Но видишь, каким неожиданным путем природа предлагает тебе слушать побольше музыки и тренировать таким образом свою память.

Одним из замечательных проявлений музыкальной памяти является

АБСОЛЮТНЫЙ СЛУХ.

В комнату влетела мушка. Она пронзительно жужжит и бьется о стекло. Один из присутствующих внезапно говорит: «Эта мушка делает четыреста сорок взмахов крылом в секунду».

Ты, наверно, решил, что у этого человека удивительное зрение, если он успел разглядеть и подсчитать взмахи мушиного крыла. А на самом деле у него прекрасный слух. Он услышал, что мушка жужжит звуком «ля» первой **октавы**, тем самым звуком, по которому настраивают свои инструменты все музыканты мира. Любой из них знает, что «ля» первой октавы — четыреста сорок колебаний в секунду.

Удивительно другое: как наш знакомый, услышав звук, с уверенностью мог сказать, что это звучит нота «ля», а не «си» или «до»? Неужели он помнит высоту каждого звука? Да, помнит. Вот за стеной зазвучала гитара, и он назовет вам все ноты. А если вы в любой момент спросите его, как звучит любая из нот, он тут же вам споет.

*О чем поет этот колдун?..
Настраивает воинов на
удачную охоту?
А может, предстоит сра-
жение с соседним пле-
менем? Легендарный
древнегреческий певец
Орфей мало похож на
колдуна или шамана, но
и его музыка обладала
магической силой.*

Такая память на звуки и ноты и называется абсолютным слухом. Если ты думаешь, что запомнить высоту звука не так уж сложно, попробуй запомнить хотя бы один звук, скажем, то же самое «ля».

Вообще музыкальная память некоторых музыкантов способна привести в изумление. Рахманинов, например, однажды после единственного прослушивания исполнил на рояле целую часть симфонии Глазунова. Благодаря феноменальной памяти Римского-Корсакова мы сегодня можем слушать оперу Бородина «Князь Игорь». Бородин не успел закончить эту оперу, и через много лет Римский-Корсаков по памяти восстановил фрагменты, которые ему когда-то играл Бородин.

Еще одно поразительное явление — это

ДАР ИМПРОВИЗАЦИИ.

Что бы ты сказал, если бы в твоём присутствии кто-то попросил поэта прочитать поэму, которую он... еще не сочинил? Да еще с обязательным требованием, чтобы она была совершенным и оригинальным произведением искусства. А вот Бах, Моцарт, Бетховен и некоторые другие композиторы играли музыку, которую вместе с окружающими сами слушали впервые. Они сочиняли ее на ходу, импровизировали. И это были настоящие музыкальные шедевры.

А вот еще один феномен под названием

ВНУТРЕННИЙ СЛУХ.

Посмотри — это **партитура**. Черным-черно от нот. Каждая строчка — голос инструмента, и звучать эти голоса должны одновременно, все пятнадцать строчек. А есть люди, которые, следя глазами сразу за всеми пятна-

дцатью строчками, слышат все звуки внутренним слухом. Да как! Каждая строчка «поет» у них голосом своего инструмента. Так, например, слышал знаменитый дирижер Артуро Тосканини.

Итак, природа отпустила человеку всевозможные музыкальные таланты, как бы призвав его заниматься музыкой. Корни музыкального дерева — это музыкальные способности человека. Их дала человеку природа, но вырастил музыкальное дерево он сам. И растил его тысячелетиями.

Листки с музыкального дерева

РЕЗОНАТОР, РЕЗОНАНС

Шли через мост солдаты. В ногу шли. Со скоростью два шага в секунду. Шли они и не знали, что мост натянут, как струна. И если бы по нему можно было провести гигантским смычком, он заколебался бы со скоростью тоже два колебания в секунду. Поэтому шаг за шагом солдаты так раскачали мост, что он обвалился. Совпали скорости колебаний (с тех пор по всем мостам запрещено ходить в ногу). Совпадение колебаний и называется резонансом. Корпуса деревянных струнных инструментов стараются настраивать в резонанс струнам, чтобы усилить колебания воздуха, а значит, мощность звука. Поэтому корпуса музыкальных инструментов еще называют резонаторами.

L.v. Beethoven

SINFONIA N°5.

All^o con brio $\text{♩} = 108$.

Timpani
in C. C.

Clarini
in C

Corni in E

Fianti

Oboi

Clarineti
in B.

Fagotti

Violino
1mo

Violino
2do

Viola

Violoncelli

Bassi

All^o con brio

Ты видишь первую страничку партитуры
Пятой симфонии Бетховена.
Так она была напечатана
еще при жизни композитора.

ДИАПАЗОН.

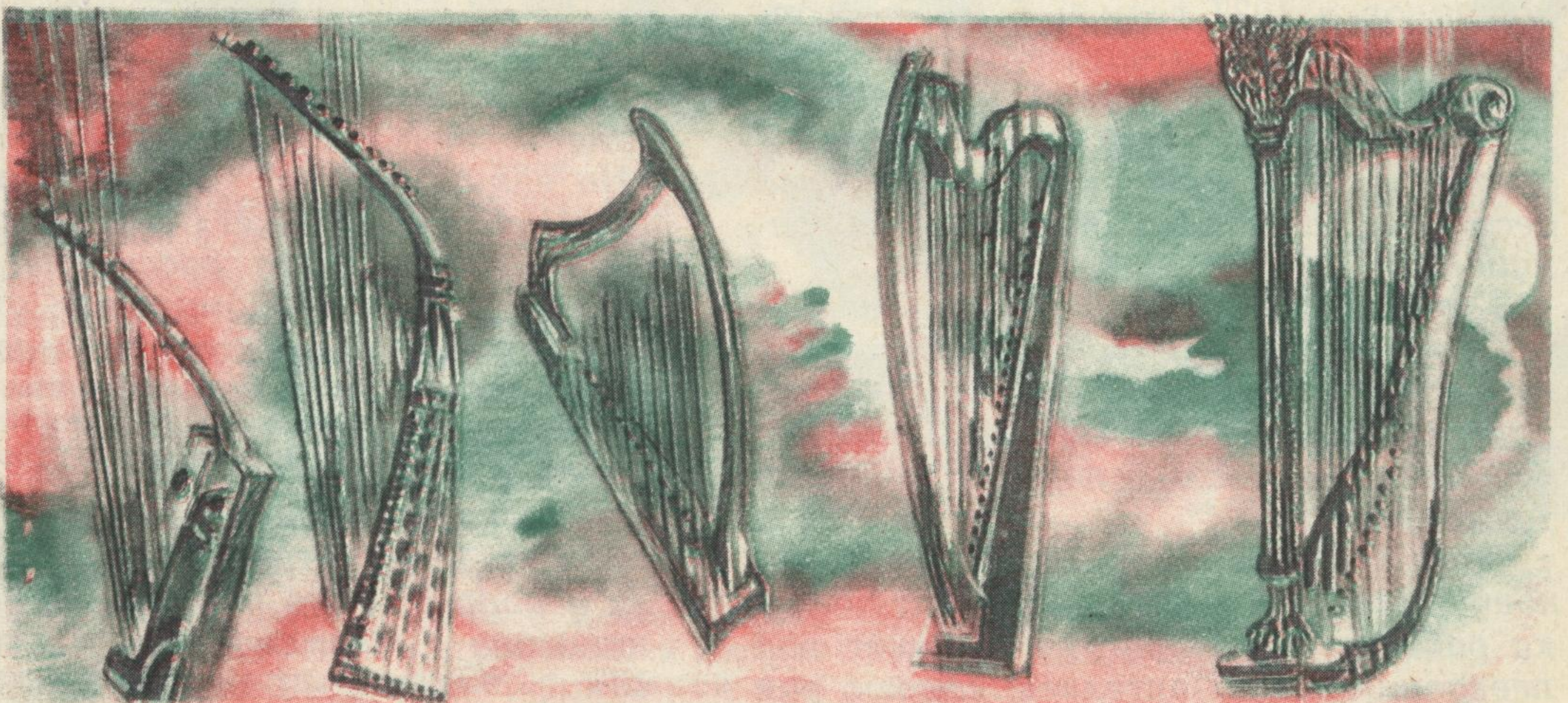
Спой самую низкую ноту, какую можешь... А теперь самый высокий звук... Все промежуточные звуки будут находиться в диапазоне между самым низким и самым высоким тонами, которые способен воспроизвести твой голос. А теперь проделай тот же опыт, только не пой, а свисти. Обнаружится, что на этот раз самый низкий и самый высокий звуки отличаются от спетых. Значит, диапазон свиста иной. Голос певца, голос любого музыкального инструмента имеет свой диапазон.

ОКТАВА.

Если ущипнуть струну, она издаст звук определенной высоты. Если же зажать эту струну точно на середине и заставить звучать любую из ее половин, то ты услышишь звук, очень похожий на первый, только более высокий. Зазвучи он одновременно с первым, они так слились бы, что ты сразу и не расслышал бы, что это две разные ноты. О таких звуках говорят, что один из них в два раза выше (или ниже) другого. А такое созвучие (самое чистое, самое согласное из двух разных звуков) называется октавой.

ПАРТИТУРА.

Зазвучал оркестр. Одновременно играют скрипки, флейты, трубы, ударные... Дирижеру нужно следить сразу за всеми голосами одновременно. Неужто ему держать у себя на пюпитре несколько десятков тетрадочек, в которых выписаны партии этих инструментов? Нет, это неудобно. С давних пор композиторы записывают голоса всех инструментов на одной и той же страничке один под другим.

Что
нам
читать?

Г. Белых
1906—1938

Л. Пантелеев

Как была написана «Республика Шкид»

Республика Шкид» — книга Г. Белых и Л. Пантелеева — впервые появилась на прилавках книжных магазинов в 1927 году и была восторженно встречена и читателями и писателями (в их числе были С. Маршак, М. Горький, К. Чуковский, Евг. Шварц и другие). Еще до войны книга выдержала десятки изданий у нас в стране и за границей.

В этой книге авторы, бывшие воспитанники школы для беспризорных, рассказывают о своей жизни и жизни своих товарищей в стенах Шкиды (так сокращенно называли они Школу имени Достоевского).

Один из авторов книги, Алексей Иванович Пантелеев, который почти полвека работает в литературе и пишет под псевдонимом Л. Пантелеев, хорошо вам

известен. Его рассказы для детей «Честное слово», «Буква «ты», «Маринка», «На ялике», сказка «Две лягушки», повести «Часы», «Пакет», «Ленька Пантелеев», «Шкидские рассказы», книга «Наша Маша», воспоминания, дневники и многое другое составили недавно четырехтомное собрание сочинений. В это собрание вошла, конечно, и повесть «Республика Шкид».

Наш корреспондент Владимир Глоцер побывал в Ленинграде у А. И. Пантелеева и попросил его рассказать, как была написана знаменитая «Республика Шкид».

— Алексей Иванович, расскажите, пожалуйста, как Вы писали «Республику Шкид».

— После того, как мы с Гришей Белых покинули стены Шкиды, прошло два или даже два с половиной года. За это время нам пришлось много чего испытать. Мы торговали на улицах и в трамваях газетами, сотрудничали в так называемой мелкой прессе, писали кинокритику по три семьдесят пять за штуку, сочиняли анекдоты для юмористических журналов. Гриша Белых напечатал в журнале «Кинонеделя» статью, которая называлась, если не ошибаюсь, «Нам нужен свой Чарли Чаплин». В этой статье автор деликатно выдвигал свою кандидатуру на вакантную должность советского Чаплина. Я работал несколько месяцев в ресторане «Ново-Александровск», на кухне, учеником повара, или, попросту говоря, поваренком. Одновременно учился, — правда, очень недолго, — на частных кинокурсах Морозова, откуда за неплатеж был исключен. Целую зиму мы с Гришей Белых занимались тем, что торговали на улицах, на рынках, в пивных и в чайных искусственными цветами. Напомню, что был нэп, была еще большая безработица. Цветы, бумажные бульдожи, которыми мы торговали, делали моя мама и сестренка...

Забыл сказать, что весной двадцать четвертого года, месяцев через восемь после выхода из Шкиды, мы с Гришей решили осуществить нашу давнюю мечту — направились на юг, на Кавказ, в город Баку, к постановщику «Красных дьяволят» режиссеру Ивану Перестиани, который, как нам казалось, ждет и не может дожидаться нашего появления в качестве актеров. Деньги на это путешествие мы начали копить еще в Шкиде, о чем упоминается в повести «Республика Шкид». Однако лишь до Москвы нам удалось доехать с относительным комфортом, то есть с билетами в карманах. Дальше мы шли пешком или ехали зайцами. Добрались мы только до Харькова, и Перестиани так и не узнал, каких двух «великих артистов» он лишился.

— Угавалось ли Вам это время заниматься литературой?

— Все время — и когда мы торговали цветами, и когда я работал в ресторане «Ново-Александровск», и когда мы скитались по югу России — мы не оставляли своих литературных опытов. Те, кто читал мои автобиографические книжки, вероятно, помнят, что чуть ли не с пяти лет я пробовал писать стихи, в восемь лет написал трактат «Что такое любовь?», а в девять — приключенческий роман под страшным названием «Кинжал спасенья». Гриша тоже писал и стихи и прозу с детства. Нашему увлечению литературой, журнальным и газетным делом в «Республике Шкид» посвящена целая глава — «Шестая держава».

— Когда же и при каких обстоятельствах Вы надумали писать «Республику Шкид»?

— Однажды морозным зимним вечером 1926 года мы с Гришей шли в кино. Там, где теперь ресторан «Астория», помещался в то время кинематограф под тем же названием. И вот, помню, когда мы подходили к этому кинематографу, Гриша мне сказал:

— Давай писать книгу о Шкиде.

Хотя книг мы до тех пор не писали и в ближайшем будущем писать не собирались, меня это предложение не ошеломило. Не задумываясь, я ответил:

— А что, давай!

Помню название фильма, который шел в тот вечер в «Астории», — «Кирпичики». Но рассказать содержание этого фильма я при всем желании не мог бы, — мы его, попросту говоря, не видели. То и дело за нашими спинами раздавалось:

— Мальчики, тише!

— Мальчики, вас выведут сейчас!

А мы, не слыша этих сердитых окриков, с упоением вспоминали случаи из нашей шкидской жизни, которые должны были войти в книгу.

— Как же началась работа над книгой?

— Так и началась. На те деньги, которые мы наскребли, мы купили махорки, пшена, сахара, чая и, запершись в Гришиной комнате, на Измайловском, 7, в доме, который он несколько лет спустя воспел в своей повести «Дом веселых нищих», принялись за работу.

— А как Вы писали книгу вдвоем?

— Работать вместе нам было не впервой. Тот, кто читал «Республику Шкид», знает о моей давней дружбе с Белых. Еще в Шкиде мы издавали с ним ежедневную газету «День», в которой печатали с продолжением совместно написанный большой при-

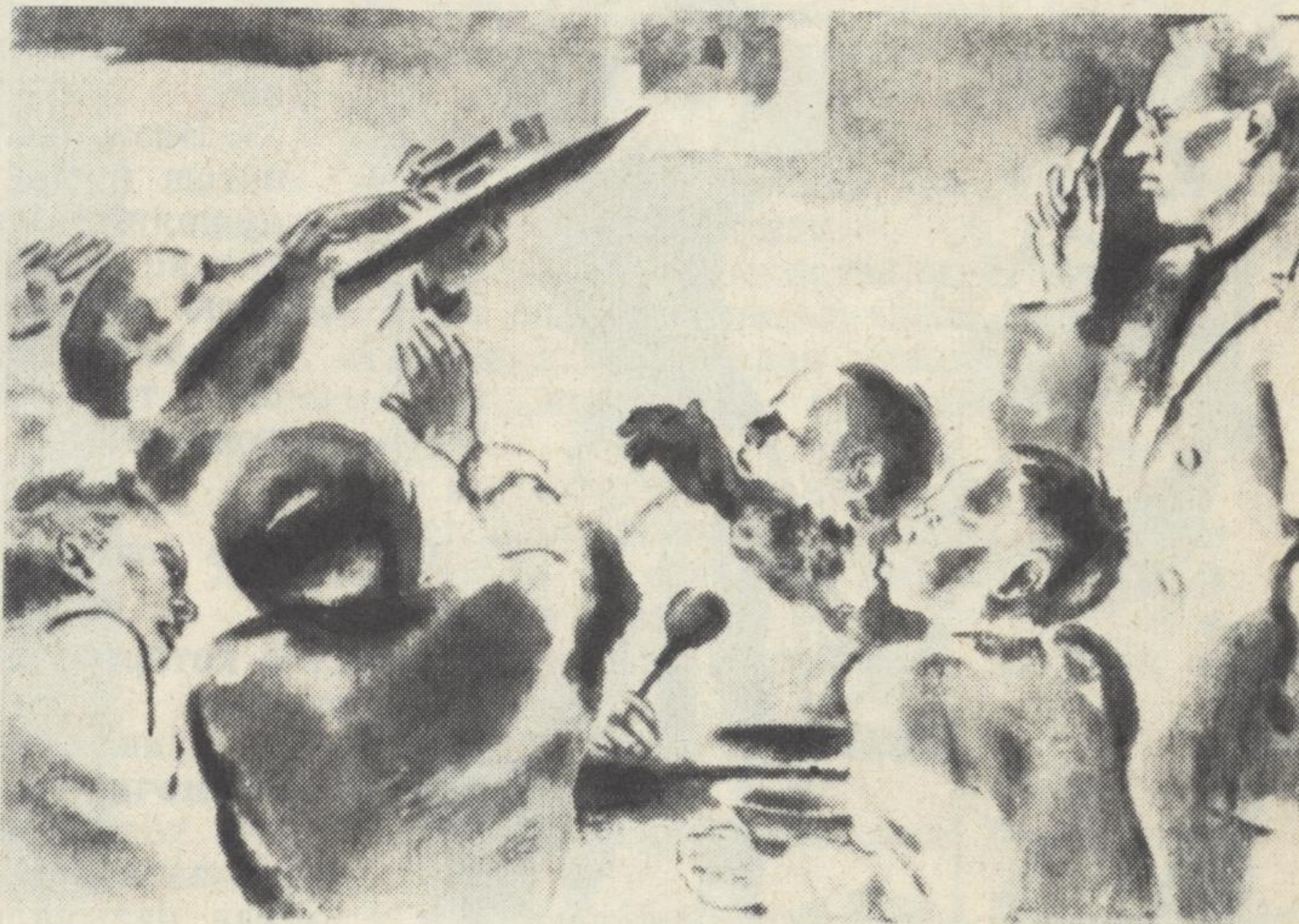

Много халдеев перевидала Шкида. Халдей — это по-шкидски воспитатель. Вот явление одного из них.

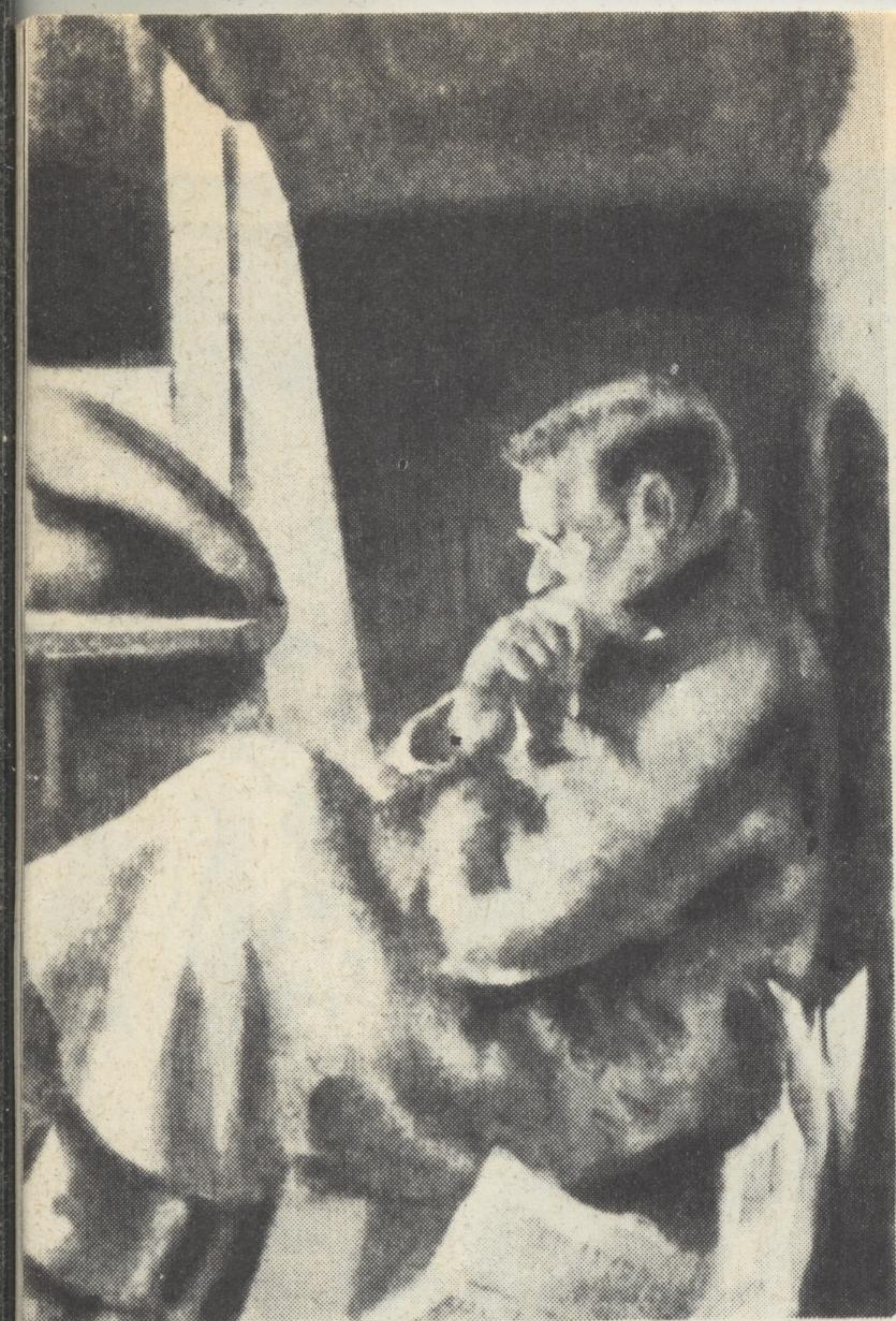
Это иллюстрация художника Н. Тырсы к повести «Республика Шкид».

«Шкидцев, — говорит Л. Пантелеев, — рисовали и после Тырсы — и у нас и за границей, и никому никогда не удалось так верно, так легко, весело и победно схватить... самый дух нашей беспризорной мальчишеской республики».

На этих страницах вы видите несколько рисунков Н. Тырсы к книге Г. Белых и Л. Пантелеева.

В заключение обеда завшколой, он же президент Шкидской республики, произносил речь. И шкидцы предчувствовали: сейчас они услышат что-то новое...

Вот он, гроза шкидцев — Викниксор. Много труда положил заведующий школой, чтобы вывести в люди своих бесшабашных питомцев. Не раз приходилось ему задумываться над тем, как поступить дальше.

Весной Шкида влюбилась. И первыми, кого заметили шкидцы из своих окон, были девчонки-торговки.

ключенческий роман «Ультус Фантомас за власть Советов». Вас интересует техника нашей работы? В узкой комнате с окном, выходящим на задний двор, стояли по двум стенам две койки, между ними — жиденький стол, на котором мы, два летописца Шкиды, и творили...

— А план повести у Вас был? Долго Вы его обдумывали?

— Нет, не помню, чтобы мы очень долго готовились к работе. Несколько дней (начиная с памятного часа в кинематографе «Астория») ушло на записывание того, что вспомнилось. Это было не только не утомительное, но очень веселое, даже захватывающее занятие. Поминутно в комнате раздавалось:

— А помнишь... А помнишь...

И кто-нибудь из нас лихорадочно записывал на обрывке бумаги:

— «Пал Ваныч». «Асси». «Летопись». «Пожар». «Шкидкино». «Разбитые стекла в прачечной». «Лотерея-аллегри». «Улиганштадт». «Курочка». «Юнком». «Будильник оне механизму»...

Это были значки, символы, за которыми каждый из нас видел или человека, или событие.

Наконец из этой груды тем мы выбрали тридцать два сюжета. Вообще-то материала у нас хватило бы, вероятно, на три таких книги, как «Республика Шкид».

— И Вы стали писать каждую страницу вместе?

— Нет, как я уже сказал, в «Республике Шкид» тридцать два сюжета, тридцать две главы. Мы разделили их по-братски: шестнадцать глав писал Белых, шестнадцать — я. Я пришел в Школу имени Достоевского несколько позже Гриши, — поэтому все первые главы писал он. Каждую главу мы обсуждали, критиковали друг друга нещадно, иногда ссорились, но в крупную ссору эти мелкие столкновения не переходили. Главная ссора ждала нас впереди...

— Если не секрет, из-за чего она произошла?

— Об этом расскажу, но немного позже.

— Значит, в книге нет ни одной главы, которую бы Вы писали совместно?

— Пожалуй, две-три главы таких есть. Например, последнюю страницу главы «Ленька Пантелеев» (я имею в виду вариант, печатавшийся в первых изданиях) написал Белых, а я принял небольшое участие в работе над главой «Великий ростовщик». Конечно, я не говорю о тех мелких замечаниях и предложениях, которые мы делали друг другу, когда читали свои главы вслух.

— Как долго Вы писали Вашу книгу?

— Никогда позже ни я, ни Белых ни одну свою книгу не писали так быстро, как написались «Республика Шкид». Работали мы над повестью два—два с половиной месяца. Писать нам, как я уже сказал, было нетрудно, весело, радостно. Нам не нужно было ничего придумывать. В нашей памяти еще жили события, о которых мы собирались рассказать, и звучали голоса наших товарищей и воспитателей, «халдеев». Работа была, что называется, запойной. Работали с утра до глубокой ночи, пока сил хватало, а сил тогда было много, — нам было по семнадцать — девятнадцати лет.

Зима была морозная. У нас кончились дрова, и сначала я, а потом и мой соавтор стали расставаться с досками, на которых лежали наши соломенные тюфяки. Конечно, нам не хватало не только дров, но и харчей. И иногда нам приходилось покидать свою келью. Почти с отвращением мы ходили в кино, торопливо писали рецензию на какой-нибудь американский боевик, получали свои три семьдесят пять и снова погружались в работу над повестью.

— Читателя, конечно, интересует: всё ли в Вашей книге правда? Там есть почти невероятные происшествия...

— Вымысла в книге нет. То есть это значит, что все события, о которых идет там речь, были на самом деле. И все действующие лица — и Викниксор, и Сашкец, и Эланлюм, и Японец, и Янкель, и Купа Купич Гениальный, и Сашка Пыльников, и одноглазый Мамочка — не выдуманы нами. Однако это вовсе не означает, что мы ходили за событиями с фотографическим аппаратом и щелкали затвором. «Республика Шкид» не документ, каким ее иногда называли, а повесть, художественное произведение.

— Алексей Максимович Горький где-то говорил, что фигура Викниксора вышла у Вас «почти монументальной».

— Да, я помню, как удивила эта похвала нас, молодых авторов. Викниксора мы писали таким, каким он виделся нам, вчераш-

ним воспитанникам Шкиды. Тут были и страх, и уважение, и даже некоторое обожание, и при этом очень много мальчишеской на-смешки над человеческими слабостями нашего шкидского прези-дента. Вообще, я считаю, что мальчишеский юмор, который звучит на страницах «Республики Шкид», очень помог тому успеху, с каким была встречена наша первая книжка.

Но не кажется ли вам, Владимир Иосифович, что мы ушли, так сказать, несколько в сторону?

— Да, Вы не досказали историю книги.

— Доскажу... И вот пришел день, когда я написал последнюю строчку «Эпилога». Что же делать дальше? Куда нести рукопись? И самое главное — разве можно нести рукопись в таком виде? Мы уже достаточно покрутились к тому времени в литературных кру-гах и знали, что рукопись представляется в издательство перепеча-танной на машинке, да еще в двух экземплярах.

На помощь нам пришел некто Н. Грач, бывший матрос, спо-собный литератор, печатавший рассказы в ленинградских журна-лах. Во всех редакциях у этого общительного человека были зна-комые машинистки. И вот что предложил нам этот милый Н. Грач. Мы заключаем с ним договор: он находит способ пере-печатать нашу рукопись, а мы за это должны уплатить ему 150 рублей. Если же до 1-го апреля 1926 года деньги не будут упла-чены, то рукопись переходит в его собственность.

— Конечно, Вы не подписали этот кабальный «договор»?

— Подписали не задумываясь. Что же нам было делать?

Через две недели рукопись, напечатанная на машинках самых разнообразных систем, на разной бумаге и на разных лентах — черной, зеленой, красной, фиолетовой — лежала перед нами в двух экземплярах.

— Какому же издательству Вы передали рукопись?

— В том-то и дело, что мы знали только одно издательство, вывеска которого бросалась нам в глаза, когда мы пересекали Невский у Садовой улицы: кооперативное издательство «Прибой». Но как идти в издательство, если не знаешь там ни одного челове-ка! Храбрости написать книгу у нас хватило, а вот тащить ее в издательство на суд незнакомых людей мы не отваживались. И тут мне в голову пришла счастливая мысль.

— Давай, — сказал я, — покажем рукопись Лилиной!

— Почему Лилиной?

— Ну, все-таки...

Лилина была единственный крупный деятель в Ленинграде, которого мы знали. Она заведовала губерньским отделом народ-

На праздники давали спектакль. Шкидцы играли в каких-то фантасти-ческих костюмах, но очень прилично, и зрители остались довольны.

Повесть «Республика Шкид» сразу стала очень знаменитой, и многим хотелось увидеть ее авторов, поговорить с ними. Вот Г. Белых (крайний справа) и Л. Пантелеев (справа — четвертый) в 1931 году, в Виннице, на встрече с читателя-ми.

ного образования и не один раз бывала у нас в школе. И вот, перетянув веревками наше детище, мы потащили его на Казанскую ули-цу, ныне улицу Плеханова, где помещался тогда отдел народного образования.

Удивительно вспоминать сейчас, с какой легкостью нам удалось проникнуть к столь важному лицу. В приемной сидела одна сек-ретарша (запомнил ее фамилию: Волина). Мы объяснили ей, что мы бывшие детдомовцы и что у нас дело к Злате Ионовне.

— Злата Ионовна занята, но подождите, попробую, — сказала Волина.

Через две минуты нас позвали. В огромном кабинете, за большим письменным столом си-дела невысокая, уже седая женщина в синей люстриновой кофточке. Она поднялась нам навстречу:

— Что вы хотите, мальчишки?

Я оробел окончательно, а Гриша нашел си-лы улыбнуться и развязно выдал из себя:

— Книжечку написали.

Лилина с ужасом посмотрела на наш ог-ромный сверток:

— О чем?!

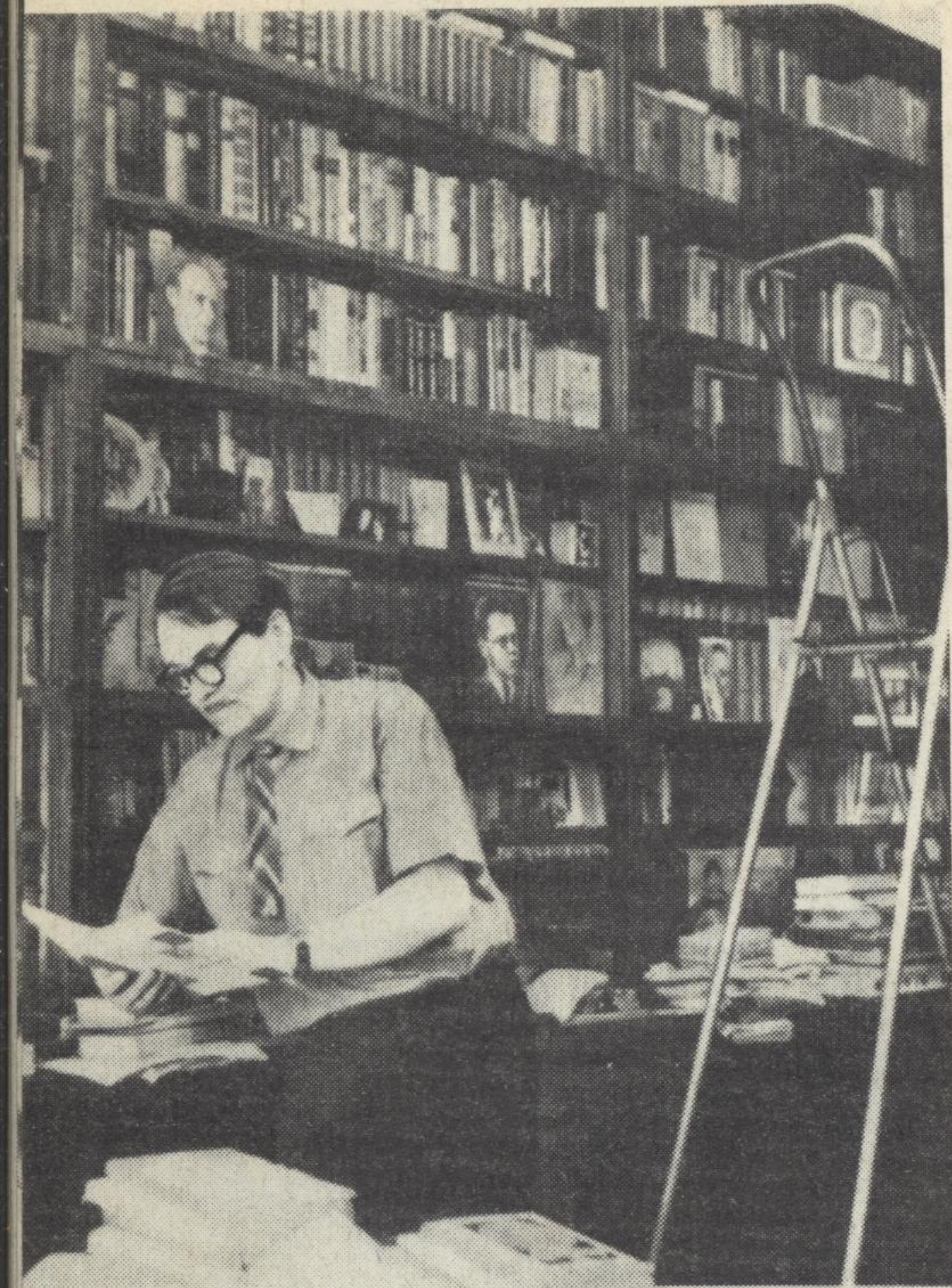
— О детском доме.

— Как?! Об одном детском доме такую махину!

Вид у нас, вероятно, был очень жалкий. И Лилина пожалела нас.

— Ну, хорошо, — сказала она, — оставьте, я посмотрю.

Покидая дом на Казанской, мы были уве-рены, что дело наше проиграно. Но Гриша на всю улицу заявил, что моя идея была со-

Алексей Иванович Пантелеев в своем рабочем кабинете.

Фото Я. Ярина.

вершено дурацкой, нелепой, что идти нам к Лилиной не следовало и что вообще из этой затеи ни черта не выйдет. Короче говоря, мы крупно поспорились. И Гриша сказал, что он и не подумает идти к Лилиной узнавать о результатах. Хватит с нас позора.

Поставили на этом деле точку и перешли к нашим обычным, будничным занятиям: ходили в кино, писали рецензии, получали свои три семьдесят пять. О повести мы не разговаривали. Но забыть о ней нам не удавалось. То и дело в квартире на Измайловском появлялся Николай Грач и со злобещей усмешкой спрашивал:

— Ну как «Республика шкетов» моя или ваша?

Может быть, это и заставило меня решиться попытать счастья. Не сказав о своем намерении Грише, я один пошел в Губоно. Этот день я очень хорошо помню. Помню, как ошеломила меня секретарша Волина, которая, увидев меня, вскочила и закричала:

— Он! Он! Пришел наконец-то!

И ни слова не сказав мне, кинулась в кабинет Лилиной. Тотчас вышла и сама Лилина.

— Куда вы пропали, мальчики? Где ваш соавтор?

Тут началось такое, от чего у меня голова закружилась. Зав. Губоно взяла меня под руку и полчаса водила по длинным и широким коридорам бывшего Воспитательного дома, воскуривая фишам нашей повести. Помню, я так волновался, что, закуривая, сунул горящую спичку в коробок, который шумно взорвался и опалил мне левую руку. Кто-то, кажется, секретарша Волина, мне ее забинтовала. Между прочим, Лилина сообщила мне, что наша рукопись уже в издательстве. Нам повезло вдвойне. Оказалось, что Злата Ионовна по совместительству заведует еще и Детским отделом ленинградского Госиздата.

— Идите, — сказала она, — на Невский, в Дом книги, поднимитесь на пятый этаж и спросите Маршака, Олейникова или Шварца.

— И Вы сразу пошли туда? Это, кажется, близко...

— Да, совсем близко. Но прежде чем идти в Дом книги, я должен был поставить в известность обо всем происшедшем своего соавтора. Шел я домой героем, но, подходя к Измайловскому, решил поморочить голову своему другу. Вломившись со своей забинтованной лапой в его комнату, я мрачным голосом заявил:

— Был у Лилиной.

— Ну и что?

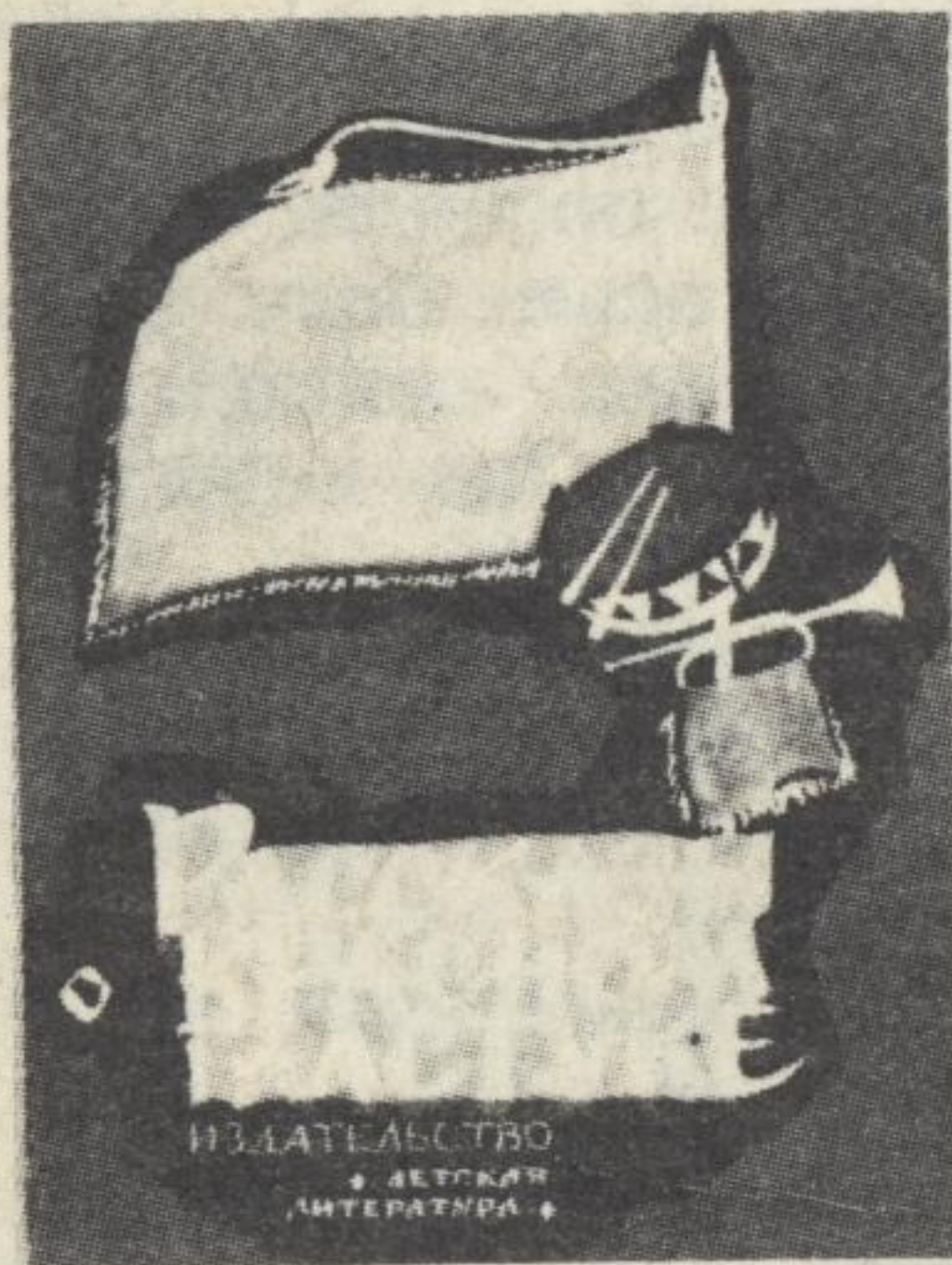
— Ты прав, ходить не стоило.

— А всё-таки пошёл?.. Самолюбия у тебя нет!

Тут я не выдержал и рассказал ему все, что было на самом деле.

Теперь мы радовались оба. Книга-то была общая. В одиночку ни я, ни Гриша такую книгу написать не могли бы, — знаю это точно. Жизненный опыт у нас был разный и вкусы не совпадали во многом. Но если быть справедливым по отношению к обоим авторам, успехом книга обязана удачному сочетанию двух разных характеров.

Ленинград. Канун 1973 года.

Знакомьтесь — новые друзья!

Должно быть, вам не раз случалось выпускать праздничный номер стенгазеты. И, наверное, рисуя заголовок или старательно

выписывая лозунг, вы ни разу не подумали о том, что эта мирная работа может быть опасной.

А между тем было время, когда ваши сверстники выводили слова «Будь готов!» с замиранием сердца. И они стремительно бросились прятать все «улики» — красный карандаш и листы оберточной бумаги, потому что в комнату вбежал их товарищ с криком:

— Сыщики идут!

Было это в 1926 году. В ту пору ваши бабушки и дедушки, жившие в Москве и других советских городах, носили свои красные галстуки открыто и гордо. Но в Латвии, на родине пионеров Лаймониса и Рудиса, власть принадлежала буржуазии. Юные латыши были пионерами-подпольщиками.

Познакомят вас с ними «Рассказы о красном галстуке» — книга, состоящая главным образом из воспоминаний. Вы невольно перенесетесь в те годы, когда красный галстук приходилось прятать, когда ребята-латыши бесстрашно помогали взрослым в опасной подпольной работе.

Только в 1940 году Латвия вошла в семью советских народов, и латвийские ребята узнали, что такое пионерский парад, Дворец пионеров, пионерский лагерь. Но в скором времени разразилась война: загрохотали взрывы, в города и селения Латвии вошли фашисты...

Патриоты Латвии ведут жестокую борьбу с захватчиками. Среди борцов есть и совсем юные. Люди передают друг другу пред-

6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30

смертные слова Марты Риексты, руководительницы одной из пионерских организаций. Марта крикнула перед расстрелом:

— Товарищи! Я уйду, но вы не сдавайтесь! Красная Армия вернется!

И Советская Армия вернулась.

О жизни пионеров Латвии — ваших современников — вы узнаете из последних рассказов книги. Читая их, вы почувствуете, что завязали новое интересное знакомство. И так же, как автор эпилога книги Эрика Подкалне, мы надеемся, что это знакомство станет началом большой и сердечной дружбы.

Ю. НОВИКОВА

Не только о спорте

Эту книгу я бы, пожалуй, назвал «спринтерской»: открываешь первую страницу — оглянуться не успеваешь, а ты уже прочел ее добрую половину! Почему так получилось? Потому что вся она состоит из острых, непохожих друг на друга, коротких рассказов. Оттого и читается она в таком реактивном, захватывающем темпе!

О чем книга? О спорте. А если говорить серьезно, то о жизни человека: о мужестве и о трусости, о щедрости души и об эгоизме, о преданности, о честности, об упорстве... И смешное здесь попадает — как в жизни. И грустное есть — тоже как в жизни.

Оглянись кругом повнимательней: спорт занимает в жизни современного человека большое место. Вспомни хотя бы недавние Олимпийские игры или первенство мира по футболу. Чуть ли не весь земной шар болел за «своих»!

Спорт и жизнь. Эти два понятия входят друг в друга. Они стали прочным, монолитным сплавом. Впрочем, давай разберемся в этом как следует и до конца. Ты упорно, не нервничая, решаешь трудную задачу, ты с настойчивой яростью работаешь, когда кое-кто из товарищей явно не рассчитал своих сил и выдержки. Ты с утра на весь день бодр, жизнерадостен, чувствуешь упругость мышц, легкость тела. Отчего? Оттого, что спорт научил тебя выдержке, выносливости, дал силу и ловкость и радостное ощущение жизни.

И ты выходишь на старты ГТО. На лыжне и беговой дорожке, в спортивном зале и на ринге ты берешь один рубеж, второй, третий.

А если не получается? Если вдруг ты разуверился в себе?

Возьми поскорее книгу, о которой я тебе говорю!

Вот рассказ. Он о том, как смолodu закалял свое мужество один из самых удивительных на свете людей — Валерий Чкалов.

А еще в этой книге есть особый рассказ. И я прочитал его с особым чувством. Автор этого рассказа — Лев Кассиль. По спине мурашки пробегают и на глаза что-то подозрительное навораживает, когда читаешь о герое-подводнике, о необыкновенном вратаре Андрее Самошине. Как ждали его товарищи на матч, а он так и не смог явиться — погиб.

Рассказ Ю. Казакова «Красная птица» будто и не о чем, будто без начала и без конца — о хорошем учителе и о парнишке, который не хотел в школу ходить. И о том, как они вместе запускали красный планер в синее сентябрьское небо... Вот и все. А рассказ почему-то очень трогает.

В книжке много рассказов-очерков о наших спортивных героях — чемпионах мира и Олимпиады. Я уверен, тебе интересно будет прочитать о конькобежцах Евгении Гришине и Олеге Гончаренко, легкоатлете Валерии Брумеле, гимнастке Ларисе Петрик.

Много здесь рассказов и о твоих сверстниках.

Я упомянул едва ли о трети рассказов книги. Мой тебе совет: прочти ее всю. Она станет для тебя хорошей зарядкой перед ответственными соревнованиями на значок «ГТО».

Лев ЯШИН,
заслуженный мастер спорта,
олимпийский чемпион.

На всех парусах

«Белая ладья» на всех парусах мчится к финишу Всесоюзных соревнований пионерских дружин. Турниры происходят и в городах и в селах, и участвует в них множество ребят. Только в одной Псковской области полторы тысячи рыцарей шахмат оспаривали победу.

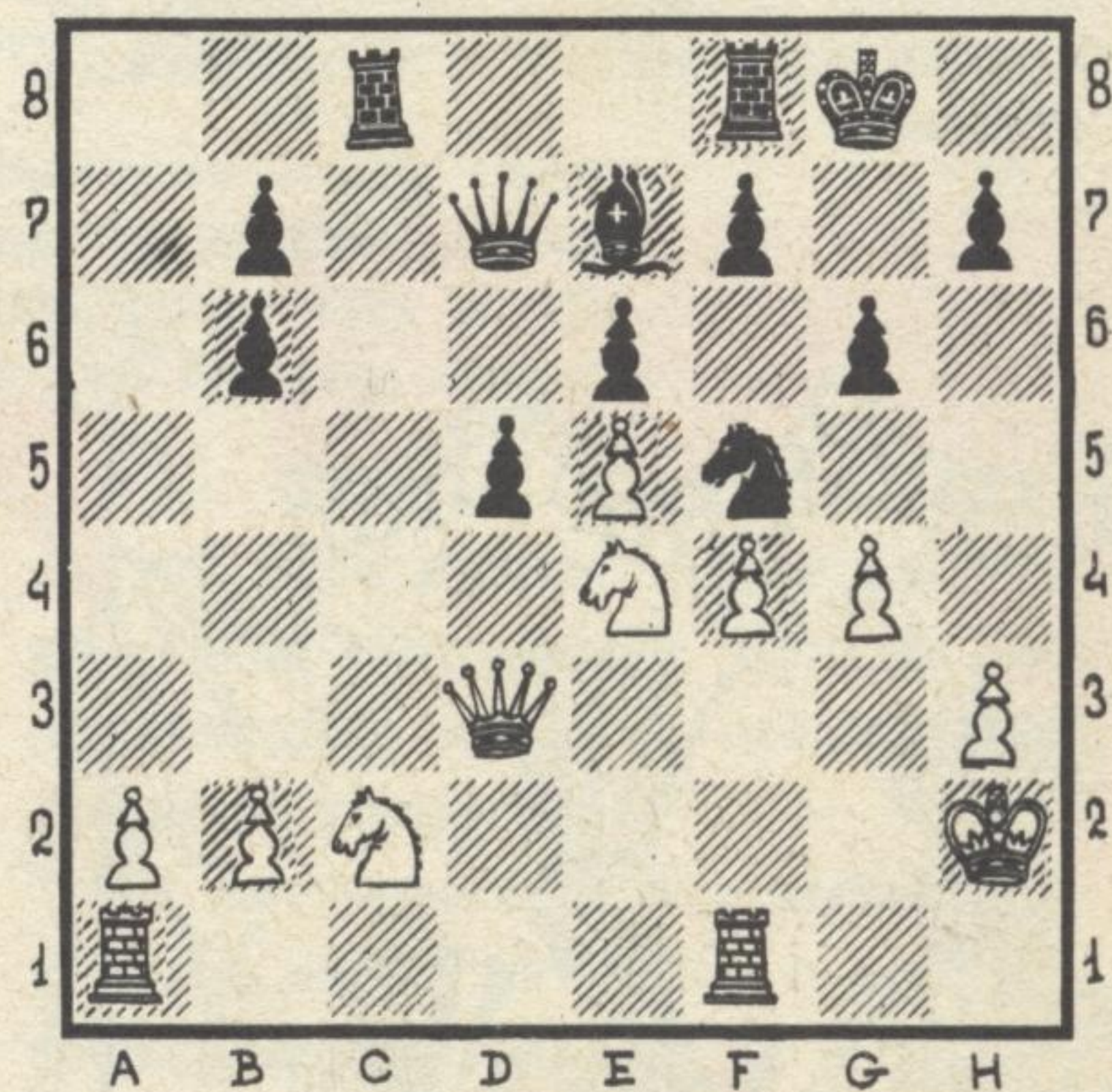
Пешкин рад, что так много у него друзей, и, главное, из года в год их становится все больше: старшие ребята-шахматисты старательно обучают новичков.

В шахматной секции школы-интерната и 4-й школы эстонского города Вильянди учатся играть двести учеников младших классов. Представляете, какое мощное пополнение готовится!

Валерий Науменко, он учится в 8-й школе города Каменск-Шахтинский и сам организовал шахматный кружок, тульские ребята Саша Барусов, Ваня Сахненко и Боря Агейченко тоже привлекли немало новичков к занятиям шахматами.

Пешкин поручает всем своим друзьям проводить турниры у себя в классе и в школе. И ждет писем с сообщениями, как помогают опытные шахматисты новичкам.

На Всероссийских соревнованиях сыграно немало интересных партий. Посмотрите отрывок из партии Люды Полнаревой (г. Кемерово) и Лены Лузгиной (г. Новосибирск). Белыми играла Люда,

Своим последним ходом Люда напала на коня f5, она считала, что черным придется отступить. Неожиданно последовало:

25... d5 : e4 (жертвуя ферзя, черные бросаются в неотразимую атаку).

26. Фd3 : d7 Лс8 : c2 + 24. Лf1 — f2. (Другого выхода нет. Если 24. Кpg1, то 24... Сс5+ и т. д.) 24... Лс2 : f2 + 25. Кph1 — g1 Се7 — c5!

Теперь король белых взят на прицел. Грозит вскрытый шах с

выиграем ферзя. 26. $\Phi d7 : b7$
 $Kf5 - g3$.

Положение белых безнадежно, они сдались.

Пешкин отвечает

«У нас на турнире всегда шумно,— пишет Володя Кондратюк из Киева,— ребята, которые не играют, подсказывают ходы, обсуждают варианты, а на замечания обижаются. Как сделать, Пешкин, чтобы на турнире был порядок?»

Шахматные турниры должны проводиться по всем правилам спортивных соревнований.

Надо составить расписание турнира. Не следует играть несколько партий в один день. И, безусловно, нужна строгая дисциплина: нельзя мешать участникам турнира думать.

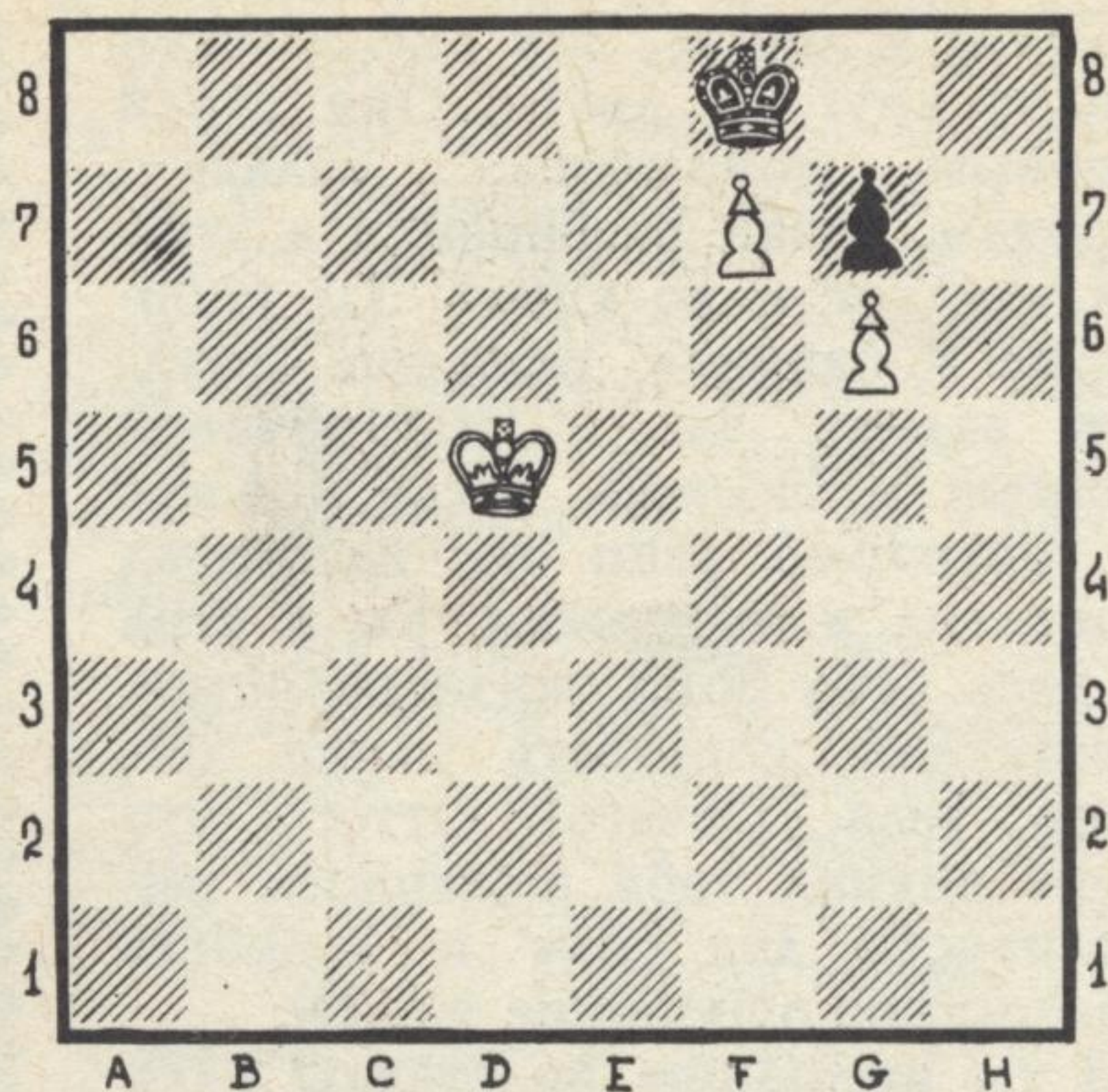
За этим прежде всего должен следить выбранный вами судья. Он же отмечает результаты партий.

Недавно Пешкину попала в руки интересная книга, вышедшая за рубежом. Называется она «Советы присутствующим на шахматном турнире». В книге всего сорок страниц. На первой странице крупно напечатано: «Молчите!» Все остальные страницы пустые. Самый правильный совет «болельщикам»!

«У меня на школьном турнире в партии с одним мальчиком получилась интересная позиция»,— написал Игорь Сальников (из Москвы). Игорь прислал Пешкину диаграмму.

«Я старался выиграть и никак не мог. Как только подойдешь к королю черных поближе, получается пат. Можно ли здесь выиграть?»

Нельзя, Игорь, даже отдав свою лишнюю пешку. Черные ловко защищаются, используя возможности пата.

Вот возможный вариант: 1. $Kr d5 - c6$ $Kpf8 - e7$ 2. $f7 - f8$ $\Phi +$ $Kre7 : f8$ 3. $Krc6 - d7$ $Kpf8 - g8$. Но приближение белого короля снова ведет к пату.

Правда, бывает и так, что лишняя пешка в самом деле оказывается лишней. Вот расставьте такую позицию:

Белые $Kre4$, пешки $a7$, $b6(3)$, черные $Krb7(1)$.

Черные явно рассчитывают на пат. Как белым добиться победы?

Выигрыш достигается так: 1. $Kre4 - d5$ $Krb7 - a8$ 2. $Kpd5 - c5!$ (только не $Krc6?$ и пат) 2... $Kra8 - b7$ 3. $a7 - a8$ $\Phi +$ $Krb7 : a8$ 4. $Krc5 - c6$ $Kra8 - b8$. 5. $b6 - b7$ $Krb8 - a7$. 6. $Krc6 - c7$. Черным остается одно — сдаться.

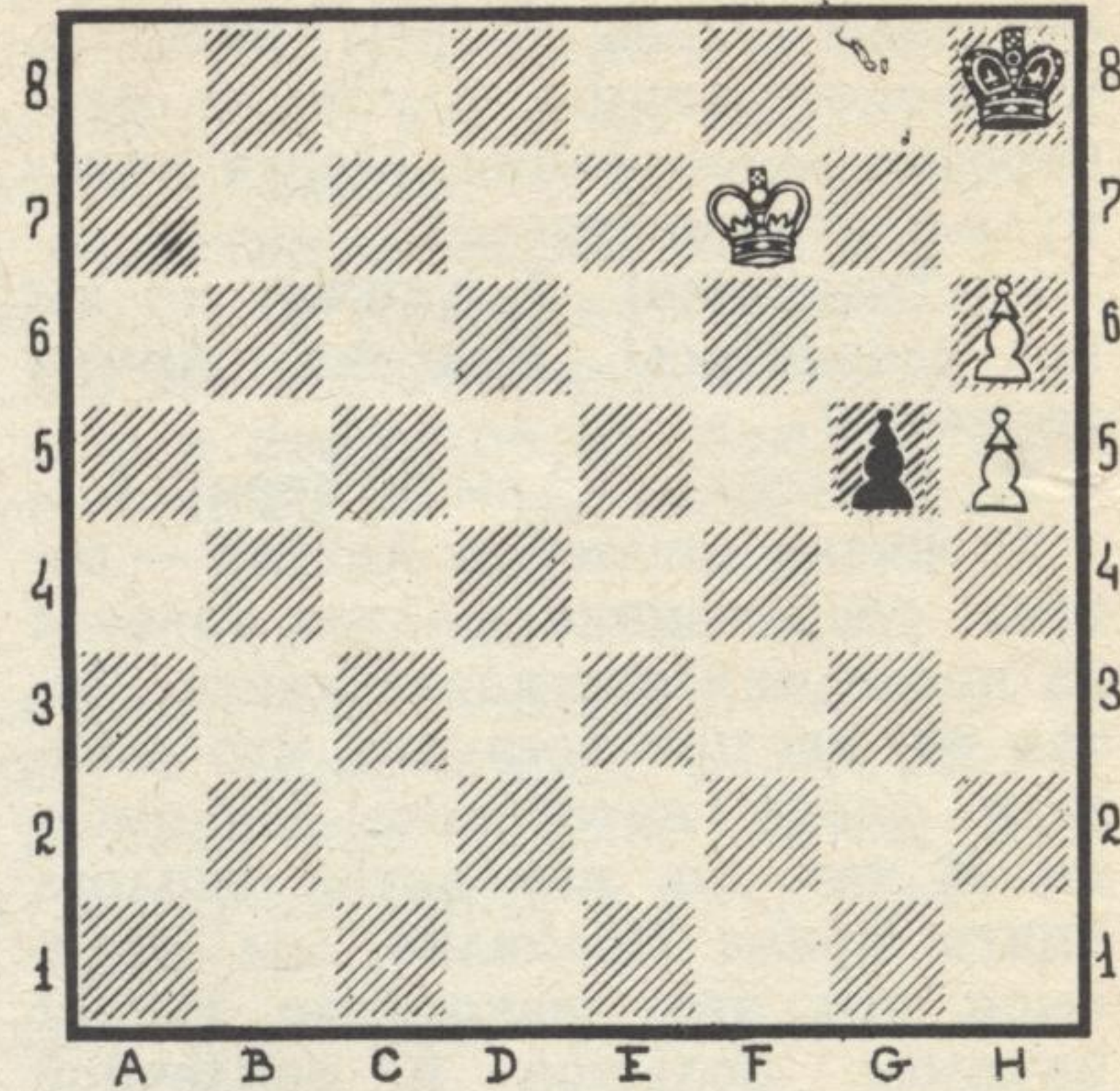
Своевременно пожертвовав пешку, белые получили возможность решающего вторжения королем.

Конкурс Пешкина

Пешкин предлагает вам еще две задачи.

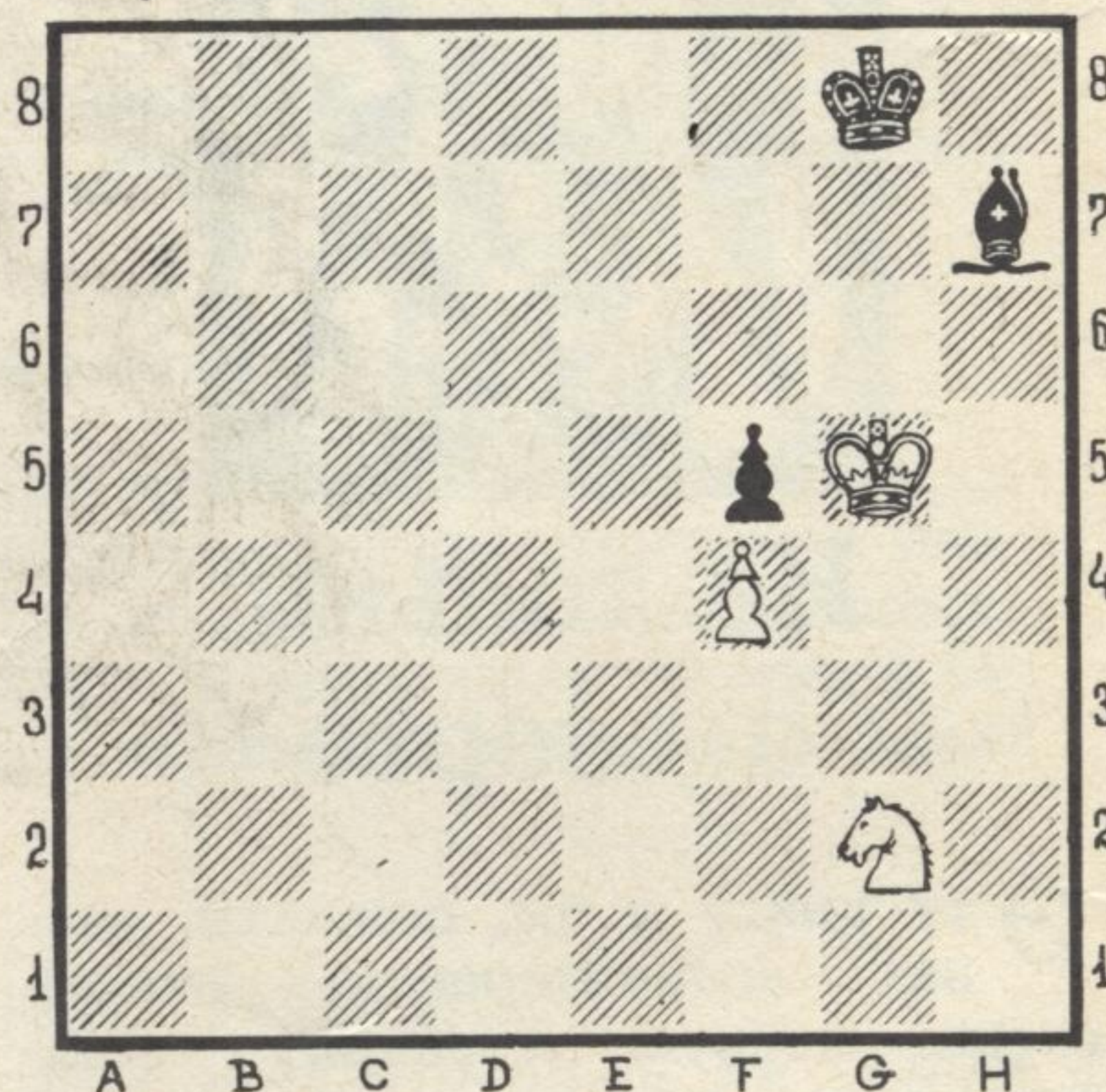
На этой диаграмме дано окончание партии. Как мало тут действующих лиц!

Сейчас ход белых, и, хотя у

них лишняя пешка, их положение кажется безнадежным. Пешки белых удерживаются королем, а проходная пешка черных неудержимо рвется к финишу, к полю $g1$.

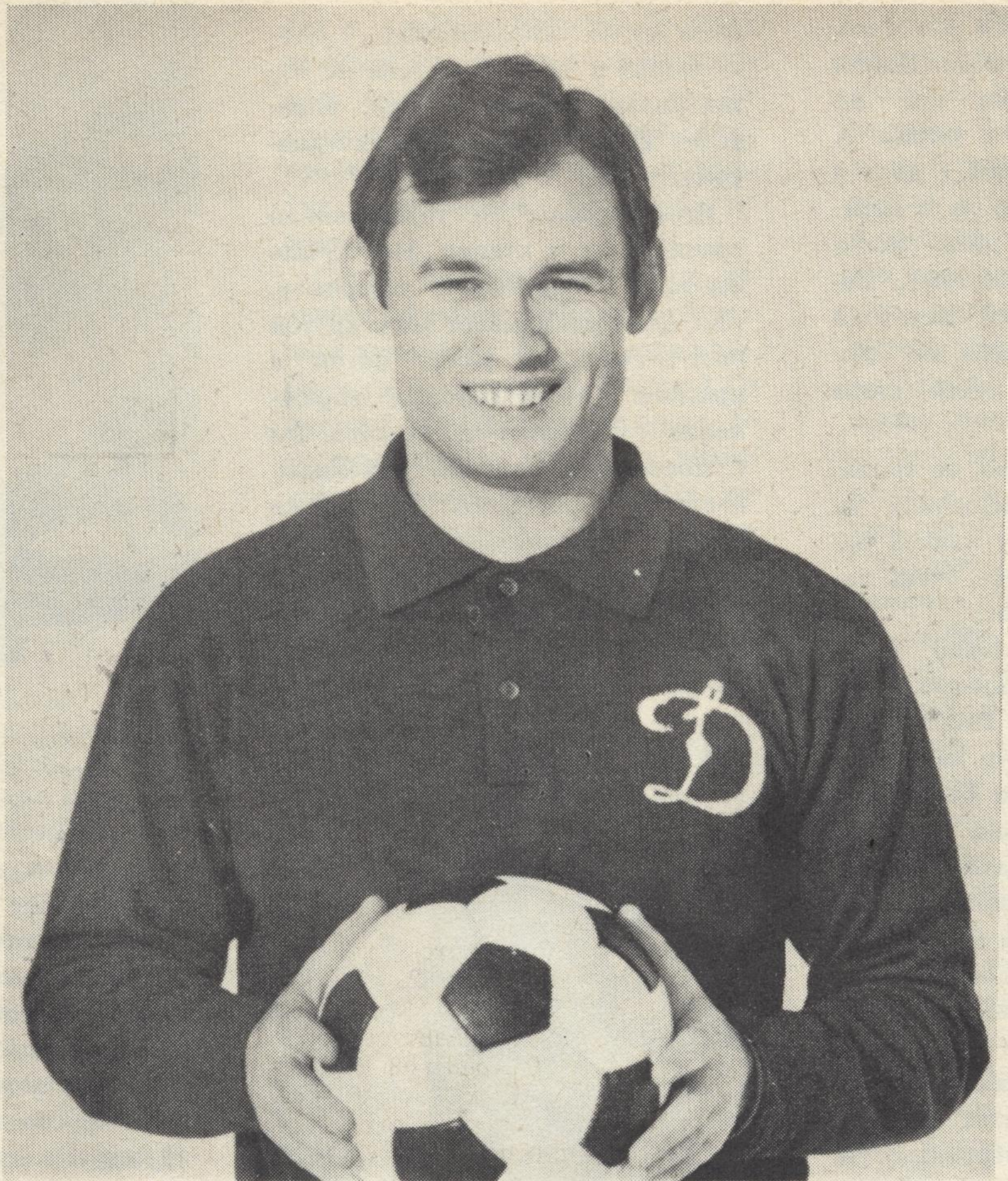
И все же, начиная игру, белые могут добиться ничьей. Как?

В этом положении у черных и белых материальное равенство, но позиция белых фигур активнее. Правильный план атаки может привести белых к победе. Найдите, как, начиная игру, белые побеждают.

**ПЕШКИН ЖДЕТ
 ВАШИХ РЕШЕНИЙ**

Владимир КОЗЛОВ

Был бы только мяч!..

Болельщикам футбольной команды «Динамо» (Москва) не надо объяснять, кто такой Владимир Козлов. А впрочем, этого, наверное, не надо объяснять и болельщикам из Киева, Ленинграда, Баку, Еревана. И у спартаковских поклонников сердце тревожно екает, и у торпедовских, и у армейских, когда на поле выходит этот ладно скроенный футболист — грозная динамовская девятка.

«Владимир Козлов — один из самых техничных советских футболистов» — так сказано в серьезном справочнике «Все о футболе». Он комсорг авторитетнейшей нашей команды. Трижды его имя упоминалось среди тридцати трех лучших советских футболистов. Пожалуй, можно с уверенностью сказать, что такие игроки, как Козлов, во многом определяют лицо нашего футбола...

Этот номер журнала выйдет в первые дни апреля — время для футболистов не очень уютное. И все-таки тебе пора уже серьезно приниматься за дело. Во-первых, конечно, ежедневная утренняя зарядка. Не очень тяжелые — футболист все-таки не штангист! — гантели помогут тебе быстро проснуться и целый день оставаться в бодром настроении. А еще рекомендую тебе упражнения со скакалкой. Мяч у нас хорошо прыгает, а мы должны еще лучше!..

Начало апреля, на дворе, может быть, еще снег. Многие скажут: «Какой тут футбол!» А вот

мальчишки моего поколения рассуждали по-другому. Честное слово, мы и дня не могли прожить без игры. Даже сейчас — кроме ежедневных тренировок под руководством тренера — по мере возможности почаще стараюсь играть у себя во дворе. Мне нравится азартная кипучая суতোлка мини-футбола. А где еще так отточить технику паса, обводку, разные финты. Дружеская «рубка» на пяточке перед домом — это и футбольный ликбез и в чем-то футбольный университет. А главное — здесь все игровое само входит тебе в кровь. Так что старайся побольше играть. И не просто,

а чтоб тебе интересно, весело было. Тогда постепенно придут импровизация, видение поля, футбольная хитрость.

Но вот однажды ты вышел во двор, а ребят нету. Не с кем потренироваться. Вроде бы и делать нечего... Нет! У того, кто по-настоящему любит футбол, дело найдется, был бы мяч!

Прежде всего научись жонглировать головой, ногами. Но только непременно помни о двух вещах. Первое: когда учишься жонглировать головой, выбирай мячик полегче, резиновый, например, такой, каким девчонки играют в штандер или в лягушки. Голова

ведь нужна не только для того, чтоб по мячу ею бить!.. Помни второе: жонглирование все же больше нужно артисту цирка. А футбол — это движение, да и противник не дремлет, да и партнеры ждут от тебя паса, решительных действий. Поэтому, пожонглировав немного, переходи к стенке... Забор у тебя во дворе найдется? Или глухая стена дома?

Стенка, честное слово, на тренировке во многих отношениях не хуже партнера. Я сам люблю работать у стенки. И тебе очень советую это упражнение!

Какие элементы можно здесь отрабатывать? Очень многие.

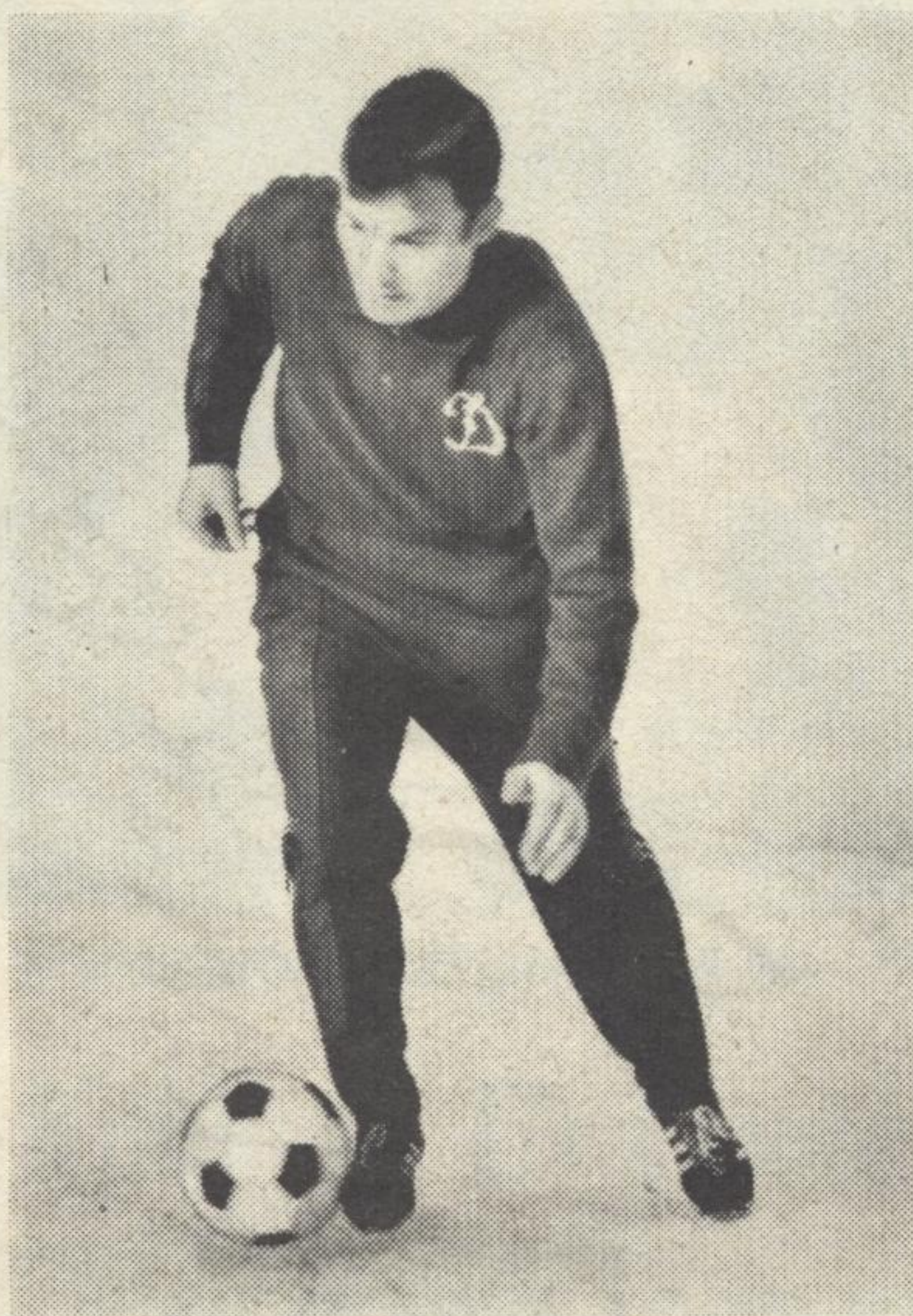
С чего же начнем? Пожалуй, с точности удара. Пометь на стенке какую-нибудь точку и бей: внутренней стороной стопы (щекой), внешней (шведой), подъемом, носком. Дай себе задание: посылаю мяч только низом (или только верхом). Когда почувствуешь, что дела идут неплохо, попытайся все это делать уже не на месте, а в движении. Вот ты «дал пас», мяч ударился о стену, летит немного в сторону (доски-то неровные). И даже лучше, что в сторону! Это партнер дал тебе ответный пас из сложной игровой ситуации. Скорее догнать мяч, обработать... А это очень важный элемент — остановка, обработка мяча: множество комбинаций срывается из-за того, что игрок не умеет как следует обработать мяч, подготовить его для удара по воротам.

Когда придет первый навык обработки, бей сильнее, чтоб и «ответный пас» сильным был, чтобы трудней тебе было. В игре всякое случается. А мяч на блюдечке с голубой каемочкой — это, пожалуй, только когда одиннадцатиметровый бьешь.

Удар по воротам. Его тоже очень удобно отрабатывать у стенки. Причем побольше бей с ходу, с лёту. Это едва ли не самое острое оружие нападающего. Но и удары с места тоже не забывай. И пенальти потренируй. Помнишь, как в прошлом году решалась судьба финального матча на кубок между «Торпедо» и «Спартак»? По одиннадцатиметровым!.. А помнишь, как наша команда в полуфинале европейского кубка обладателей кубков победила динамовцев Берлина? Также все ре-

шила дуэль пенальтистов!.. С этого сезона в нашем футболе не будет больше ничьих. Победу определит Его Величество Одиннадцатиметровый!

Игра головой. Ее тоже можно тренировать у стенки. Но лучше все-таки с партнером. Например, так: один накидывает мяч, другой бьет — сначала с места, потом в прыжке. Другое хорошее упражнение — футбольный волейбол. Вы с товарищем головой перекидываете мяч друг другу. Здесь даже можно соревнование устроить, чтоб интересней было. В каждой команде по два человека, и выигрывает та пара, у которой мяч дольше находится в воздухе.

Этот финт я подсмотрел у Эдуарда Стрельцова.

Особо хочется сказать о физической подготовке футболиста.

Это совершенная чепуха — думать: «Неважно, что я слабоват, зато футболист хороший». Нет, не бывает так! Не бывает хилых футболистов! Твоя главная задача сейчас — окрепнуть. Прежде чем всерьез выходить на зеленое поле, непременно получи значок ГТО...

Но вот окончена твоя тренировка: над техникой поработал, силу малость «покачал», напоследок пробежался. Скоро вечер. По телевизору футбол. Эта передача для тебя тоже может стать неплохим уроком... Нет, конечно, прежде всего ты болельщик — это понятно! Однако не зевай — приглядывайся к игре ведущих футболистов. Может, и удастся что-то подсмотреть!

Когда жонглируешь головой или даешь пас, старайся бить лбом.

А вот гляди, взял футболист мяч и водит его, водит. Кажется, что и сам-то он не знает, что же с ним делать дальше. Как страдает от этого красота футбола, его стройность, энергия, мысль! Смотри, смотри, ругай погромче того футболиста-индивидуалиста... И вдруг вспомни, как сам передерживал мяч в сегодняшней игре!..

Нет, футболист не должен, конечно, впадать в другую крайность — расставаться с мячом так же поспешно, как тренировочная стенка. И болельщики любят неожиданный финт и мы, игроки. В хорошем финте и красота и польза. Обведешь двух-трех противников, сразу чувствуешь — голлом запахло!..

И все-таки больше всего запоминаются голы комбинационные. Такое удивительное, ни с чем несравнимое чувство возникнет — глубочайшее взаимопонимание, футбольное товарищество. Мне вспоминается матч 1968 года. Против нас играл «Зенит». В один из моментов я получил мяч примерно в центральном круге. А Геннадий Еврюжихин (будто спиной все увидел!) сделал стремительный рывок по правому краю. Я тоже не мешкал: дал ему длинный пас на выход, чтобы он при приеме мяча скорости не терял, а сам помчался что есть духу по центру в штрафную площадь. Хоть Еврюжихин ничем и не выдавал своих намерений, хоть он и не видел, конечно, меня, я знал:

*Посылаешь корпус влево,
а потом резко вправо...
и — противник за спиной.*

будет передача в штрафную. И я несся туда как только мог быстро.

Но соревноваться с Геннадием в скорости — это дело почти безнадежное. Да у него еще «фора» была в несколько метров. Однако тут я, как говорится, сумел прыгнуть выше головы — пробежал, наверное, самые быстрые пятьдесят метров в своей жизни! Но вот же как бывает: я все равно не успевал к этой передаче!.. Чувствовал, что не успеваю!.. И тут Гена, с ходу обыграв своего сторожа, вдруг сделал паузу: занес ногу над мячом, но не ударил. Сколько это продолжалось? Может, полсекунды, может, даже меньше. Но этого крохотного кусочка времени хватило мне для последних двух отчаянных шагов. Уже защитник, обыгранный Еврюжихиным, опомнился и сейчас-сейчас должен был выбить мяч на угловой. И он, кажется, даже сделал подкат. Но выбил за линию ворот уже не мяч, а Гену. Этого я, честно говоря, уже не видел. Я в этот момент подпрыгнул, прогнулся хорошо и ударил головой. Мяч так и вонзился в ближнюю девятку...

А теперь я хочу поговорить с вами о том, о чем и говорить не хочется... Возвращаясь с тренировки, я часто вижу на бульваре мальчишек, которые... курят! Мне обидно за этих ребят. И я вам честно заявляю, курящее пацанье, из вас футболистов не получится. Будь ты хоть десять раз способный, а не получится! Я не первый

год в команде мастеров и знаю: курильщики, нарушители спортивного режима в футболе не задерживаются. И не думай, друг, что ты каким-то чудом станешь тут исключением. Нет, не станешь!..

Спорт многого требует от человека. Хочешь добиться серьезного успеха, от многого откажись. От чего же в первую очередь? От пустого времяпрепровождения, от бессмысленного стояния в подворотнях, в подъездах. Такими вещами спортсмену, футболисту заниматься решительно некогда. У него дел по горло! Тренировки бе-

Удерживать неподвижный мяч на голове. Это у тебя, пожалуй, получится не сразу.

рут не только много времени, но и много сил — тут уж скрывать нечего. Значит, надо хорошо отдохнуть, восстановиться... А на занятия время, а на книги? И в кино сходить хочется, и в театр, и у телевизора вечеров посидеть. Ох, как тяжело бывает иной раз начинать суровый, но необходимый отбор: на этот фильм не иду — некогда; книга, говорят, интересная, но пустовата. Не буду ее читать!.. И так далее и так далее. И выключаешь заманчивый теледетективчик, берешься за физику. Говоришь вдруг в компании: «Извините, ребята, режим!» — и уходишь и слышишь в спину насмешливое: «Нашему ребенку пора бай-бай!» А ты еще должен не разозлиться, а то долго не уснешь...

Часто спрашивают: легче учиться спортсмену или трудней? Однозначно на этот вопрос не ответишь. Конечно, работоспособность у тебя раза в три выше, чем у того, кто боится холодной воды и чистого воздуха. Но время — так его оказывается мало. Говорят: береги честь смолоду. Наверное, и время тоже смолоду надо беречь. Особенно, если есть в жизни большая цель. А большой спорт — об этом я заявляю уверенно и во весь голос — это большая цель.

Трудно стать мастером. И не каждому это по плечу. Но если чувствуешь в себе силы, — смело вперед! В спорте, и особенно в футболе, есть какая-то, не понятая еще человеком притягательная сила. Шутка ли: сотни тысяч болельщиков на стадионах, миллионы у телевизионных экранов (миллионы!) откладывают все свои дела, чтобы посмотреть матч. Заводы перевыполняют планы, когда побеждает любимая команда. А кто-то там смеет говорить, что футбол — дело десятое. Нет, не десятое, раз он так нужен людям. Каждый матч — большая ответственность. Мы всегда об этом должны помнить — и нынешние и будущие футболисты.

**Фотографии
В. ПОСТНИКОВА.**

Сколько раз так надо ударить? Сто, тысячу?.. Пока не получится — вот сколько!

Международный пионерский клуб «Товарищ»

ПЕСНЮ ПОЮТ МИЛЛИОНЫ

Есть такое выражение: «Песню поют миллионы». И мне довелось однажды слышать, как мою песню пел миллион человек.

На заключительном митинге Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Берлине в 1951 году молодые люди из разных стран стояли на площади Маркса — Энгельса, на Унтер ден Линден и других прилегающих улицах. Подняв кверху руки, сплетя их и, казалось, раскачивая площадь, они пели «Гимн демократической молодежи» — каждый на своем языке.

От волнения я зачем-то выскочил с трибуны и стоял на ступеньках лестницы. Песня была уже не моя: пробежавший мимо кинорежиссер Иван Пырьев толкнул меня локтем и сердито прикрикнул: «Чего стоишь, не видишь, «Гимн» снимаю!»

...Дело было в 1947 году. Готовилась невиданная до того международная встреча — Первый Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Праге. К этому фестивалю решили провести всемирный конкурс на лучшую песню.

Мы с композитором Анатолием Новиковым уже несколько лет работали вместе: писали военные песни, лирические, сочинили «Футбольную песенку», «Скажи, сынок» и одну из самых дорогих для меня — «Дороги». Мы решили попробовать написать песню для фестиваля.

Помню, как я искал слова и наконец недели через две принес их Новикову. Задача была непростая, надо было написать по сути своей комсомольскую песню, такую, чтобы комсомол видел в ней свои идеалы, свои думы и чувства. В то же время эту песню должны были подхватить демократически настроенные юноши и девушки разных стран, часто по своей идейной сущности еще далекие от комсомола. Слова должны были быть высокими и в то же время человечными и простыми.

Новикову стихи понравились.

— Я завтра же напишу музыку, — сказал он.

Но наступило завтра и послезавтра... Прошла неделя, вторая... Музыки не было. Наконец Анатолий Григорьевич позвонил мне и сказал

Знаменитые берлинские часы на Александерплац. Они показывают год, месяц, день, час, минуту, секунду на любом меридиане земного шара. Берлинцы все чаще поглядывают на них: до Всемирного фестиваля осталось мало времени!

мрачноватым голосом: «Приезжай послушать». Я приехал взволнованный, ожидая услышать готовую песню.

Новиков сел к роялю, заиграл... И вдруг я услышал, что только первые строки музыки написаны на мои стихи, а дальше композитор ушел совсем в другие ритмы. Но музыка была отличная, романтическая. В ней был драматизм, что-то от «Карманьолы» и от русских революционных песен.

— Ну как?! — спросил Анатолий Григорьевич.

— Это же не на мои слова...

— Как же не на твои? Слушай!

И Новиков снова стал играть музыку.

— Это же всё твои мысли!

Слова пришлось писать, по существу, заново. Времени было мало, мы едва успели закончить песню и дать разучить ее Георгию Абрамову.

И вот первый тур. Многочисленное жюри восседало с непроницаемыми лицами. Нас позвали. Абрамов спел песню. Мы вышли. Потолкавшись немножко в коридоре, мы уже собрались уходить домой, как вдруг из комнаты жюри вышел один из организаторов и подошел к нам.

— Вас просят подождать. Не поняли песню.

Песня была исполнена второй раз, и мы ушли грустные, уверенные, что у нас ничего не получилось. Но песня все-таки прошла на второй тур.

Второй тур должен был быть недели через

две. У нас было время еще и еще раз подумать. А подумать было над чем. Дело в том, что припев песни написан вопреки всем законам песенного творчества: он весь состоит из шипящих букв. Помните?

**Песню дружбы запекает молодежь,
Молодежь, молодежь,
Эту песню не задушишь, не убьешь,
Не убьешь, не убьешь.**

Какая удача, что есть еще две недели! Я решил переделать припев. Согласен был с этим и Новиков.

Все остальные дела были отодвинуты. Я написал чуть ли не двенадцать вариантов припева. И вот прихожу к композитору.

Отпечатанные на машинке тексты поставлены на рояль. Новиков поднял руки, чтобы ударить по клавишам и проверить звучание каждого слова. Но вдруг он сказал:

— Да, сегодня я встретил одного из членов жюри, совсем не музыканта. А он мне говорит: «А, не задушишь, не убьешь, здравствуйте!»

«Математика — отлично! Химия — отлично! Русский язык — отлично!» Отличной учебной, хорошими делами встречают пионеры-тельмановцы X Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

Припевы, которые я принес, были вполне вокальны. Но, сколько мы ни пробовали их петь, чего-то главного в них не было. Силы!

Я вспомнил слова Маяковского: «Есть еще хорошие буквы «Р», «Ш», «Щ» — и оставил первый вариант припева.

Гимном песня стала не сразу. Сначала, отобранная в Москве в числе трех, она была избрана песней фестиваля в Праге, а потом уже Конгресс ВФДМ объявил ее гимном федерации.

Судьба ее завидна и удивительна. Не знаю, есть ли язык, на который бы она не была переведена. На одном из фестивалей я слышал, как ее исполняли жители острова Мадагаскар — мальгаша — на своем языке. А многие ли из вас знают о существовании мальгашского языка?! Для меня, например, это было открытие.

Самым дорогим для нас, авторов, в этой песне то, что она помогла открыться друг другу многим разноязычным, разноплеменным человеческим сердцам.

Лев ОШАНИН

The illustration is split into two horizontal sections. The top section shows a dark-hulled ship with a white superstructure and a tall mast with a cross-like structure at the top, sailing on a greenish sea. The background consists of rolling hills. The bottom section shows a diver in a dark, heavy diving suit and helmet, working on the hull of a sunken ship. The diver is holding a tool. The ship's hull is covered in red star-shaped marks, representing damage. The water is dark green with some white star-like highlights.

«ТАШКЕНТ»

летом 1944 года, после освобождения Новороссийска.

Сутками мы не возвращались на базу, по шесть — восемь часов не выходили из-под воды. «Ташкент» — славу и честь Черноморского флота — необходимо было поднять, дать ему новую жизнь.

Наконец «Ташкент» поднят, от места гибели отведен на мелкое место и там посажен на грунт.

Теперь начиналось, пожалуй, самое трудное. Необходимо было заделать все пробоины в корпусе, потом мощными помпами откачать из него воду... и корабль всплывет!

В «Ташкент» попала бомба весом в тонну, а несколько бомб меньшего калибра разорвались рядом.

И вот основная пробоина заделана. Однако оставалось множество мелких, необнаруженных. Попробовали откачать воду, но ничего не вышло. Корабль тек, как решето! Наша молодежно-комсомольская группа «легких» водолазов стала искать эти пробоины.

Рано утром, сменив кислородные баллоны и химпоглотитель в аппаратах ИСМ¹, проверив снаряжение, мы на водолазном боте отправились к месту работ.

Пришвартовались к борту «Ташкента», и я стал готовиться к погружению. На меня надели гидрокомбинезон, аппарат (на этот раз работы производились в легко-водолазной аппаратуре), сигнальный конец², грузы... Как пингвин, шлепая по палубе отяжелевшими ногами, я направился к люку, который вел внутрь корабля, заполненного водой. Вода темнела в нескольких сантиметрах от палубы. Человек десять такелажников подтянули к люку двенадцатидюймовый шланг с огромным чугуном храпом³, который я должен был протянуть к самому днищу корабля.

На сигнале у меня стоял молодой водолаз Геннадий Диденко. Он служил по первому году после окончания водолазного училища. Втайне Генка жалел, что попал сюда. Ему хотелось на фронт, в разведчики.

— Тоже мне, — говорил он, — опускаешься, точно в мякину. То ли дело на фронте: рванул из автомата — и все... А здесь?.. Тишь да гладь... Тоска, а не служба!

Он с обычным для него скучающим видом

...Много связано с этим именем. Эсминец — лидер Черноморской эскадры. По вооружению — легкий крейсер со скоростью до сорока четырех узлов в час (то есть около восьмидесяти километров).

Эсминец-легенда, окрещенный фашистами «Голубой неуловимый русский крейсер». Его-то и довелось мне поднимать с друзьями-водолазами в составе шестьдесят восьмого аварийно-спасательного отряда Черноморского флота

¹ Аппарат ИСМ-1943 г. — типа акваланга, работающий на кислороде. Во время работы должен висеть на груди.

² Конец — на флоте так называют веревку любой длины.

³ Храпок — всасывающее приспособление.

взял в руки сигнал, и я по трапу начал спускаться в люк, погружаясь в черную масляную воду, руками направляя за собой чугунный храпок. Сверху такелажники медленно потравливали шланг.

Нас было в этой темноте двое: я и чугунный храпок. Он, как живой, двигался за мной. Пройдя несколько метров вниз по трапу, я оказался на второй палубе корабля. Нащупал люк, ведущий в следующий отсек, и, подтащив к нему храпок, за которым гигантской змеей полз шланг, двинулся глубже. Шланг неотступно полз за мной, направляемый сверху десятками умелых рук.

Вот и третья палуба, под ней днище корабля. Третий люк совсем узкий: висящий на груди аппарат мешает мне протиснуться в него. Опять подтаскиваю к лючиче храпок, отстегиваю поясной ремень и, чтобы пройти в лючину, поднимаю аппарат над головой.

Люк пройден. В отсеке свободно, пристегиваю аппарат, дергаю два раза сигнал — «травите шланг». Диденко отвечает, дергая два раза, — «понял». Храпок медленно ползет за мной. Ногами нащупываю днище, которое все затоплено илом, перемешанным с обломками палубы, обшивки и вообще всякой дряни, образовавшейся в результате взрывов. Ноги и руки липко вязнут в этой мути. Вокруг нащупываю «кницы» — огромные металлические угольники, крепящие шпангоуты (ребра корабля). Чувствую себя, как у стальной акулы в чреве.

От абсолютной темноты перед глазами прыгают зеленые, красные и оранжевые искорки. Водолазу в девяноста девяти случаях из ста, особенно на судоподъеме, приходится работать в абсолютной темноте. К этому привыкаешь. Руки начинают словно бы видеть предметы, а глаза просто закрываешь, вернее, они сами закрываются: так лучше соображать. Ритмичный стук моего сердца нарушает тишину.

Мертвый гигант молчит. Все говорит о смерти и тлении. Особенно противен ил, проползающий между пальцев кисельной гнилью. Необходимо закрепить храпок выше слоя ила, чтобы при откачке шланг не забило. Действую на ощупь.

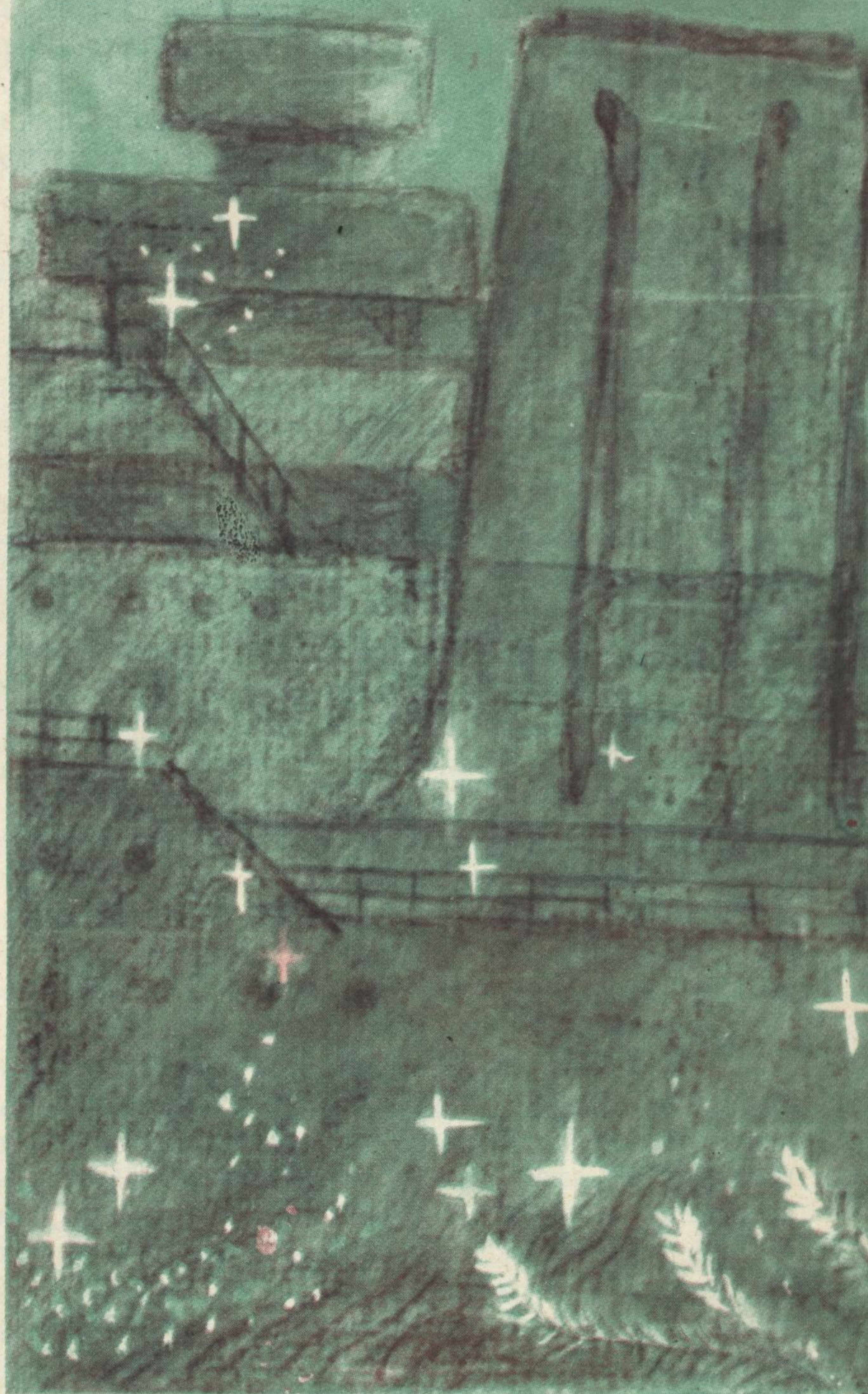
Вот работа закончена. Кислорода еще минут на двадцать пять — тридцать, все в порядке. Я не спешу.

Ощупывая руками темноту, медленно пробиваюсь к трапу, ведущему на поверхность. Проводником служит сигнальный конец. Я уже дал Диденко сигнал, дернул три раза — «выхожу наверх». Сигнальный конец плавно подтягива-

Олег ТУМАНОВ

РАССКАЗ

Рисунок П. Панченко.

ет меня, помогая ускорить движение. Вот и трап, рядом — «вижу» это пальцами — извивается к лючине шланг. Его ребристая поверхность пульсирует под рукой, это наверху пробуют запустить помпу: будем откачивать из заданного отсека воду.

Шланг да тонкий сигнальный конец — вот все, что связывает меня с жизнью наверху, ни радио, ни телефон в легко-водолазном деле тогда еще не применялись. Но и сигнальный ко-

нец тоже неплохая вещь, я все время чувствую живую руку Диденко.

Когда на сигнале «сидит» опытный водолаз, он очень хорошо понимает водолаза, находящегося на грунте. Как тут сказать? С «полуслова», что ли... Он может безошибочно определить, что делает в это время товарищ под водой: нагнулся или стоит прямо, двигается или на месте выполняет какую-то работу. Может даже определить, какую именно! Но, конечно, такое постигается не за год и не за два...

Мотористы заливали шланг, пробуя запустить помпу. У люка, укрывшись полущубком — с гор потягивал легкий норд-ост, — сидел Диденко, напоминая пушкинского чертенка, который опустил в море веревку и собирается мутить воду... Все кругом было буднично, спокойно. Такелажники приводили в порядок освободившиеся концы, койлая их по солнцу (на флоте веревку сворачивают только так). Мотористы сутились около помпы. Подходили и отходили катера и водолазные боты, работы велись во всех концах корабля...

К Диденко подошел старшина Николай Лысенко, небольшого роста, коренастый. Это был опытный подводник.

— Ну как? — спросил он.

— Ничего не пойму, товарищ старшина, третий раз дает сигнал «выбери слабину». Я пробую, а ее нет.

— Ну-ка, дай сигнал!

Конец в руках старшины скоро ожил — дернулся и затрясся: выбери слабину! Лысенко потянул, но слабины не было. Что же так упорно — раз за разом — хотел передать ему водолаз? Вот опять: выбери слабину! Но конец и так натянут!

— Ну что? — волнуясь, спросил Генка.

— Сам не понимаю... Подождем.

Через несколько секунд сигнал повторился, потом еще и еще...

Такелажники бросили койлать концы, мотористы заливать помпу, подошли другие водолазы. Все собрались вокруг люка, глядя в черноту маслянистой воды. На ней плавно расплывались серебристо-вороненные круги бензина. Тишина висела над люком, как мыльный пузырь.

Сердце било ударами колокола. Перед глазами прыгали искры, мысли путались. Веселенькое положение. У меня началось кислородное голодание. Я делал медленные полные вдохи, стараясь привести мысли в порядок.

Я хорошо понимал свою ошибку. Сначала мне надо было опустить шланг, а затем уже идти самому. Это же азбука водолаза! Однако я с беспечностью, присущей двадцатилетним, полез в люк первым, протягивая за собой шланг. И теперь он закрыл собой выход наверх. Я оказался в плену мертвого стального гиганта. В нашем коде не было сигнала «выберите помповый шланг». Обычно в непредвиденных случаях мы сами придумывали сигналы, дополняя ими код. Но сегодняшнее задание было настолько обычным!.. Словом, я не мог передать нужную команду и сам себя приговорил к смерти.

Несколько раз с интервалами я передавал наверх: «Выберите слабину сигнального конца». Сверху, дублируя сигнал, отвечали, что поняли, конец натягивался, но, почувствовав мое тело, опять ослабевал.

«Неужели, — думал я, — они не догадаются выбрать шланг?»

Несмотря на то, что я пытался дышать реже и глубже, дыхание учащалось, сердце готово было выскочить из груди.

До полного кислородного голодания оставались минуты. А там... Надо было скорее что-то придумать!

Один за другим я перебирал все свои шансы... Их не оставалось. Помощь могла прийти только сверху... Три раза дернуть сигнальный конец: это означает «подъем» и еще «тревога».

То, что у меня кислород на исходе, Диденко, конечно, знал, наверняка уже вызван аварийный катер с водолазом-сварщиком... будут резать борт... иначе меня не вытащить. Успеют ли?.. Нужно экономить воздух...

Но что же там наверху? Неужели не догадываются?..

И, точно отозвавшись на мой вопрос, чугунный храпок, уже давно отвязанный мною от кницы, зашевелился и пополз вверх к люку... Сердце запрыгало от радости. Наконец-то поняли!

«Давай, давай, братцы! Давай!»

Но, проползая несколько метров, храпок остановился, как бы раздумывая, что ему делать дальше, и беспомощно повис, уперся в днище своей чугунной головой.

Хотелось закричать: «Тащите! Тащите!» Но кто услышит этот крик!

Оставалось одно — ждать! Но, пожалуй, скорей дождусь конца кислорода...

Выбрав потихоньку слабину сигнала, я снова послал наверх позывной.

Шланг ожил, опять пополз кверху, теперь настойчивее и решительней, как бы не сомневаясь в своих действиях. Но вот послышался удар металла о металл, что-то заскрежетало, и наступила пугающая тишина.

Я пробрался к люку, дрожащими руками пытаюсь в темноте нащупать храпок и шланг. Шланга в отсеке не было, значит, его уже вытащили... Что же случилось? Руки нащупали храпок, он остановился в самой лючине. Сбоку, у соединения храпка со шлангом, торчала металлическая скоба, это она зацепилась в лючине и держала храпок. Наверху продолжали тащить, шланг натянулся и дрожал. Я понимал, что скобу, несмотря на усилие десяти, а может быть, и более людей сорвать не удастся. Видимо, поняли это и наверху. Шланг ослаб, и скоба отошла от люка. Но выход по-прежнему оставался закрытым.

Наверху, наверное, совещались.

Мне совещаться было не с кем, я что-то должен был сам придумать и сделать. Упершись ногами в угольники книц, а головой и руками в храпок, я попытался вытолкнуть его из люка. Для этого необходимо было согнуть двенадцать

тидюймовый шланг, проложенный внутри стальной спиралью. Я знал: одному человеку это сделать невозможно...

Споры гриба взламывают бетон, стремясь навстречу солнцу... Нечеловеческие силы согнули шланг... Храпок выскочил из люка. Наверху почувствовали это, стали выбирать его.

Через минуту я был уже на палубе!

«Боже мой, — думал я, лежа на спине, и, как рыба, хватая воздух, — какой же он свежий. А солнце?.. Красное-красное... А друзья!!! Весь отряд здесь!..»

Вот этот, с тонкими щегольскими усиками боцман Нодар Гиошвили, «пижон», как он рад... А моторист Айзматов? Бросил компрессор и прибежал! Вон рот до ушей растянул... А

ты, суровый и загадочный старшина Лысенко, ты и впрямь немного похож на Тараса Шевченко, недаром в кармане у тебя всегда «Кобзарь». И никакая ты не загадка, а просто добрый человек. А Генка Диденко, как гоголевский парубок, побледнел, точно ведьму увидел. Вот тебе, Гена, и тишь да гладь... А кто там с хитрющей улыбающейся физиономией?.. Да это же Эдька Кесоян, водолаз-сварщик... прискакал... небось, решил: все, борт вырезать придется!.. Какие они все... Чудаки!.. Я — живой!»

— Что, динозавры, думали, капут? — сказал я вслух, и тишина разорвалась грохотом смеха.

А ведь если разобраться, особенным остроумием эти мои слова не отличались!..

Слышатъ голос трубы!

Из писем Вале Осокину, который сейчас лежит в больнице.

Валь, здравствуй! Скоро ты поправишься? Без тебя я в дневник ни строчки не могу написать почему-то, а событий накопилось уйма. Где ты эту скалатину проклятую подцепил?

Валь, за это время к нам приезжали октябрюта из нашей подшефной школы, помнишь, куда мы ездили в осенние каникулы, из Степенькова. Это мы, наш отряд, их пригласили. И, представляешь, Ванюшка Васенков чуть не заплакал, когда узнал, что ты в больнице. Он тебе подарок привез — человечка из коры. Этот человечек тебя дожидается. Октябрюта на субботу и воскресенье разобрали все наши по одному. И Ванюшка ночевал у меня. Был для них и музей, и Дом пионеров, и в нашем штабе праздник. Хорошо получилось!

А еще был такой случай. Мы в штабе делали карту ударных комсомольскихстроек — электрическую, конечно, для выставки «Мое Отечество — СССР». И сами не заметили, как наступило десять часов вечера. И вдруг — стук-перезвук — открывается дверь, и на пороге сразу две мамы. Одна Нели Лабуховой, другая Марины Квартальной. Понятное дело, пришли ругаться, но посмотрели-посмотрели, как мы орудуем, разделись и давай нам помогать. Смешно так было. Одна требует: «Дайте клею!». Другая: «Да не рвите из рук! Мне кисть самой нужна!»

Валь, жалко, что нельзя тебе отвечать на письма. Наши все спрашивают: «Ты друг или не друг? Придумай, как получить от него (от тебя то есть) хоть два слова». А как?

Тебе передают привет все наши ребята, и Нина, и Саша Александров, и Ангелина Андреевна.

Валь, салют!

Слова, которые ты передал через больничную нянечку твоей маме, а мама нам, Лена написала на целом листе ватмана. И все приходили в класс, и расплывались, и радовались, и веселились, а Нина Николаевна (ее первый был урок) пришла, прочитала и говорит: «Он мужественный мальчик, ваш товарищ». Игорь Моисеевич сказал: «Передайте Осокину от меня поклон». Вот так-то!

Вообще я, Валь, заметил, что учителя у нас стали другие. Относятся к нашему классу с уважением. А что? Двоек-то в шестом «б» ни одной! Валь, у нас была целая грака из-за предметов. Предметов меньше, чем людей в классе, и все расхватывали их, чтобы тебе помочь погнать, что пропустил. Вот когда кое-кто пожалел, что учится не очень. Щагин говорит: «Всегда все отличникам. Что, мне по физкультуре Вальке помогать?»

У нас новое дело: «Тимуровский пост» в овощном. Там мы повесили объявление, где говорится, что всем, кому трудно нести тяжелые сумки, мы поможем. Жаль только, покупатели стесняются. Выручают родители, которые нарочно прикидываются незнакомыми: «Мальчик, поднеси мне». А за ними старушки потянулись.

Вчера дружинный штаб Тимура сказал про нас по радио: «Кто ищет дела, тот найдет. Шестой «б» нашел. А ты?»

Валька! Жизнь разворачивается. Выздоровливай скорей, без тебя очень скучно.

Твой друг АНТОН.

Из письма Нели Лабуховой

...В среду у нас был сбор звена. Наверно, тебе это самое интересное. Вот я про это и решила написать. Сбор, мы попросили Мишу Касьянова, можно ли провести в штабе? Он согласился. Тему мы выбрали интересную: «Разговор начистоту о твоём говарище». Но что тут нужно говорить, мы сначала не знали. Когда все товарищи сидят у тебя перед глазами! Но Огаров, раз он звеньевой, должен же вести сбор. Он и говорит: «Ребята! Кто хочет сказать?» А мы молчим. И тут Саша Большой из своего уголка: «Я хочу сказать об одном своем друге из вашего звена». И стал говорить, что он верный друг, никогда не оставит товарища в беде, что он всегда старается для всего отряда и для звена. «Догадались, о ком я говорю?» — спрашивает Саша. Мы говорим: «Догадались!» Саша улыбнулся: «Ну, какая у этого человека самая главная черта характера?» Огаров говорит: «Это серьезный человек». А Ежов кричит: «Смелость!» А Оля Степанян сказала: «Любовь к музыке». И тут все загалдели и засмеялись: «Какая тебе любовь к музыке?!» И оказалось, что Оля говорила про меня! А Петька хотел сказать про Антона. А Ежов — про Огарова. А я хотела сказать, только не успела: «Доброта», — про тебя. Вот какой у нас получился сбор. И вышло, что все мы друг с другом гружим. И еще я хочу сказать, что с тобой очень-очень гружу. А ты со мной гружишь, Валька?

А потом мы говорили про каждого критически. Мне сказали, что я очень самолюбивая. Но я уже, наверно, не такая самолюбивая, потому что я сказала, что исправлюсь. И обижаться не стала ни на кого...

ЧЕТВЕРТАЯ ОЛИМПИАДА

ОЛИМПИАДА • ОЛИМПИАДА • ОЛИМПИАДА •

ТРЕХ

ОЛИМПИАДА • ОЛИМПИАДА • ОЛИМПИАДА •

НЕИЗВЕСТНЫХ

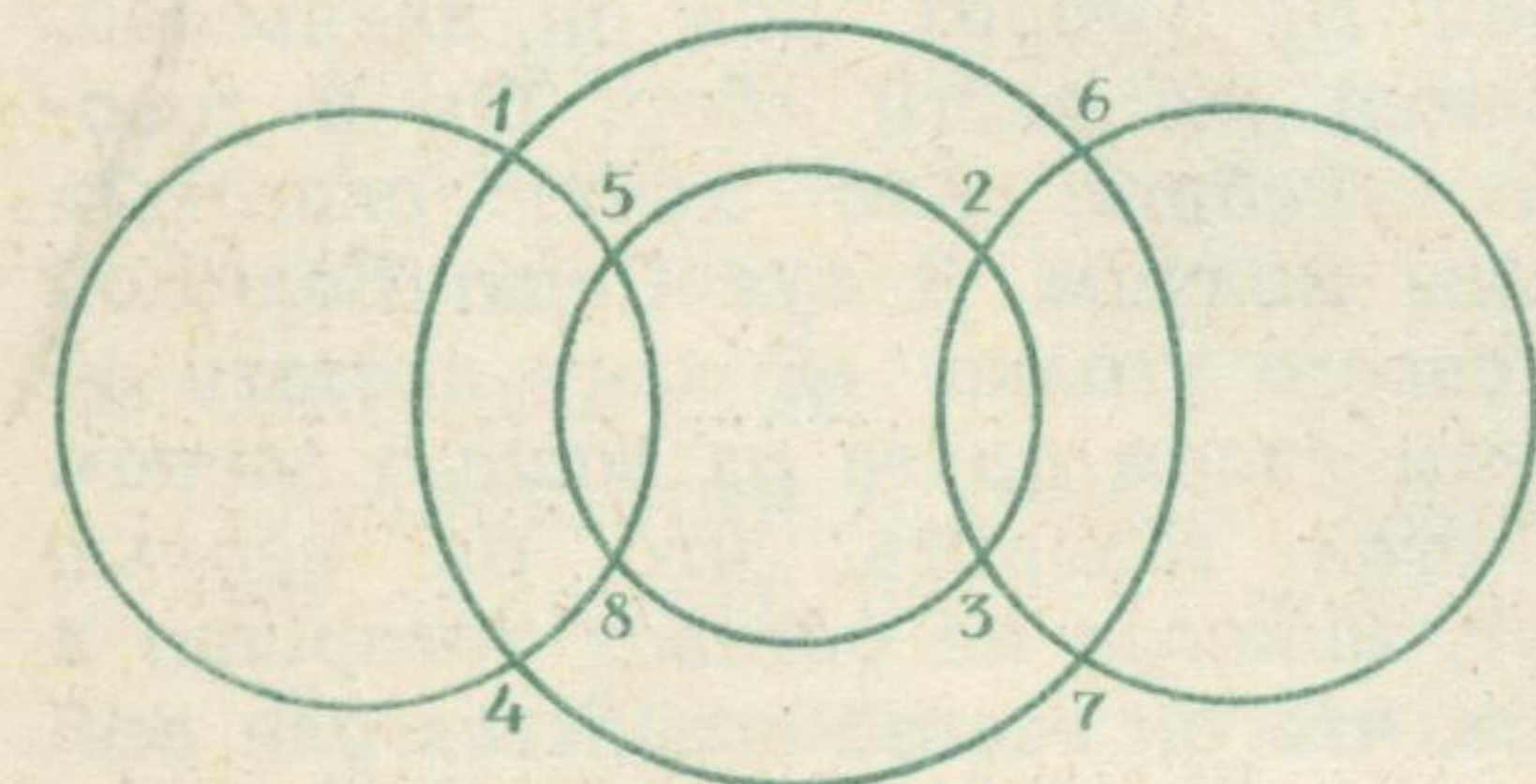

Ответы и решения

Итак, наше жюри снова за работой, изучаются сотни ваших писем с решениями. Как всегда, обещаем ответить каждому из вас. А пока сравните наши решения и ответы со своими. Но помните, что для любой задачи можно найти много решений, правильных и разных!

МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ

Вот решение ученика вечерней математической школы. Пусть брат старше меня на X лет. Значит, ему было столько лет, сколько мне сейчас, X лет назад. Я тогда тоже был на X лет моложе, чем теперь, и, значит, на $2X$ лет моложе, чем брат теперь. А по условию был ВТРОЕ моложе, чем брат теперь. Значит, эти $2X$ лет составляют $\frac{2}{3}$ нынешнего возраста брата, а X составляет $\frac{1}{3}$. Мне было тогда X лет, теперь мне $2X$, брату $3X$. А когда мне станет $3X$ лет, брату станет $4X$ лет, и вместе нам $3X + 4X = 7X = 49$ лет, откуда $X = 7$, $2X = 14$ и $3X = 21$. Мне сейчас 14 лет, а брату 21 год.

РАССТАВЬТЕ ЧИСЛА

- а) Одна из расстановок — на рисунке.
- б) Получить другие расстановки можно, например, так: поменять местами числа 1 и 4; или же 5 и 8; или же одновременно поменять местами 1 и 5, 4 и 8, 2 и 6, 3 и 7...
- в) Всего существует 768 различных расстановок.

В ГОСТЯХ У ПЕШКИНА

а) Можно расставить 32 ладьи на полях одного цвета — например, на черных.

б) Докажем от противного, что нельзя расставить 31 ладью так, чтобы удовлетворить условию. Допустим, такая расстановка возможна. Среди 16 рядов — вертикалей и горизонталей — найдем ряд, в котором ладей меньше всего (если таких несколько, выберем один из них). Будем считать, что это горизонталь (проведите рассуждения сами в случае вертикали). На ней менее 4 ладей (иначе в каждой горизонтали не меньше 4 ладей, а всего их не меньше 32). Рассмотрим самый трудный случай — на горизонтали 3 ладьи. Соответствующие ей пустым полям 5 крестов содержат не меньше 8 ладей каждый, значит, вертикаль каждого креста — не меньше $8 - 3 = 5$ ладей, а 5 вертикалей — не меньше 25 ладей. Остальные 3 вертикали содержат по крайней мере по 3 ладьи (почему?). Всего получается $25 + 9 = 34$ ладьи или больше. Противоречие. Рассмотрите сами случай, когда «минимальная» горизонталь содержит 0,1 или 2 ладьи.

ЗАМЕЧАНИЕ ДЛЯ ПЫТЛИВЫХ УМОВ. Попробуйте обобщить задачу на случай доски $n \times n$ полей и решить ее.

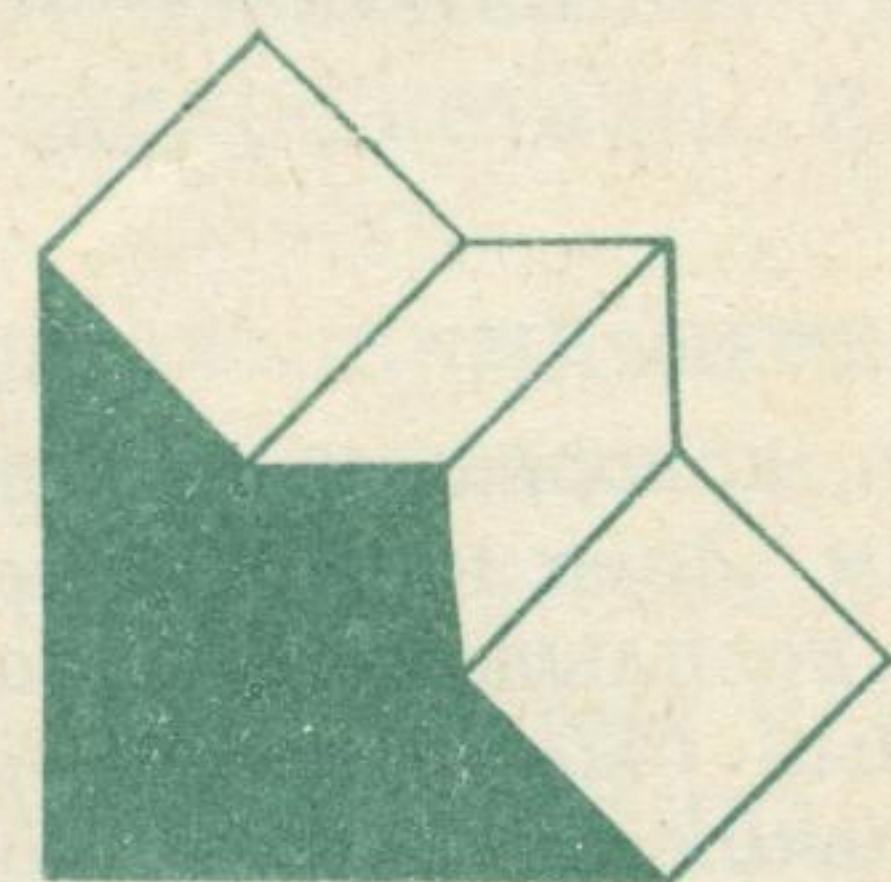
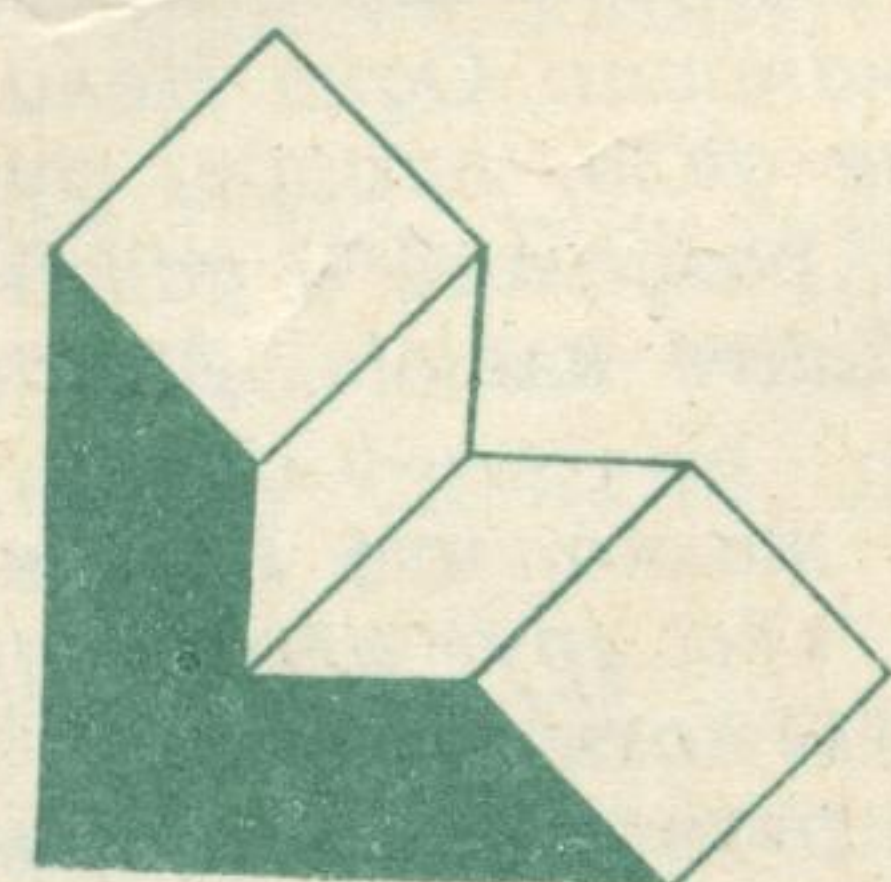
Королевская семья могла действовать так. Сын королевы положил груз в корзину, та опустилась, он вскочил во вторую и очутился внизу. Затем снова спустили вниз корзину с грузом, и сын встал в эту же корзину. Дочь села в другую корзину и через мгновение была уже у подножия башни, а на ее месте висел сын с грузом. Он влез в окно, груз упал, сын спустился во второй корзине, но не стал выходить из нее. Туда же вскочила дочь, а наверху в корзину с грузом села королева. Вот она спустилась, а сын с дочерью опять очутились в каморке. А потом они перебрались вниз уже известным способом.

ДВЕ ДРОБИ

$$\frac{8027 - 7077}{1973 + 7077} = \frac{950}{9050} = \frac{19}{181}$$

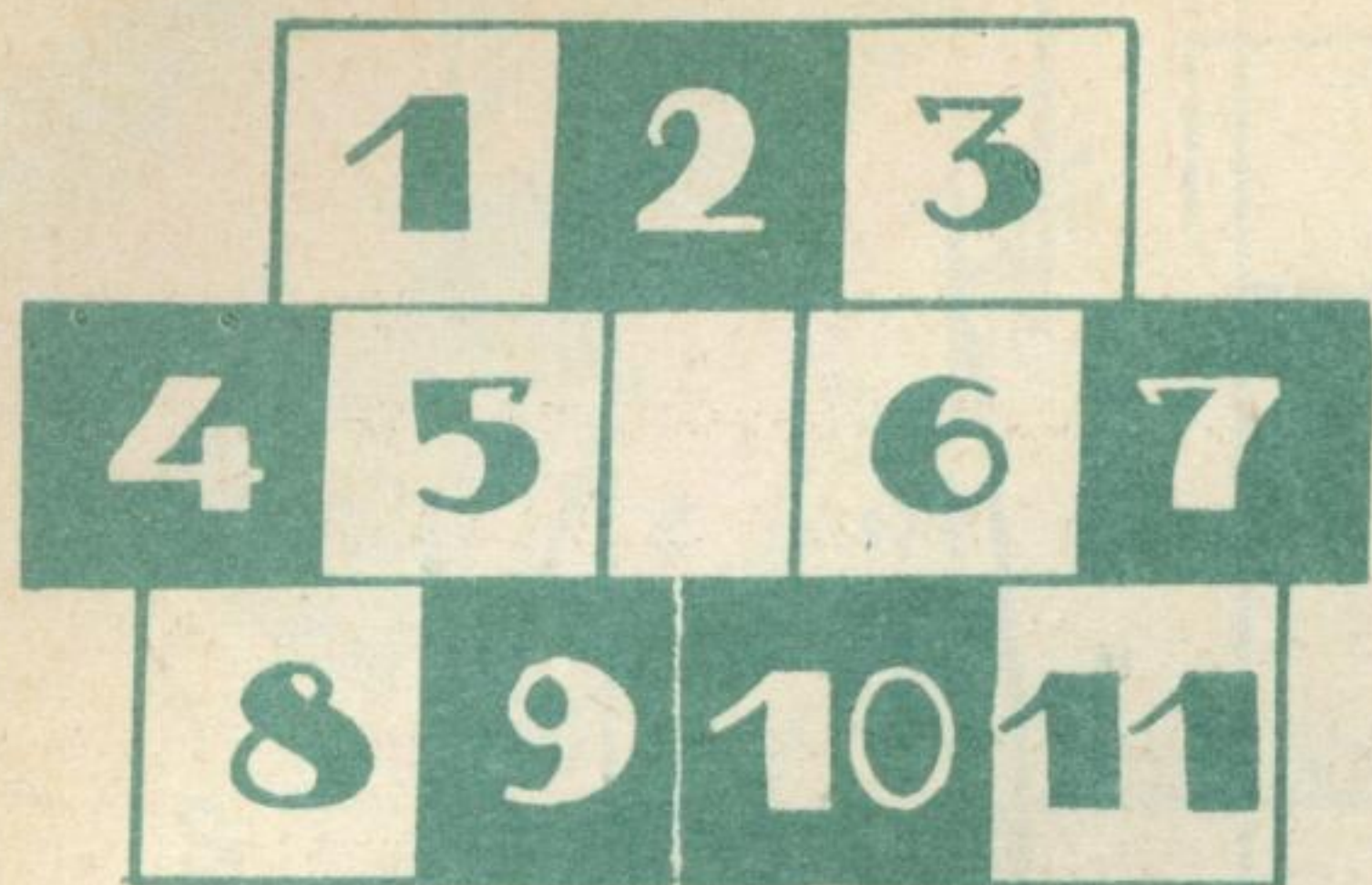
ЗАГАДОЧНЫЕ РИСУНКИ

В условиях задачи были показаны вид спереди и вид сверху. Так выглядит не одно, а два тела — вот они.

ДРУЗЬЯ И БРАТЯ

Брат моего брата либо мой брат, либо я сам. Значит, из того, что А брат Б, а Б брат В, не следует, что А брат В: быть может, А и В один и тот же человек. Ошибается тот, кто так «доказывает» теорему: «Если прямая А параллельна прямой Б, а прямая Б параллельна прямой В, то прямые А и В параллельны». Ведь прямые А и В могут совпадать, в условии теоремы это не оговорено.

УПРЯМЫЕ КВАДРАТЫ

Одно из возможных расположений — на рисунке. Докажем методом от противного, что оно удовлетворяет условию. Допустим, что существует раскраска в три цвета, при которой квадраты с общей границей обязательно разного цвета. Тогда два квадрата, имеющие общих соседей разного цвета, окрашены одинаково (почему?). Поэтому квадраты 4 и 7 окрашены так же, как квадрат 2, квадрат 9 того же цвета, что и квадрат 4, а квадрат 10 — что и квадрат 7. Следовательно, квадраты 9 и 10 с общей границей окрашены одинаково. Противоречие.

КАК ПОПАСТЬ В КОРАБЛЬ?

- а) Возьмем пять горизонталей через одну друг от друга и обстреляем все их клетки. Этот план гарантирует попадание в трехклеточный корабль не более чем за 50 выстрелов.
- б) Докажем, что гарантирующий попадание план состоит не менее чем из 50 выстрелов. Предположим противное. Пусть есть план из 49 или меньшего числа выстрелов. В таком случае корабль будет наверняка подбит, где бы он ни стоял. Разобьем всю доску на 25 квадратов размером 2×2 . В каком-то из них будет обстреляна только одна клетка: если бы на каждый квадрат приходилось не меньше двух выстрелов, то всего надо было бы стрелять не меньше $2 \times 25 = 50$ раз. Поставим корабль на три необстрелянные клетки этого квадрата 2×2 . При стрельбе по рассматриваемому плану корабль не будет подбит. Противоречие.

ЗНАТОКИ ПОПАЛИ ВПРОСАК

Составим таблицу четверки сильнейших:

Миша	— I
. Симаков	— II
Коля	— III
. Блинов	— IV

Чигрин не попал в четверку сильнейших. Значит, первое и третье места заняли Копылов и Зимин. Но знатоки, предсказавшие, что на первом месте будет Копылов, ошиблись (так сказано в условии), значит, первым был Зимин, а Коле Копылову досталось третье место.

Знатоки считали, что второе место займет Валерик, третье — Чигрин, а четвертое — Эдик. Значит, Чигрина зовут не Эдик и не Валерик. Остается последняя возможность: имя Чигрина Игорь. Имена ребят, завоевавших второе и четвертое места, Валерик и Эдик. Прогноз неверен, значит, фамилия Эдика Симаков, а Валерика Блинов.

ЗАДАЧА ДЛЯ СТАРЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ

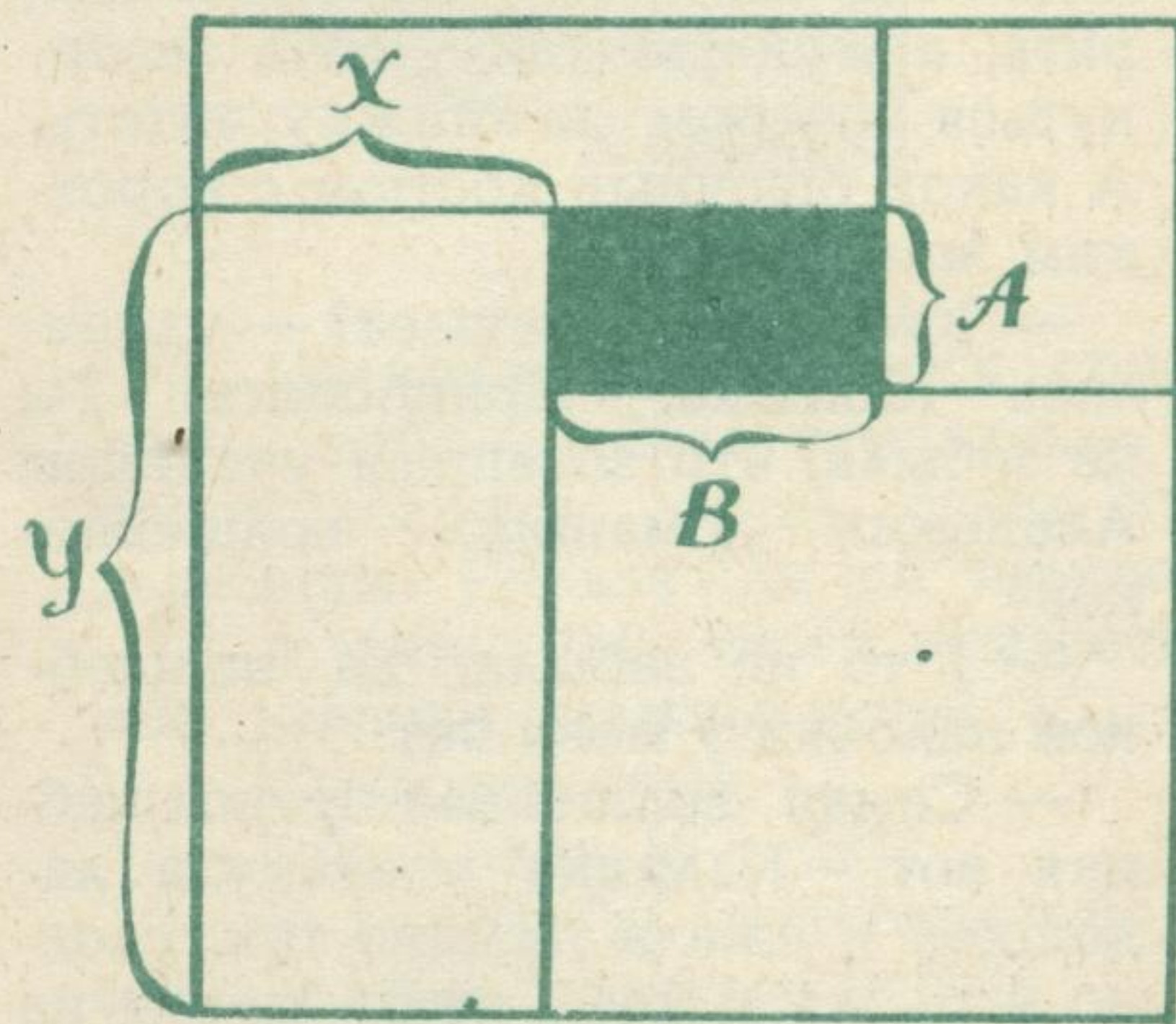
По последней четвертой команде программы в ячейку «23» будет записано число из ячейки «21», независимо от того, больше оно или меньше стоящего в «22». Ошибку заметили четвероклассница Гаянэ Шахмазян (Ленинград) и Когдигтон М. Ког из Кишинева (8-й класс). Вот правильная программа:

- 1) «21» — «22» → «24».
- 2) «24» > 0 → 4/.
- 3) «30» + «30» → «24».
- 4) «22» + «24» → «23».

РАЗРЕЖЬТЕ КВАДРАТ

На рисунке буквами X, Y, A, B обозначена длина каждой стороны двух из пяти прямоугольников, на которые разбит квадрат размером 13×13 . Через них выражаются длины сторон остальных прямоугольников (как именно?). Длины всех десяти оснований и высот прямоугольников будут различными целыми числами, например, при $X = 5$ $Y = 4$, $A = 1$, $B = 2$; или при $X = 1$ $Y = 7$, $A = 2$, $B = 3$...

НАШ КРОССВОРД

Первая шифровка. Из условия следует, что $ЧАЙ = АЙ \times 5$, то есть $Ч \times 100 + АЙ = АЙ \times 5$, откуда $Ч \times 100 = АЙ \times 4$, и $Ч \times 25 = АЙ$. Так как число АЙ двузначное, то Ч может быть равно только 1, 2 или 3. Каждому значению Ч соответствует определенное решение. Проверьте это. Значит, ЧАЙ = 125, 250 или 375.

Вторая шифровка. Заменить буквы цифрами можно двумя способами: ТРУД = 7814, ВОЛЯ = 6509, УДАЧА = 14323 или ТРУД = 6514, ВОЛЯ = 7809, УДАЧА = 14323. Ответы отличаются только тем, что числа Т и В, Р и число, обозначенное буквой О, одновременно поменялись местами. С самого начала можно было предсказать, что при такой замене расшифровка остается правильной (почему?).

Ясно, что $У = 1$, а $Д \neq 0$ (почему?). Значит, $ТР + ВО$ не меньше 119. Но ТР и ВО делятся на 13, значит, они среди чисел 26, 39, 52, 65, 78 (почему здесь нет 13 и 91?). Остается проверить две комбинации: $ТР + ВО = 78 + 52$ и $ТР + ВО = 78 + 65$...

Любящим числа. Попробуйте найти все способы расшифровки, а не только те, где числа ТР и ВО делятся на 13. Подсказка — всего 16 ответов.

— Давайте играть в модельеров! — предложил Алеша. — Вы мне будете рассказывать о платьях, а я их буду рисовать. Хотите?

— Хотим! — обрадовались Лёка и Марина. — Ты в тысячу раз лучше нас рисуешь.

Алеша принес большой лист белой бумаги, коробку акварельных красок и начал рисовать.

Кисточка в Алешиной руке летала легко и весело. И на бумаге один за другим возникали костюмы, куртки, платья, свитеры, жилеты и фартуки.

— Прикоснуться бы к этим рисункам волшебной палочкой, — вздохнула Лёка, — и все стало бы всамделишным. Платье можно было бы надеть да отправиться на бал, вот этот полосатый фартук подвязать да пойти пирожки жарить, а в пончо так уютно завернуться вечером и книжку читать. А какой брючный костюм с коротким жакетиком!

— Кто тебе мешает? — удивилась Калинка. — Прикоснись! Ты не забыла, что зовешься учеником Академии домашних волшебников?

— Я-то не забыла, да волшебной палочки у меня нет.

— Самая волшебная-преволшебная вот. — Калинка взмахнула ладошкой и сжала пальцы так, словно в руках у нее... утюг, потом на смену утюгу пришел невидимый виток сантиметра, а потом ножницы, иголка, крючок, спицы... — Чем не волшебная палочка? Все, что ни захочешь, может исполнить... Только надо захотеть!

— Скорее, Калинка, скорее, скорее! — заторопилась Лёка. — Будем шить этот брючный костюм. Мама давно купила мне красную шерсть, а Марине зеленую, и еще я хочу жилет.

— И я хочу костюм и жилет, — сказала Марина.

— Мне много не надо, — независимо сказал Алеша. — Один жилет.

— Жилет будет хорош из толстой пальтовой ткани, или искусственной кожи, или замши. Можно перешить и из чего-нибудь старого, — сказала Калинка. — Сейчас мы соорудим два чертежа. Чертеж костюма на два размера — Лёке и Марине. И один чертеж жилета для всех сразу, только девочкам можно шить жилет длиннее.

— А жилеты можно вышить? — спросила Лёка. — Или украсить аппликациями и кисточками?

— Всем, чем захочешь, хоть бубенчиками, — засмеялась Калинка, но тут же добавила: — Надеюсь, вы понимаете, что я шучу. мода есть мода, но доходить до крайности не надо. Красивый жилет, украшенный кисточками или вышивкой, безусловно, красив, но с бубенчиками он будет смешон. Понимаете?

— Понимаем, — уверенно сказала Лёка. — Мы помним, как ты говорила: «Знай в моде меру».

— Молодцы! Все слышите, все помните. Нам надо шить два костюма и три жилета. Много, — задумчиво сказала Калинка. — Придется решить, что шить сначала, а что потом.

— Я могу подождать, — сказал Алеша.

— И я подожду, — согласилась Лёка. — Марина мне отдала свой костюм, из которого выросла. Сначала ей надо шить.

— Значит, мы шьем костюм Марине и жилет Алеше. А потом костюм Лёке и жилет ей и Марине. Так?

Все согласились, что это справедливо.

Раздвинули большой стол, застелили его клеенкой, достали гладильную доску, утюг, принесли швейную машину, вытащили рабочую корзину с нитками, иголками, разной тесьмой, и закипела работа.

Вы думаете, Алеша гордо отправился к себе домой или сел в кресло да принялся решать хитрые задачки из последнего номера «Пионера»? Ничуть не бывало. Он помогал Калинке сделать чертежи, и кроил, и утюжил, и шил наравне со всеми. Недаром во все времена лучшими портными были мужчины! Зато жилет ему вышила сама Калинка. Тамбурным швом. Вот так...

ИЗ ЛЁКИНОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Вспомним, прежде чем приступить к крою, что ткань декотируем, прогладив через мокрую хлопчатобумажную или льняную тряпку. Все детали кроя раскладываем на ткани по долевой нитке. Если брюки, жакет и жилет делаются на подкладке, подкладка кроится по той же выкройке. Можно под воротник и борта жакета и жилета подложить полоски холста. А низ брюк подшить на кромку — пришить полоску хлопчатобумажной тесьмы.

И еще. Припуски на швы на чертежах не указаны, поэтому при раскрое надо прибавить на подшивку брюк 6 сантиметров, на открытые швы — 2 сантиметра, а на скрытые — 0,7 сантиметра.

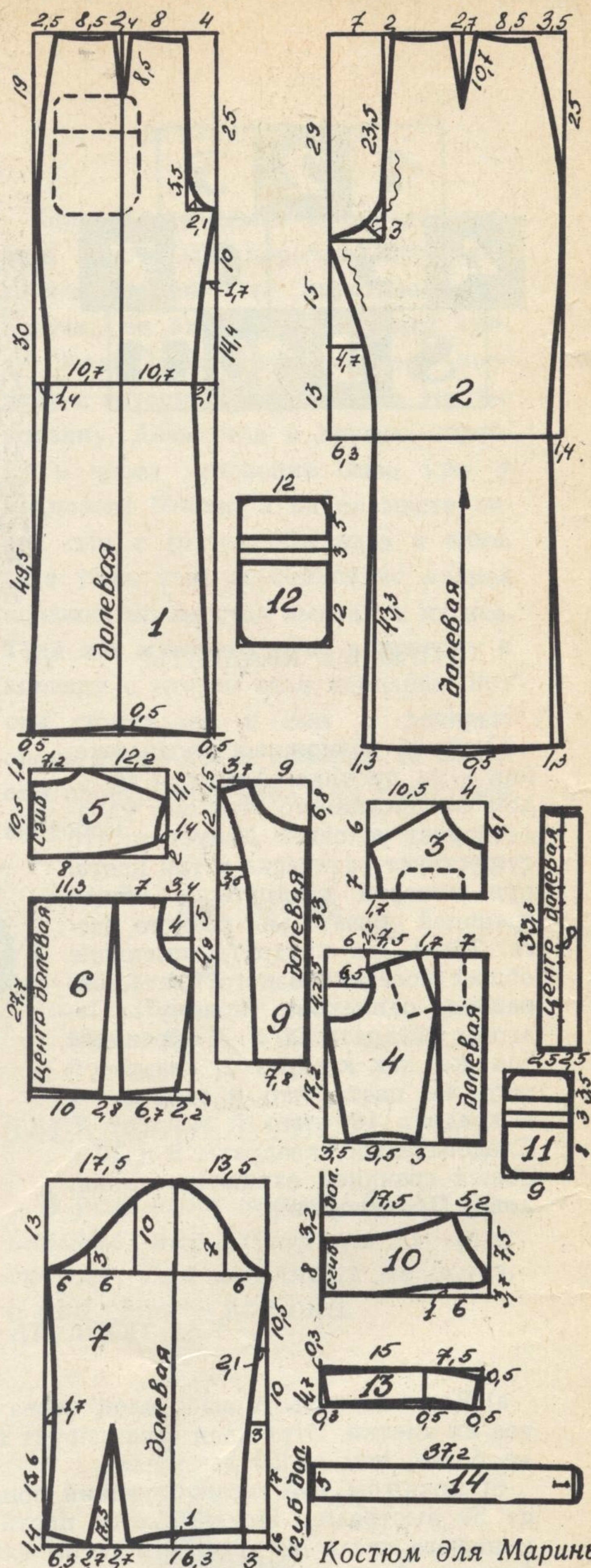
Обе выкройки 40-го размера, третьего роста. Их можно приблизительно уменьшить или увеличить.

Для 38-го размера надо все уменьшить: боковой шов и ширину рукава на 1 сантиметр, пройму, ширину горловины и окат рукава на 0,5 сантиметра, длину всех деталей на 1 сантиметр. Плечевой шов опустить на 0,5 сантиметра.

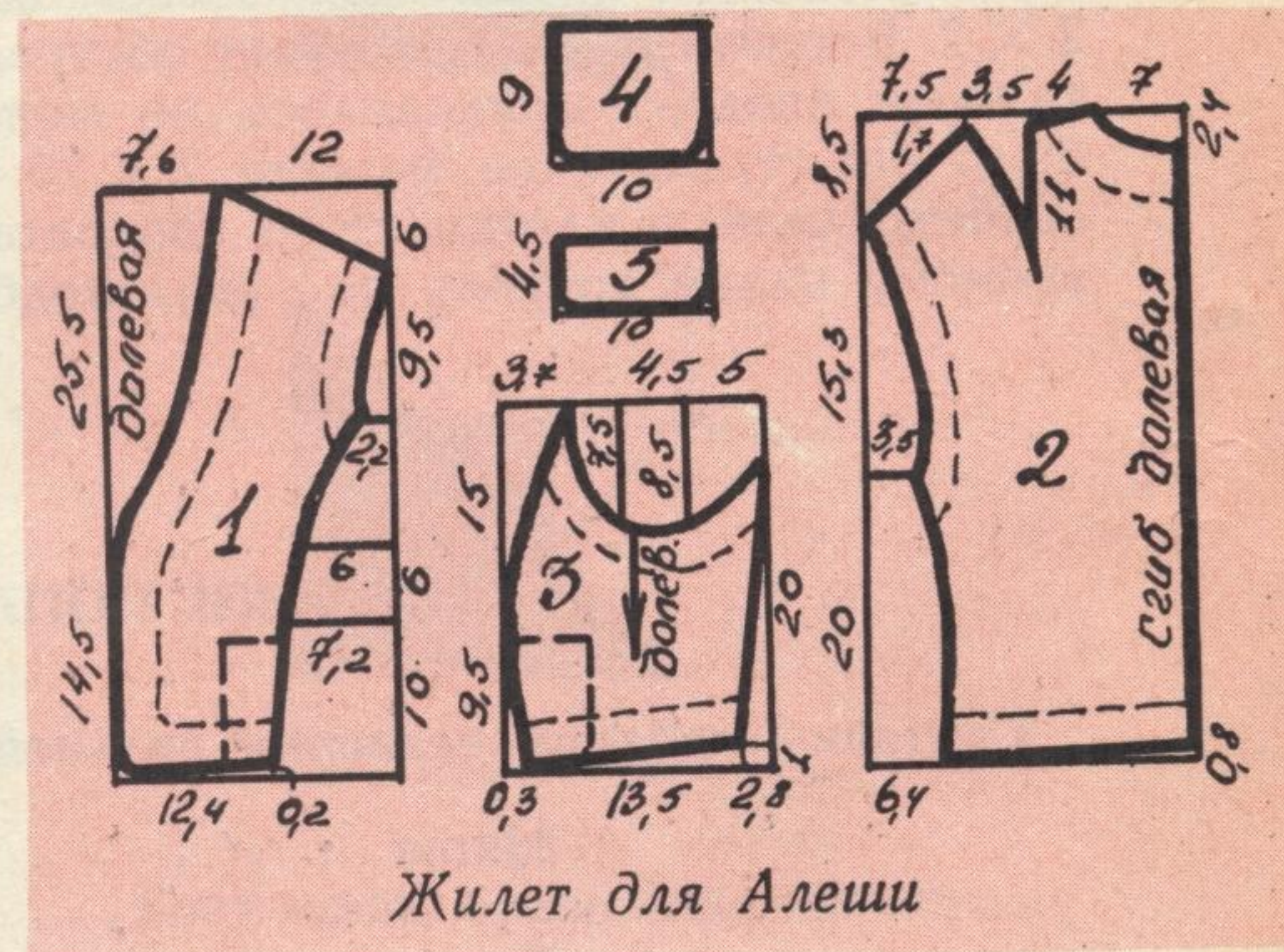
Для 42-го размера плечевой шов поднять на 0,5 сантиметра, а все остальное соответственно увеличить.

КОСТЮМ ДЛЯ МАРИНЫ

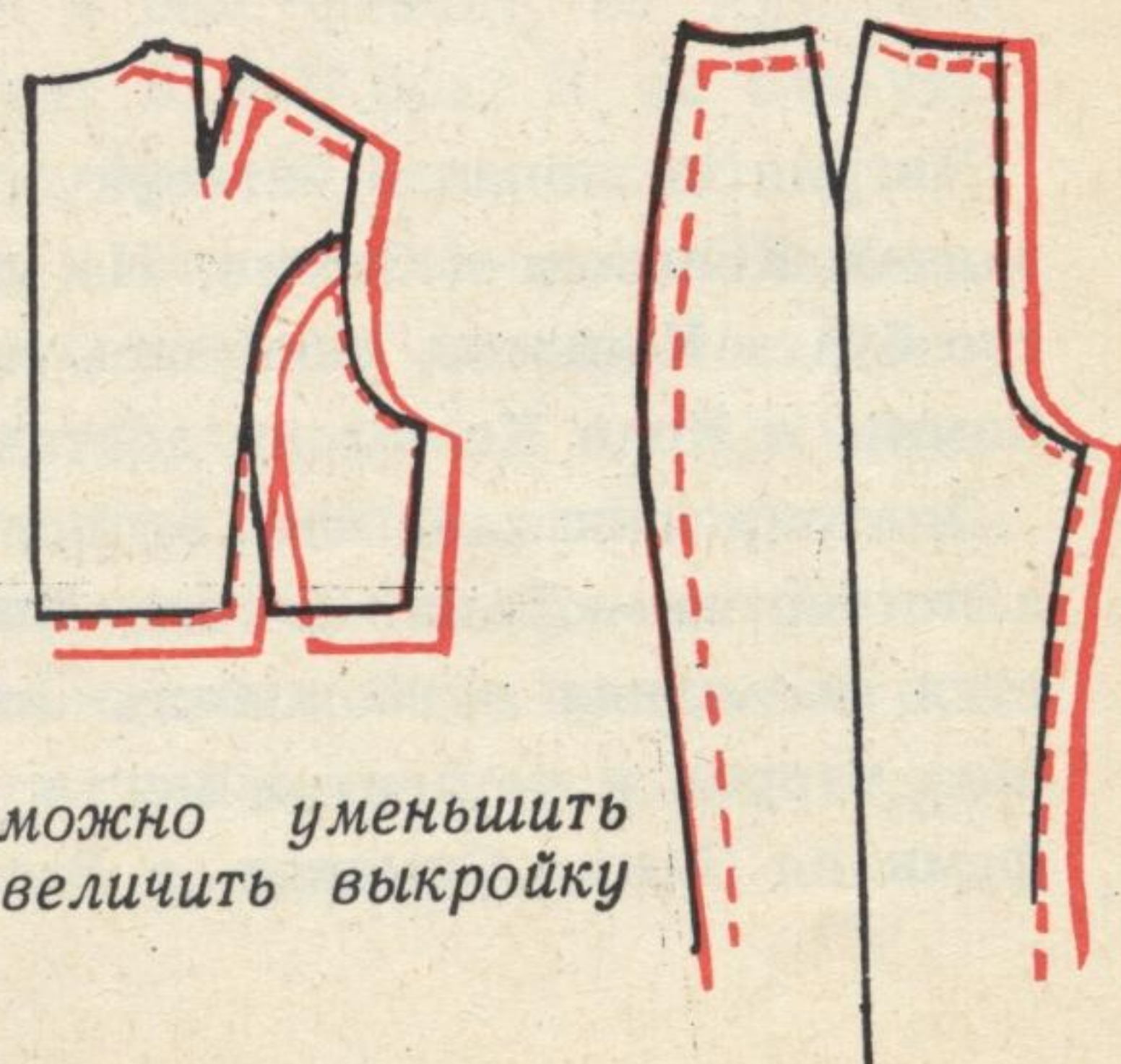
Длина брюк 100 сантиметров, объем бедер 90 сантиметров, объем груди 80 сантиметров. При ширине ткани 140 сантиметров на-

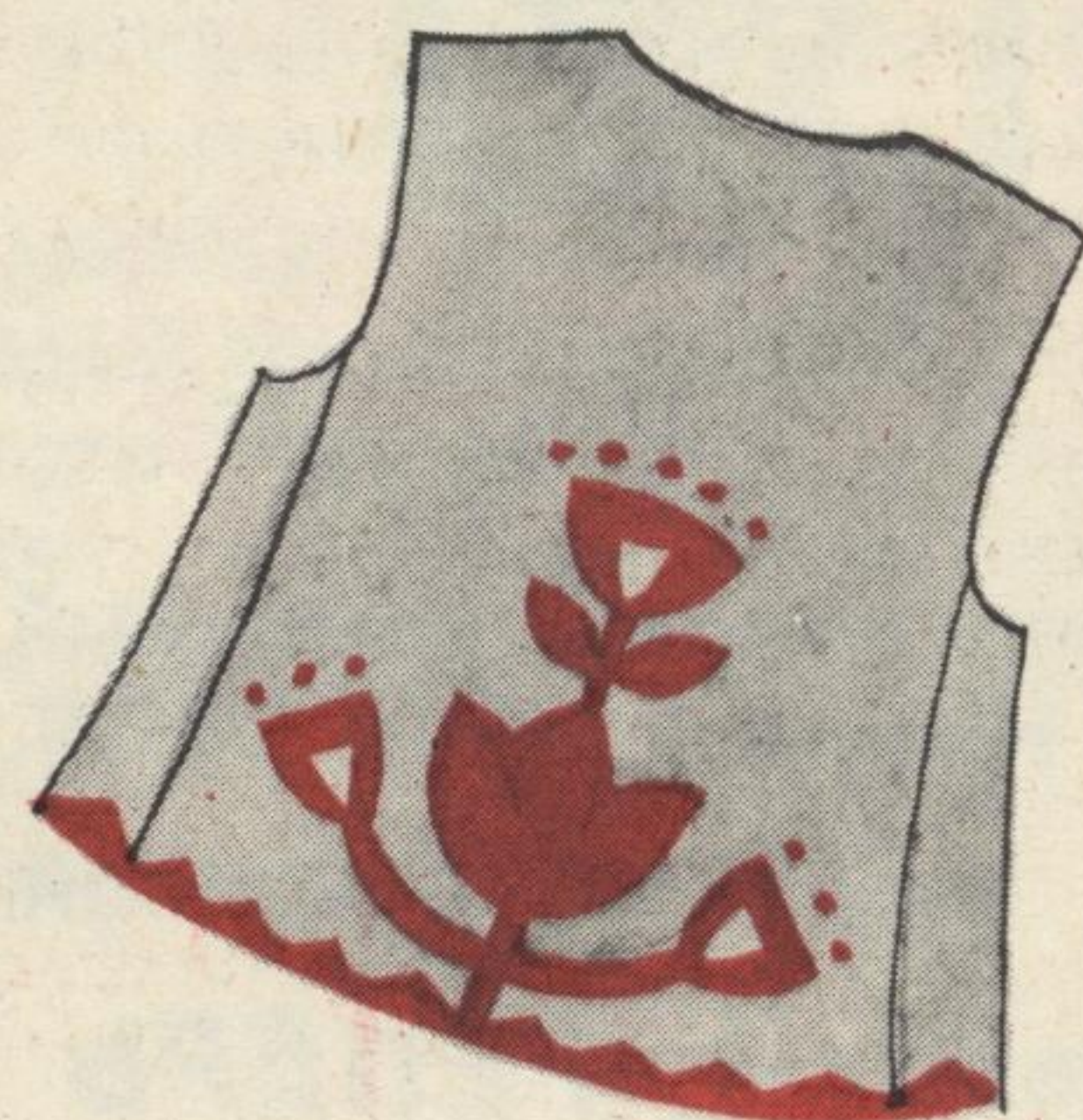
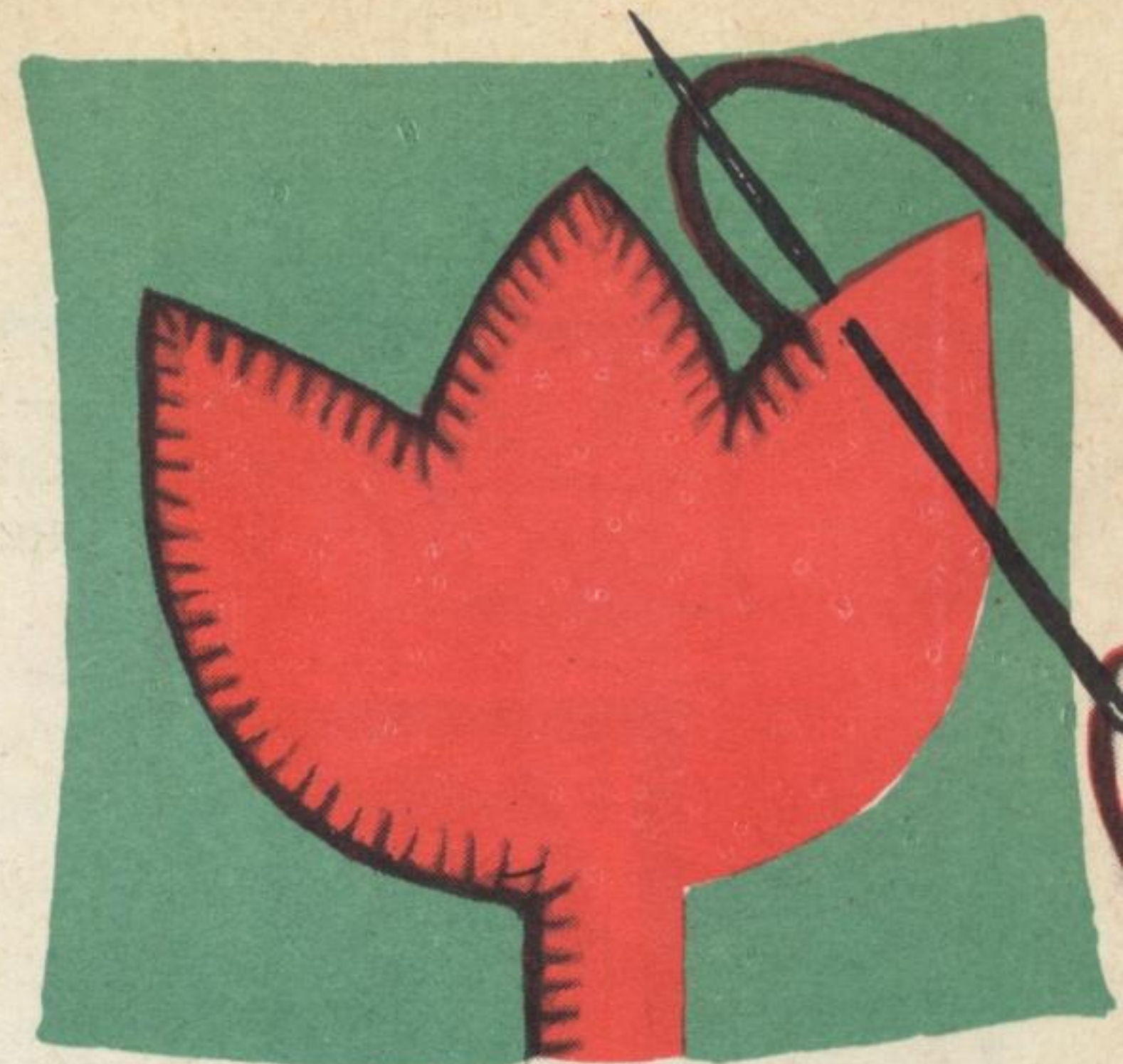
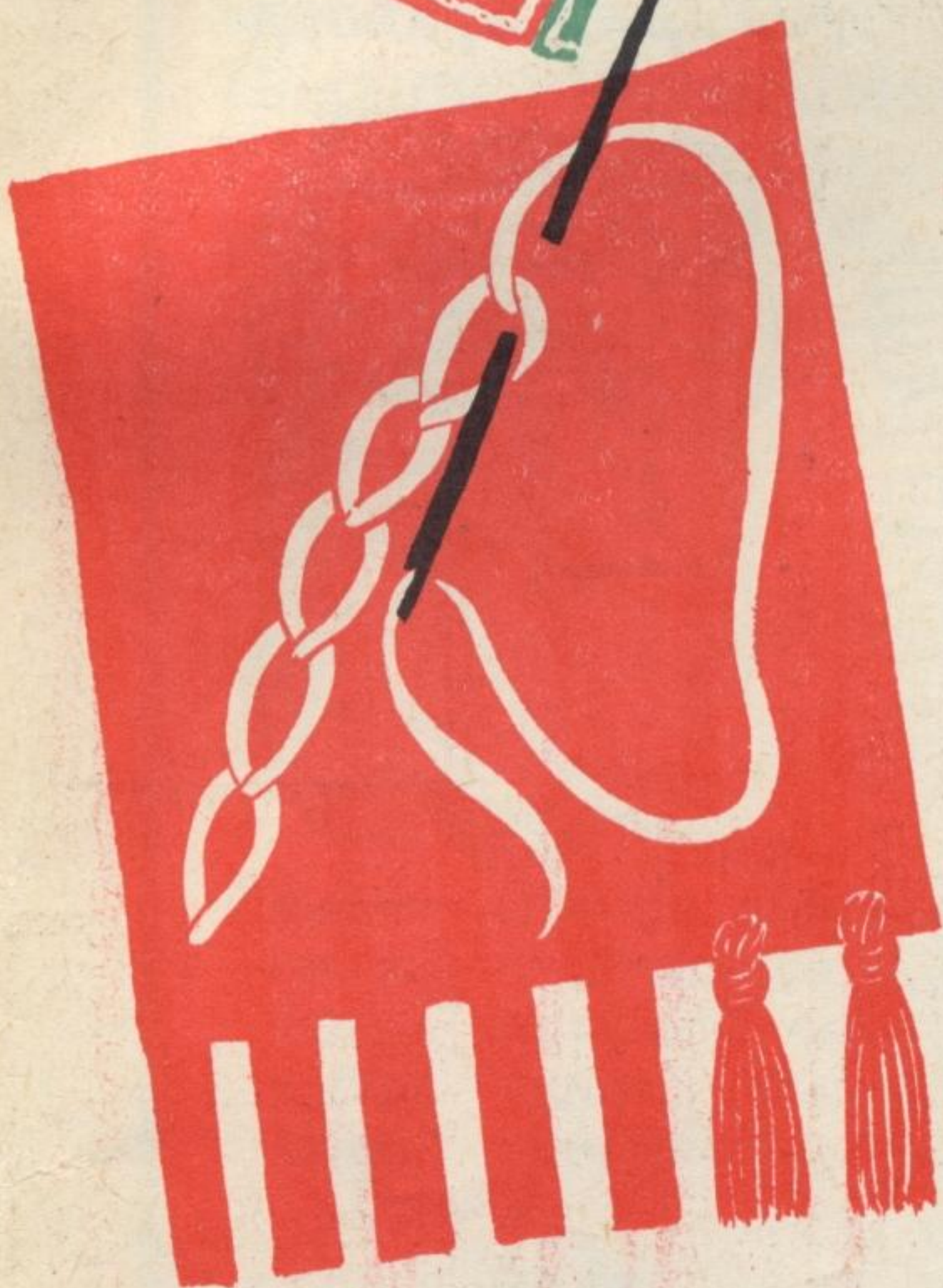
Костюм для Марины

Жилет для Алеша

Так можно уменьшить или увеличить выкройку

до два с четвертью метра. Здесь три метра. Из остатка можно сшить и жилет, и кепочку, и красивую сумку.

Детали:

- 1—2 передняя, задняя половинки брюк по 2 детали
- 3—4 кокетка переда и перед жакета по 2 детали
- 5—6 кокетка спинки и спинка жакета по 2 детали
- 7 рукав — 2 детали
- 8 планка переда — 2 детали
- 9 обтачной подборт жакета—2 детали
- 10 воротник — 2 детали
- 11 карман жакета — 2 детали
- 12 карман брюк — 2 детали
- 13 притачная манжета и обтачка — 4 детали
- 14 притачной пояс жакета — 2 детали

Раскладываем выкройки на ткани, обводим мелом контуры деталей и осторожно разрезаем ткань, оставляя припуски на швы.

Отмечаем ниткой линию центра на спинке, линии центра на планках (левой и правой), линии складок на передних половинках брюк. Сметываем и застрачиваем вытачки брюк, рельефы спинки и переда жакета.

Следующий важный этап — влажно-тепловая обработка с помощью горячего утюга и влажной тряпки.

Передние половинки брюк сгибаем по линии центра и заутюживаем стрелки, сутюжив под коленом в области голени по шаговому и боковому швам. В задней половинке оттягиваем утюгом шов сиденья (слонку), помеченный на чертеже волнистой линией.

Потом складываем задние половинки (отдельно левую и правую), совмещаем боковой шов с шаговым и заутюживаем стрелку, оття-

нув ее в области голени, а шаговый и боковой швы там же сутюживаем.

Заодно заутюживаем рельефы на передних половинках жакета и спинке.

Сметываем брюки. Сначала боковые швы, потом шаговые, а затем шов сиденья.

Сметываем жакет. Приметываем кокетки, планку, сметываем боковые и плечевые швы, приметываем пояс. Приметываем манжеты и рукав.

После примерки сострачиваем швы, на планке делаем петли, пристрачиваем подборт, делаем карманы («молнии» вшиваются до того, как пришивают сами карманы) и воротник. Манжету обтачиваем.

Крупной отделочной строчкой украшаем карманы, планку, воротник, манжеты, пояс жакета.

«Молнию» в брюки вшиваем в левый боковой шов, а к верхнему срезу брюк пришиваем корсаж.

Окончательно отутюживаем костюм. Помните? Гладить надо тоже в долевом направлении, чтобы не нарушить стройность сшитой вещи.

ЖИЛЕТ ДЛЯ АЛЕШИ

Объем груди 80 сантиметров, при ширине ткани 140 сантиметров надо 50 сантиметров ткани.

- 1 перед жилета
- 2 спинка
- 3 подкройной бочок
- 4—5 карман и клапан кармана

Пунктиром указаны обтачки проймы и горловины, подборт. Жилет для девочек кроить по этому же чертежу с учетом изменения размера. Я бы сделала его длиннее и украсила аппликацией и бахромой или скроила его двухцветным, из зеленой и красной шерсти. Спинка может быть зеленой, а полочки красные, но на полочках зеленые аппликации.

*

— Калинка, мне хочется спросить тебя.— Лёка замаялась.— У одной девочки... очень, очень худые ноги. Нельзя ли ей помочь?

— А какие ей, твоей неизвестной девочке, нужны ноги?

— Обыкновенные.

— Такие, как у тебя?

— У меня? Ты считаешь, что у меня вполне толстые ноги?

— Вполне,— засмеялась Калинка.— Твоя неизвестная девочка успокоилась?

— Успокоилась.— Лёка тоже засмеялась.— Я понимаю, что глупо называть себя неизвестной девочкой, но как-то не хочется говорить про свои недостатки.

— Ах, я уже привыкла к тому, что все мои знакомые девочки и мальчики жалуются на свою худобу или толстоту, на толстые щеки или слишком пышные волосы.

— Жалуются на хорошие косы? — удивилась Лёка.— Вот уж глупо!

— Представь себе такую картину: все люди с одинаковыми коротенькими носиками, со стандартными фигурами. Ни толстеньких, ни худеньких, ни высоких, ни маленьких. Все одинаковые!

Лёке представился такой страшный мир, и она ужаснулась:

— Ой, Калинка, не надо! Пусть все будут разные. И знаешь, пускай девчонки и мальчишки поменьше думают о своих недостатках.

— Конечно! Вы все растете и меняетесь на глазах. Худой сегодня мальчик через два года становится настоящим атлетом, а толстенькая девочка превращается в стройную высокую девушку...

Бывает и так. Подчас кажущиеся недостатки оказываются истинными достоинствами. То, что хорошо одному, плохо другому. Значит...

— Цени то, что есть у тебя, а другому не завидуй,— сказала Марина.

Сегодня я приготовил новые входные билеты. Помните, как нужно их заполнить? В квадраты впишите такое слово, которое бы служило концом первого и началом второго.

Дед Буквоед

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

А ТЕПЕРЬ

Давайте составим, ребята,
Кроссворд из шнурка и каната.
Но, чтоб затянуть их потуже,
Шнурок намочите-ка в луже.

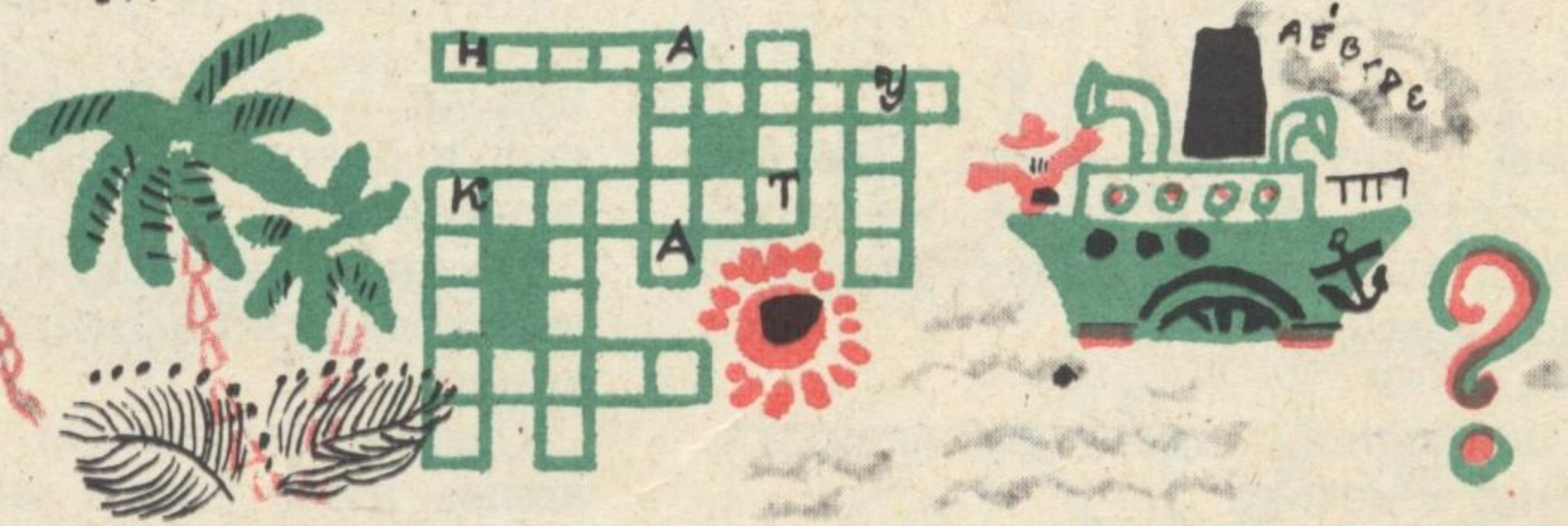
шнурок

канат

лужа

ПРИМЕЧАНИЕ. В кроссворд можно вписывать только названия животных, птиц и рыб, а буквы брать только из слов «шнурок», «канат», «лужа». Кроссворд помог мне, правда, с трудом, поймать зверька, который живет в Австралии. Какого? Вы узнаете, решив этот кроссворд.

СОДЕРЖАНИЕ

У памятника Ленину.— Стихи Д. Кугультинова. Перевела с калмыцкого Ю. Нейман	2-я стр. обложки	
В. И. Ленин.— Скульптурный портрет народного художника Дагестана А. Газалиева	2-я стр. обложки.	
Санчо и желтый змей.— Повесть Ю. Яковлева. Окончание. Рисунки С. Трофимова		2
Атана.— Стихи Л. Кузубова		15
Пятилетка, год третий — решающий. Фото А. Пахомова		16
Памятные сердцу места		18
Трудный вопрос.— Л. Симонова. Рисунки И. Красулина		19
Тимуровские звезды.— Песня. Слова В. Орлова. Музыка В. Боганова		22
Кругом люди.— Рассказ Н. Рулева. Рисунок А. Борисова		23
Скоро старт! — С. Егоров. Фотографии В. Постникова		28
Пионерский костер.— Стихи Ю. Луцкевича		29
Теория.— Стихи Г. Гейне. Перевел с немецкого Ю. Тынянов. Рисунки Н. Доброхотовой		30
Встречи с Генрихом Гейне.— Л. Гинзбург		30
К далеким островам.— Г. Дмитриев. Фотографии автора		33
Новые похождения Карлсона.— Повесть А. Линдгрена. Продолжение. Перевела Л. Лунгина. Рисунки П. Багина		36
Край мой северный.— С. Александрович		44
Растем сильными, смелыми, ловкими.— Фото В. Постникова		46
Работа научная, важная, интересная.— Т. Демина. Рисунки Ю. Карповой. Фотографии В. Постникова и М. Савина		48
Идет разговор на Большом Общем Совете		51
Творчество. Глаза юнцов. Фарфор. Поздний ветер. Борьба.— Стихи Л. Мартынова. Рисунки Б. Полянского		52
Под музыкальным деревом.— А. Кленов. Рисунки Н. Доброхотовой		54
Что нам читать?		60
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Международный мастер М. Юдович. Рисунки Н. Доброхотовой		65
Был бы только мяч! — В. Козлов. Фотографии В. Постникова		67
Международный пионерский клуб «Товарищ» «Ташкент».— Рассказ О. Туманова. Рисунок П. Панченко		70
Слышать голос трубы! — С. Иванов, В. Матвеев		72
Встречи с Тремя Неизвестными		75
Академия домашних волшебников.— Модели Т. Пироговой, рисунки Т. Ларионовой		76
Ума палата.— Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой		78
		80

На обложке:

«Растем сильными, смелыми, ловкими!»
Рисунок И. Урманче.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

О. И. ГРЕКОВА, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Б. М. ЗУМАКУЛОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, В. Ф. МАТВЕЕВ (зам. главного редактора), С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. И. ОРЛОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА (главный художник).

Адрес для писем: 101459. Москва, А-15. ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Технический редактор В. П. БОРИСОВА. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 26/1—1973 г. А 02544. Подписано к печати 9/III 1973 г. Формат 84×60¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 688. Заказ № 292.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Игры Лупы и Пинцета

Забейте два гола!

Наша коллекция пополнилась восемнадцатью новыми марками: СССР, Болгарии, Польши, Чехословакии, ГДР, Югославии, Албании, Австрии, Греции, Италии, Франции, Финляндии, Норвегии, Швеции, Бельгии, ФРГ, Голландии, Швейцарии.

Мы получили их как раз в тот день, когда разыгрывался финальный матч на первенство Европы по футболу.

— Предложим ребятам забить парочку мячей! — обрадовался Пинцет, заядлый бо-

лельщик. — Сложим из шестнадцати марок ворота, и пусть две оставшиеся марки будут посланы в верхние углы, под самую штангу справа и слева. Как всегда, рядом должны быть только марки граничащих между собой стран.

Судьей матча назначили подвижного гвинейского кабана. Марку с его изображением получит (по жребию) лучший нападающий.

Желаем вам успеха!

Лупа и Пинцет

МАРКОВУСЫ

Недавно Живживка познакомился с одним чудачком медведем. Медведь сидел на поляне, мастерил что-то из колоды. Вот про него песенка:

Молоток, пила и клещи —
Замечательные вещи,
Посмотрите, как медведь
Ими учится владеть!

Придумайте продолжение рассказа про чудачка медведя в рисунках. Рисунки присылайте мне.

Живживка

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 3

ВХОДНОЙ БИЛЕТ

Дед Буквоед очень доволен. Его входной билет понравился ребятам. Все они отгадали слова: жир, оса, ток, мак, мак, порт.

Спасибо всем, кто присылает стихи для Школы птиц и зверей.

Живживка.

КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА

Перо на этот раз задал вам нелегкую задачу. Те, кто живет в Москве, звонили в редакцию, просили немножко подсказать им, но капитан наотрез отказался: «Пусть сами думают! Я тоже долго ломал себе голову, пока в конце концов не установил, что Ир и Бер были охотниками, а Ор — рыболовом».

МАРКОВУСЫ

С ними ребята быстро справились. Все угадали, что неизвестные марки из Пакистана и Занзибара.

ГУСИ У БАВУСИ

Эта задача оказалась для многих наших читателей трудной. Вот ответ:

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Робин Гуд зовет на помощь

Враги схватили Робин
Гуда.
Он брошен в темный
каземат,
И если не свершится чуда,
То на заре его казнят!

Вот пять ключей: найди
скорее
Такой, чтоб им одним ты
мог
Открыть и двери в галереях
И тайной камеры замок.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Вы пишете, что вам нравятся даже самые сложные наши задачи. А для нас самая сложная задача — определить победителя. Жививка с Дедом Буквоедом тянули жребий, и по жребию премии за правильное решение игры «с собакой» из номера первого присуждаются Сереже Афонину из Москвы и Олегу Прахову из Мурманска. А из всех рисунков, которые вы прислали в «Пионер», мы сделали выставку в «Палате ума».

ЛУПА И ПИНЦЕТ.